ГЕРОЙ МАЛОРОССІИ

ЗИНОВІЙ-БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ

—) ИЛИ (—

ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ КЪ РОССІИ.

„Да будетъ едино стадо и единъ пастырь".

„Волимъ подъ царя восточнаго".

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ 4-хъ ЧАСТЯХЪ!

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

Евгенія Ив. Горѣлова.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. Д. САЗОНОВА.

МОСКВА.

Типо-лит. Д. А. Бенъ-Брувича, Кузнецкій м., д. кн. Голицыной.

1900.

Дозволено цензурою. Москва, 20 декабря 1899 г.

ГЕРОЙ-МАЛОРОССІИ

Зиновій-Богданъ

ХМѢЛЬНИЦКІЙ

ИЛИ

ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ КЪ РОССІИ.

„Да будетъ едино стадо и единъ пастырь".

„Волимъ подъ царя восточнаго".

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Въ 4-хъ частяхъ.

Ев. Горѣлова.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

Рукобитье.

Еще и не слишкомъ старые люди говорятъ теперь, что и на ихъ памяти погода изъ-года въ-годъ мѣняется и слабѣетъ: не бываетъ такихъ сильныхъ морозовъ зимою и такихъ сильныхъ жаровъ лѣтомъ, какіе бывали тогда, когда теперешніе старые люди были еще молодяками.

Если погода такъ измѣнилась въ какіе-нибудь десятки лѣтъ, то какъ-же она должна измѣниться не въ двадцать или сорокъ лѣтъ, а въ цѣлые вѣка? И подлинно тогда стояли должно быть такіе морозы, при которыхъ достаточно было плеснуть на дворѣ воду вверхъ, чтобы она падала сверху уже не въ видѣ воды, а въ видѣ льда; такъ-же сильны бывали въ глубокую старину и лѣтніе жары.

Особенно жаркое лѣто стояло въ іюлѣ одного изъ тысяча шестьсотъ сороковыхъ годовъ въ Украйнѣ, и украинскіе земледѣльцы благодарили Господа за то, что Онъ по благости Своей своевременно посылалъ и дождь во время этого жаркаго лѣта, иначе-же нивы украинцевъ представляли бы изъ себя не живописную, радующую взоръ поселянина и много обѣщающую ему въ будущемъ картину, а выжженную солнцемъ пустыню.

Въ одинъ изъ такихъ жаркихъ дней іюля въ поселкѣ Васильевкѣ жара загнала въ хаты и подъ навѣсы всѣхъ, и на улицѣ не было никого: ни молодыхъ, ни старыхъ, несмотря на то, что день былъ праздничный, а въ такіе дни любили выйти на улицу посмѣяться парни и дѣвушки и погрѣть свои кости старики и старушки. Теперь-же никого не было: парнямъ и дѣвушкамъ было не до смѣха, а старые люди искали не тепла, а прохлады. Теперь, кажется, всѣ васильевцы завидовали одной, очень бѣдной избушкѣ, стоявшей на самой серединѣ поселка и благодаря окружавшимъ ее нѣсколькимъ чуть-ли не

вѣковымъ деревьямъ, находившейся въ совершенной тѣни. Въ избушкѣ этой жила старая вдова Катерина съ красавицей Марусей, о красотѣ которой говорили не одни только васильевцы и на которую заглядывались не одни только васильевскіе парни.

Всѣмъ было вѣдомо, что мать съ дочерью крѣпко любили другъ друга и жили всегда въ ладу и согласіи и всякій-бы удивился, что сегодня, несмотря на праздничный день Катерина, отличавшаяся по поселку своимъ богомольствомъ, за что-то какъ будто журила красавицу Марусю, которая сидѣла на лавкѣ около оконца, подпершн своею прелестною, какъ-бы по рисунку выточенною, ручкою голову.

— На твое-же добро говорятъ тебѣ, глупая, а то ты при всей красотѣ своей останешься вѣковать въ дѣвкахъ. Ну сама ты посуди-ка, гдѣ это такой видано, чтобы парень женихался съ дѣвушкою почти полтора года и не заслалъ бы сватовъ?

— Аѳонасъ говорилъ мнѣ, что его отецъ согласенъ и только никакъ не выберетъ

времени начать дѣло,—отвѣчала Маруся, оправляя на себѣ фартукъ.

— Времени не выберетъ?! Мать Пресвятая Богородица, да у кого-же во всей Васильевкѣ столько свободнаго времени, сколько его у Тараса, отца Аѳонасова?! Да я думаю, что и во всей Украйнѣ-то не найти такого человѣка, у котораго было бы столько свободнаго времени, какъ у него. Боюсь я, Маруся, того, что богачъ Тарасъ не согласится совсѣмъ породниться съ нами бѣдняками; вотъ чего боюсь.

Дѣвушка вспыхнула и едва сдерживая волненіе сказала:

— Зачѣмъ-же ты хочешь обидѣть Аѳонаса, развѣ онъ сдѣлалъ намъ что-нибудь дурное, Аѳонасъ не лжетъ никогда!

— Знаю, дитятко мое, что Аѳонасъ человѣкъ хорошій, не такой человѣкъ, чтобы сталъ говорить неправду и не про него я думаю; а про то думаю, что не хитритъ-ли тутъ самъ старикъ Тарасъ, не обманываетъ-ли онъ своего сына и не водитъ-ли его за носъ?

— А объ этомъ, маменька, ты сама ужъ поспрошай Тараса, кстати вонъ онъ теперь куда-то идетъ мимо насъ, ужъ не къ намъ-ли? Батюшки, такъ и есть! Свернулъ по нашей тропочкѣ и идетъ; я, маменька, пока въ садъ побѣгу!

И не дожидаясь отвѣта матери, дѣвушка поспѣшно вышла изъ хаты.

Сердце старухи Катерины усиленно забилось: она знала, что лѣнивый и богатый старикъ Тарасъ никуда не пойдетъ даромъ, особенно въ такую погоду.

— Есть тутъ живые люди-то? А то можетъ быть отъ этой дьявольской жары всѣ перемерли!

„Хорошій старикъ этотъ Тарасъ, подумала между тѣмъ Катерина, но не хорошъ только однимъ: любитъ онъ упоминать и кстати и не кстати нечистаго. Ишь его и въ хату еще не вошелъ, а ужъ помянулъ!

— Слава Богу и Пресвятой Богоматери тутъ всѣ живы,—отвѣчала она вслухъ, и рады принять добраго человѣка!

— Здравствуй кума!—поздоровался старикъ Тарасъ и самъ не зная, почему онъ

назвалъ Катерину кумою, такъ какъ ни онъ у нея, ни она у него дѣтей не крестили.

— Здоровому быть, дядя Тарасъ! Садись-ка!

Тарасъ грузно опустился на скамейку около того окна, гдѣ только что сидѣла Маруся и сталъ отирать потъ, градомъ катившійся по его лицу. Тарасу было лѣтъ шестьдесятъ, росту онъ, пожалуй, былъ средняго, но непомѣрная толщина его дѣлала то, что онъ выглядывалъ низенькимъ; болѣе ничего нельзя было сказать о фигурѣ, о внѣшнемъ видѣ Тараса: все у него заплыло жиромъ.

— А вѣдь жарко, Катерина?—спросилъ онъ.

— На что жарче! благодареніе Богу, что дожди-то перепадаютъ.

— А я къ тебѣ, Катерина, отъ жары пришелъ; знаю, что во всей Васильевкѣ нѣтъ такой хаты, въ которой было бы столько тѣни, какъ у тебя, ну и надумалъ придти!

„Хитри, хитри, старый грѣховодникъ, —думала Катерина,—ровно и не знаю я о

твоей бесѣдкѣ-то! Ну да вѣдь все равно, скажешь-же, зачѣмъ пришелъ.“

— Милости просимъ всегда, отвѣтила она—у меня тѣнь!

— Ну, каково поживаешь, тетка Катерина?

— Живу, благодарю Бога; посылаетъ онъ на мою долю.

— Съ хлѣбами-то управляешься?

— Да вдвоемъ-то намъ по такой погодѣ развѣ подъ силу управиться; батрака себѣ наняла!

— Это хорошо!—сказалъ Тарасъ, потомъ побарабанилъ по столу своими короткими толстыми пальцами и сталъ глазами обводить стѣны хаты.

— А гдѣ-же у тебя дивчина-то, Маруся-то твоя гдѣ?—спросилъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Въ саду она теперь небось, подъ вишней сидитъ.

— Это хорошо!—опять похвалилъ Тарасъ и, немного помолчавъ, сказалъ:—и мой Аѳонасъ тоже въ саду!“

Потомъ толстый Тарасъ помолчалъ поболѣе и какъ бы собравшись съ духомъ,

поглядывая въ окно, произнесъ: я своего Аѳонаса-то женить вотъ скоро сбираюсь!

— Въ святой часъ!

— Оно такъ-то такъ—только ужъ если женить, то невѣста нужна!

Старуха Катерина, несмотря на свои лѣта, чуть-ли не пырснула отъ смѣха отъ такого замѣчанія толстяка Тараса но, удержавшись, серьезно отвѣчала ему:

— Конечно, если парня женить, такъ ему невѣста нужна; только что-же?—у Аѳонаса дѣло за невѣстой не станетъ, онъ самъ парень хорошій, и ты человѣкъ хорошій, и любая дивчина охотно пойдетъ въ вашъ домъ.

Тарасъ молчалъ и отдувался какъ кузнечный мѣхъ.

— Такъ ты говоришь, что Аѳонасъ парень хорошій?—спросилъ онъ Катерину, нѣсколько подумавъ.

— А кто-же и чѣмъ-же его похулить?—также спросила Катерина.

— И я, говоришь, человѣкъ хорошій?

— Никто и отъ тебя дурного не видитъ и не видалъ, кажется!

— Такъ я къ тебѣ по одному дѣлу:

Аѳонасъ-то мнѣ въ ноги кланялся, сходи говоритъ къ Катеринѣ и поговори съ нею, чтобы она выдала за меня Марусю. Ты какъ, кума?

— По мнѣ что-же? Я сказала, что оба вы люди хорошіе и отъ своихъ словъ не отказываюсь: я согласна выдать Марусю за Аѳонаса, только объ этомъ надо поговорить съ самою Марусею, какъ она?

Тамъ какъ хочешь съ нею, только мы-то съ тобой по рукамъ что-ли?—торопился Тарасъ поскорѣе кончить порученіе, возложенное на него сыномъ, выполнить которое для лѣниваго старика было очень трудно, такъ какъ онъ обыкновенно цѣлыми мѣсяцами никуда не выходилъ изъ хаты. Ему надоѣло уже сидѣть въ хатѣ Катерины и къ тому-же онъ съ ужасомъ помышлялъ о томъ, что ему надо будетъ еще пройти до дому.

— Я сказала уже, что я согласна!

— Ну такъ вы тутъ дѣлайте съ Аѳонасомъ и Марусей, какъ хотите, только меня не тревожьте! Денегъ когда надо, то спросите; а я теперь прощай, кума, мнѣ некогда! — сказалъ Тарасъ и пере-

валиваясь съ ноги на ногу вышелъ изъ хаты.

— Счастливу быть!—отвѣчала ему Катерина, обрадованная тѣмъ, что дѣло пришло-таки къ концу.

Маруся, хотя и не была въ хатѣ въ то время, когда тамъ былъ Тарасъ, знала уже, что за разговоръ происходилъ между ея матерью и Тарасомъ; знала она объ этомъ и потому, что Тарасу иначе какъ о сватовствѣ ея за Аѳонаса и дѣла никакого не было до ихъ хаты, но всего болѣе потому, что ей все разсказалъ Аѳонасъ, который встрѣтилъ ее въ саду, лишь только она вышла туда.

— Я такъ и зналъ, что ты будешь здѣсь, мое серденько!—сказалъ Аѳонасъ, встрѣтивъ Марусю въ саду и любовно глядя на дѣвушку, испугавшуюся его неожиданнаго голоса.

— И ты тутъ! Почему-же ты зналъ, что я приду въ садъ?

— Потому, что я зналъ, что ты еще изъ окна увидишь моего отца.

— А онъ развѣ къ намъ?

— Да, серденько мое, онъ пошелъ къ

вамъ, чтобы покончить дѣло, и теперь тетка Катерина ужъ не будетъ журить тебя. Поцѣлуй-же меня, моя радость, вѣдь это я упросилъ его идти къ теткѣ Катеринѣ.

Маруся крѣпко обвила своими гибкими руками загорѣлую шею Аѳонаса и громко три раза поцѣловала его.

— И заживемъ-же мы съ тобою, мое сердце, радость моя, —говорилъ Аѳонасъ, обнявъ своею дюжей рукою гибкій станъ дѣвушки и любовно глядя въ ея прелестныя голубыя очи.

— Пошли намъ, Пресвятая Богородица! вторила она ему и глазъ не спускала съ его открытаго, молодого, мужественнаго лица.

И они стали строить планы своей совмѣстной, будущей жизни, и долго говорили они, любуясь другъ на друга, пока наконецъ не раздался громкій окликъ тетки Катерины:

— Маруся, да гдѣ-же ты запропастилась, что я не найду тебя?

— Прощай, моя радость, сказалъ Аѳонасъ и, поцѣловавъ дѣвушку, въ одинъ мигъ перескочилъ черезъ не высокій плетень.

— Тутъ я, матушка! — отвѣчала Маруся, выходя на голосъ матери. Щеки дѣвушки горѣли яркимъ румянцемъ, но кто-же кромѣ ея могъ сказать, отчего онѣ такъ разгорѣлись: отъ поцѣлуевъ-ли милаго, или отъ лѣтней жары.

— Идемъ скорѣе въ хату, сердце мое, у меня есть до тебя дѣло! — сказала мать и вскорѣ обѣ онѣ вошли въ хату.

— А ко мнѣ, дочка, приходилъ Тарасъ! — сказала мать.

— Видѣла я, мамонька, вѣдь его!

— Ну такъ вотъ Тарасъ ко мнѣ приходилъ, онъ, кажется, еще потолстѣлъ; я не знаю, до коихъ-же поръ еще можетъ толстѣть человѣкъ, если Тарасъ еще потолстѣетъ. И чудной-же, дочка, этотъ Тарасъ, онъ меня чуть не уморилъ со смѣху. И хитеръ онъ тоже: сначала пришелъ и говоритъ, что онъ только такъ, тѣни поискать, а потомъ и сталъ сватать тебя за своего Аѳонаса; Аѳонасъ, говоритъ, мнѣ въ ноги кланялся!

— Ну, — спросила Маруся мать, обнимая и цѣлуя ее, — ты теперь не будешь журить насъ съ Аѳонасомъ?

— Я и тогда не журила васъ, моя красавица, я только говорила о томъ, что надо дѣлать дѣло по порядку, чтобы ничего не сказали дурного о васъ злые люди; оправдывала себя старуха Катерина, положивъ на свою высохшую грудь голову красавицы-дочки и гладя ее по роскошнымъ мягкимъ волосамъ.

ГЛАВА II.

Бѣда нежданная.

Старикъ Тарасъ не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ, въ то время было въ Украйнѣ очень много людей, подобныхъ по характеру и по внѣшнимъ пріемамъ Тарасу.

Съ самой ранней юности своей Тарасъ сталъ жить въ Запорожской Сѣчи, о нравахъ и обычаяхъ которой мы въ своемъ мѣстѣ скажемъ болѣе подробно, а теперь упомянемъ лишь о томъ, что эта Сѣчь развивала въ своихъ обитателяхъ удальство и храбрость во время походовъ на враговъ и самую тупую лѣнь или любовь къ разгулу въ мирное время. Тарасъ и былъ настоящимъ сыномъ Сѣчи: онъ неодно-

кратно отличался своею безумною храбростью въ битвахъ съ врагами казачества: поляками и татарами, и если бы его лицо теперь не заросло такъ жиромъ, то на немъ можно было бы увидать не одинъ слѣдъ отъ сабельнаго удара; въ молодости своей и даже придя въ совершенный возрастъ Тарасъ славился и любовью своею къ кутежамъ, и о попойкахъ, которыя онъ устраивалъ иногда долго говорили казаки; любилъ выпить и поѣсть Тарасъ и теперь, но дѣлалъ все это наединѣ, безъ того шума, которымъ сопровождались его попойки въ Сѣчѣ.

Лѣнивъ онъ былъ до невѣроятности: иногда онъ по цѣлымъ днямъ не сходилъ съ постели, на которую старуха Ганна, прислуживавшая въ домѣ послѣ смерти жены Тараса, подавала ему и его любимые вареники, до которыхъ онъ былъ такой охотникъ, что старушка едва успѣвала печь ихъ, чтобы удовлетворить его аппетитъ.

Тарасъ далъ свое согласіе на бракъ Аѳонаса съ Марусей, согласился давать деньги на свадебные расходы и порѣшилъ,

что его роль этимъ и кончена и что болѣе уже никто не имѣетъ права безпокоить его въ его покойномъ ничегонедѣланіи.

Дѣйствительно хлопотать о свадьбѣ пришлось самому Аѳонасу и Катеринѣ съ дочерью, которымъ отчасти помогала и старая Ганна, любившая Аѳонаса и Марусю.

Женщины съ утра до вечера проводили время въ приготовленіяхъ приданаго и вообще готовясь къ свадебнымъ торжествамъ; Аѳонасу-же надо было побывать у сосѣдняго священника, въ мѣстечкѣ Крайневѣ, чтобы уговориться съ батюшкой относительно времени вѣнчанія его съ Марусей.

Въ Васильевкѣ было все тихо и спокойно, но кругомъ ея начались уже притѣсненія, наносимыя украинцамъ поляками, нѣкоторые изъ васильевцевъ слыхали объ этихъ притѣсненіяхъ, но и не полагали, чтобы они могли надвинуться на нихъ.

Менѣе же всего объ этихъ слухахъ знали старикъ Тарасъ съ сыномъ: одинъ,

благодаря тому, что никуда не выходилъ и только что и былъ занятъ, что мыслію о варенникахъ; другой же, благодаря тому, что куда ни выходилъ онъ, гдѣ бы только онъ ни былъ, всегда думалъ только о своей прелестной Марусѣ.

Уже позавтракавъ, собрался Аѳонасъ ѣхать къ священнику въ Крайнево и по дорогѣ заѣхалъ въ домъ Катерины, которая въ это время укладывала въ сундукъ наряды невѣсты.

— Здорова будь, Катерина! — сказалъ Аѳонасъ, входя въ хату,—а я къ тебѣ по дорогѣ заѣхалъ.

— Развѣ ты ѣдешь куда-нибудь сегодня, Аѳонасъ?

— Да сами же вы съ Марусей говорили мнѣ, чтобы я съѣздилъ къ священнику и уговорился; къ нему и ѣду.

— Охъ не ѣздилъ бы ты сегодня, Аѳонасъ, отложилъ бы свою поѣздку къ священнику до какого другого дня!

— А что? Или еще какое дѣло есть для меня?

— Какому дѣлу быть для тебя? Никакого дѣла для тебя нѣтъ, мы и сами со

всѣмъ управимся; а потому прошу я тебя, чтобы ты не ѣздилъ, что видѣла я дурной сонъ.

— Ха-ха-ха! — разсмѣялся Аѳонасъ, — хорошъ-же я буду казакъ, если буду откладывать свои дѣловыя поѣздки изъ-за тѣхъ сновъ, что приснятся бабамъ!—Я поѣду!

— Ой, Аѳонасъ, чуетъ мое сердце что-то недоброе.

— А коли со мною недоброму быть, такъ оно ужъ и будетъ: поѣду-ли я, или останусь дома. Прощай пока!

Аѳонасъ, разодѣтый по праздничному, вышелъ изъ хаты Катерины и молодецки вскочилъ на коня, который тутъ же стрѣлою помчалъ его по поселку.

Выѣхавъ изъ поселка, Аѳонасъ замедлилъ бѣгъ коня и поѣхалъ, отчасти любуясь роскошной украинской природой, отчасти размышляя о предстоящихъ свадебныхъ пиршествахъ и о томъ, какъ заживетъ онъ въ домѣ своего отца, который успѣлъ приготовить для сына не только все необходимое, но даже много лишняго; какъ заживетъ онъ въ этомъ богатомъ домѣ съ своею любимою женою.

Онъ весь отдался мечтаніямъ о своей будущей семейной жизни: онъ представлялъ себѣ, какъ будетъ хлопотать около печки его Маруся, чтобы приготовить мужу любимый завтракъ, онъ видѣлъ себя сидящимъ вдвоемъ съ женою за вкуснымъ и сытнымъ обѣдомъ и далеко, далеко залетѣлъ онъ въ своихъ мечтаніяхъ; такъ онъ уже видѣлъ себя окруженнымъ цѣлою толпою своихъ собственныхъ дѣтей. Какъ вдругъ онъ былъ выведенъ изъ своихъ мечтаній о будущей семейной жизни самымъ неожиданнымъ образомъ.

— Стой! Кто ѣдетъ? Куда ѣдешь?

Услыхалъ Аѳонасъ чей-то голосъ и сразу по произношенію словъ догадался, не поднимая головы, что спрашиваетъ его еврей. Аѳонасъ поднялъ голову и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ передъ собою на давно уже знакомую ему дорогу.

И что же онъ увидалъ? На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ перекрещивалось нѣсколько дорогъ и гдѣ стояла каменная часовня, выстроена была по всей вѣроятности на скорую руку деревянная застава, около которой стояли два еврея.

— Откуда ты ѣдешь и куда? — нахально спрашивали евреи.

— Ахъ, вы чортовы дѣти!—закричалъ на нихъ Аѳонасъ, да какое вамъ до того дѣло, откуда и куда я ѣду; да кто же далъ вамъ право пархатымъ, чтобы вы останавливали на дорогѣ казака и спрашивали его, откуда и куда онъ ѣдетъ? или вы давно не отвѣдывали казацкихъ плетей и успѣли ужъ позабыть, вкусны-ли онѣ или нѣтъ?!

— Пхе!—презрительно отвѣчалъ одинъ изъ евреевъ, не обращая вниманія на гнѣвъ Аѳонаса,—о какихъ ты тамъ плетяхъ говоришь? Мы не знаемъ никакихъ плетей, а знаемъ только то, что по приказанію наивельможнаго пана Трутинскаго, которому самъ король подарилъ всѣ эти мѣста, мы имѣемъ право спрашивать каждаго, куда онъ ѣдетъ и сбирать плату за проѣздъ по этимъ дорогамъ!

— Плату за проѣздъ по нашимъ же дорогамъ? Ха-ха-ха!—засмѣялся Аѳонасъ, ну, пархатые, счастливы вы, что я развеселился, а то я бы задалъ вамъ плату!

Сказавъ это, Аѳонасъ тронулъ было

своего коня и хотѣлъ проѣхать мимо заставы, но евреи схватили лошадь подъ уздцы. Это опять вывело изъ терпѣнія Аѳонаса.

Онъ соскочилъ съ коня и началъ хлестать плетью то одного, то другого еврея; отхлеставъ ихъ немилосердно, до полусмерти, онъ оставилъ ихъ валяться на травѣ, а самъ поѣхалъ въ дальнѣйшій путь и скоро опять настолько предался мечтаніямъ, что совершенно позабылъ о своей встрѣчѣ съ евреями около часовни и о томъ, какъ онъ угостилъ ихъ.

Наконецъ онъ пріѣхалъ и въ Крайнево, гдѣ къ удивленію своему очень часто наталкивался на поляковъ, которыхъ въ прежнее время тутъ было не особенно много.

Проѣхавъ половину мѣстечка, онъ подъѣхалъ къ одиноко стоящему, небогатому дому мѣстнаго священника К. [illegible] съ коня, постучался въ дверь дома.

— Кого тебѣ надо? — спросил [illegible] чей-то голосъ изъ за-двери.

— Батюшку мнѣ надо; я къ нему по дѣлу.

— И онъ по дѣлу тоже ушелъ; подожди его около церкви, онъ скоро долженъ возвратиться?

Аѳонасъ взялъ коня подъ уздцы и повелъ его по направленію къ храму, который находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома священника. Передъ оградою храма была небольшая, покрытая травою луговинка, на которой росло нѣсколько деревьевъ. Привязавъ коня къ одному изъ деревьевъ, онъ легъ подъ нимъ и опять отдался своимъ думамъ, съ которыми онъ въ послѣднее время рѣшительно не разставался. Священникъ однако что-то долго не приходилъ, и Аѳонасъ уже началъ раскаяваться въ томъ, что онъ выѣхалъ изъ Васильевки.

„Вотъ поди-жъ ты и не вѣрь послѣ этого бабьимъ примѣтамъ, а должно быть права была тетка Катерина, когда уговаривала меня отложить поѣздку до другого раза. Если теперь я погожу немного, то пріѣду въ Васильевское ужъ очень поздно и мнѣ не придется увидаться съ Марусею?“

Лежа подъ деревомъ онъ совершенно

случайно вспомнилъ, что въ храмѣ есть особо чтимая икона Богоматери, которую на много верстъ въ окрестности называли иконою чудотворною. Тогда у Аѳонаса появилось непреодолимое желаніе помолиться передъ этой иконой за себя, и за Марусю и за ихъ судьбу.

„Пойду-ка я и посмотрю, не отпертъ-ли храмъ, а тогда и помолюся наединѣ!“ подумалъ онъ и подошелъ къ церковнымъ дверямъ, на которыхъ тотчасъ-же увидѣлъ большихъ размѣровъ висячій замокъ.

Онъ обошелъ нѣсколько разъ вокругъ церкви и потомъ опять всталъ около ея дверей, думая, не увидитъ ли онъ какого нибудь причетника, котораго онъ и хотѣлъ попросить, чтобы онъ отперъ ему двери храма.

Причетника никакого не показывалось, но за то къ Аѳонасу скоро подошелъ рыжій еврей, съ лицомъ, сплошь покрытымъ веснушками и съ бороденкою въ нѣсколько волосковъ.

— Чи тебѣ можетъ и въ церковь треба?—спросилъ еврей.

„Тьфу ты!—сплюнулъ Аѳонасъ и тутъ

еврей и спрашиваетъ тоже, какъ и тѣ двое, которыхъ я такъ славно отпоролъ.“

— Да,—сказалъ онъ, въ церковь нужно!—и началъ было ходить взадъ и впередъ около церкви.

— А если тебѣ треба въ церковь, то давай мнѣ злотъ, и я тогда отопру тебѣ двери!—приставалъ къ нему еврей.

— Ну денёкъ!—воскликнулъ озлобленный этимъ предложеніемъ еврея Аѳонасъ,—сегодня священники отъ меня какъ будто скрываются, а пархатые жиды такъ и лѣзутъ подъ руки, такъ и просятъ, чтобы я ихъ хлесталъ своею плетью. Ну что за дурака строитъ изъ меня хотя бы этотъ проклятый, противный, весноватый жидъ, что предлагаетъ мнѣ за одинъ злотъ отворить храмъ святой и впустить меня туда, чтобы я помолился тамъ передъ образомъ Пречистой Богородицы?!

— Пошелъ ты прочь, пархатый!—крикнулъ онъ на еврея, думая, что тотъ по свойственной ихъ племени привычкѣ придумалъ какую-нибудь штуку, чтобы нажиться.

— Чи ты, казакъ, только недавно пріi-

ѣхалъ и не вѣришь мнѣ,—приставалъ къ нему еврей,—такъ я-жъ покажу тебѣ ключъ. На вотъ смотри, на смотри ключъ!

Вся кровь прилила къ лицу Аѳонаса, когда онъ увидалъ у еврея, которые тогда были въ величайшемъ презрѣніи у казаковъ, ключъ отъ православной церкви. Онъ схватилъ еврея за шиворотъ и сталъ вырывать у него ключъ, который онъ держалъ, сжимая руки такъ сильно, что на нихъ показались даже изъ подъ ногтей кровинки.

Еврей поднялъ гвалтъ на все мѣстечко и изъ толпы, которая вскорѣ окружила Аѳонаса и еврея, выдвинулся одинъ полякъ, подошедшій къ Аѳонасу и крикнувшій на него, подергивая свои спускавшіеся внизъ усы:

— Ты, проклятый холопъ, что тутъ безчинствуешь?

— О, ясновельможный панъ,—взмолился между тѣмъ еврей, падая въ ноги передъ подошедшимъ полякомъ,—гдѣ же это видано, чтобы эти хлопы осмѣливались не исполнять приказаній панскихъ. Этотъ казакъ вырвалъ у меня ключъ. Прикажи-

те, ясновельможный панъ, чтобы онъ отдалъ мнѣ ключъ и проучите его, чтобы и другіе не поступали такъ же, а то намъ, бѣднымъ евреямъ за свои же деньги не будетъ житья!

— Эй, холопъ, — крикнулъ полякъ повелительно, обращаясь къ Аѳонасу,— отдай скорѣй ключъ жиду, а самъ ступай со мною, мы узнаемъ, кто ты таковъ и покажемъ тебѣ, что значитъ не исполнять приказаній его мосци ясновельможнаго пана Трутинскаго, котораго жалуетъ самъ король!

— Что?—воскликнулъ Аѳонасъ,—чтобы я отдалъ ключъ отъ святой церкви въ поганыя жидовскія руки. Нѣтъ, лучше умру я, чѣмъ сдѣлаю это!

— Это приказываетъ самъ ясновельможный панъ Трутинскій!

— Какой же онъ ясновельможный панъ, когда отдаетъ такія приказанія, онъ и самъ стало быть такой же жидъ некрещеный и поганый, и плюю я на его приказанія.

Полякъ, до нельзя возмущенный такимъ отвѣтомъ Аѳонаса, обнажилъ свою саблю и хотѣлъ было поразить ею казака, но не

успѣлъ сдѣлать этого, какъ уже валялся на полянкѣ съ головою, раскроенною ударомъ шашки Аѳонаса.

Аѳонасъ, ударивъ поляка, стоялъ не приходя въ себя и не давая себѣ отчета въ только что совершенномъ имъ поступкѣ.

— Надѣлалъ ты бѣды, казакъ! — сказалъ ему одинъ старикъ,—бѣги скорѣе и скрывайся, гдѣ только можешь; ты убилъ главнаго управляющаго пана Трутинскаго, который теперь стоитъ въ нашемъ мѣстечкѣ съ цѣлымъ отрядомъ; скрывайся же скорѣе!

Аѳонасъ опомнился, онъ подбѣжалъ къ коню, мигомъ вскочилъ на него и пустилъ изо всѣхъ силъ коня скакать въ сторону, совершенно противоположную той, въ которой стояла Васильевка.

Умышленно-ли или неумышленно сдѣлалъ это Аѳонасъ, онъ и самъ потомъ не далъ бы отвѣта на этотъ вопросъ; онъ тогда думалъ только о томъ, какъ бы скрыться отъ польской погони, которая дѣйствительно въ скоромъ времени и была выслана за нимъ.

ГЛАВА III.

Королевское жалованье.

Что же такое случилось съ Аѳонасомъ, убившимъ главнаго управляющаго пана Трутинскаго? Неужели же и на самомъ дѣлѣ для него одного только въ этотъ день суждено было сталкиваться съ евреями, которые встрѣтили его оскорбительными вопросами и на дорогѣ и около крайневскаго храма, и изъ-за столкновенія съ однимъ изъ которыхъ онъ вынужденъ былъ убить управляющаго? Вся бѣда была въ томъ, что Аѳонасъ въ послѣднее время нигдѣ не бывалъ дальше Катерининой хаты и ничего не зналъ о томъ, что творилось въ окрестностяхъ Васильевки. Собственно говоря казаки давнымъ-давно, еще съ очень давнихъ временъ составляли ничто иное какъ совершенно вольное и совершенно свободное общество, не находившееся ни въ какой

зависимости ни отъ одной изъ держа въ владѣнія которыхъ соприкасались съ гра, ницами Украйны. Казаки и до сихъ поръ называли себя „вольными“ казаками, да оно такъ бы и слѣдовало быть, такъ какъ никто никогда не завоевывалъ казаковъ и не отнималъ у нихъ ихъ свободы. Но на самомъ-то дѣлѣ обстоятельства сло жились такъ, что названіе „вольный“ было только однимъ пустымъ звукомъ и ровно ничего не означало. И казаки стали въ зависимости отъ Польши, причемъ такой успѣхъ со стороны поляковъ былъ достигнуть безо всякаго кровопролитія, безо всякихъ военныхъ подвиговъ съ ихъ стороны, а только благодаря хитрой и искусной политики нѣкоторыхъ польскихъ королей и государственныхъ дѣятелей.

Храбрый польскій король Стефанъ Баторій, признавая въ казакахъ за ихъ удаль и отвагу рыцарскій духъ, умышленно-ли или неумышленно далъ имъ нѣкоторы льготы и привелегіи. Тогдашніе старшины казацкіе видя, что въ этихъ льготахъ и преимуществахъ не заключается ничего вреднаго для Украйны и казачества и

отчасти польщенные тѣмъ вниманіемъ, которымъ польстилъ ихъ этотъ храбрый король, приняли отъ него, якобы жалуемыя имъ льготы и преимущества. Принявъ-же ихъ, старшины поступили очень неразсудительно и въ большой вредъ какъ казачеству, такъ и всей Украйнѣ.

Не разсудили старшины, принявшіе отъ Стефана Баторія льготы о томъ, имѣетъ-ли право Стефанъ Баторій жаловать ихъ льготами; не разсудили они того, что всѣ ихъ льготы и преимущества заключаются въ свободѣ, которая у нихъ давно была и которую никто не отнималъ отъ нихъ; не разсудили они и того, что разъ они приняли отъ кого какія-нибудь преимущества, то обязаны принять отъ того-же и ограниченіе этихъ преимуществъ, если только онъ пожелаетъ такихъ ограниченій.

Не разсудили казацкіе старшины обо всемъ этомъ и принявши отъ Стефана Баторія жалуемыя имъ льготы и преимущества, сами того не сознавая, стали по отношенію къ Польшѣ въ положеніи подданныхъ.

Стефанъ Баторій умеръ, не думая дѣлать какихъ нибудь ограниченій въ пожалованныхъ имъ казакамъ льготахъ, но вскорѣ же послѣ смерти Стефана Баторія старшинамъ пришлось сознаться въ своемъ промахѣ.

Преемникъ Стефана Баторія, гордый и честолюбивый король польскій Станиславъ началъ заявлять на казаковъ и на Украйну свои права и сталъ ограничивать ихъ въ тѣхъ правахъ и льготахъ, которыя „укладомъ“ Баторія были признаны за ними.

Отсюда и начинается длинный рядъ кровавыхъ возстаній казаковъ противъ поляковъ, старавшихся всѣми силами попрать права казаковъ и обратить ихъ только въ рабочую скотину, которая работала бы на польскихъ пановъ и магнатовъ, которые, кстати сказать, издавна привыкли къ непомѣрной роскоши.

Застонала тогда Украйна и долгіе годы не видала покоя; одно кровавое возстаніе смѣнялось другимъ болѣе кровавымъ и рѣзня казаковъ съ поляками продолжалась почти что безъ перерыва съ перемѣннымъ

успѣхомъ то для одной, то для другой стороны. На сторонѣ казаковъ была ихъ храбрость, на сторонѣ же поляковъ былъ численный перевѣсъ. Но напрасны были усилія такихъ польскихъ героевъ, какими были Наливайко, Тарасъ, Павлюкъ, Остраница, усилія и даже частые успѣхи этихъ героевъ не повели къ такимъ результатамъ, которые улучшили бы положеніе Украйны; мало того казацкихъ представителей однажды не допустили къ участію на польскомъ сеймѣ и объявили Украйну состоящею въ подданствѣ Польши.

Самъ король польскій Владиславъ, сынъ умершаго Сигизмунда, выбранный нѣкогда на престолъ русскій, видѣлъ и сознавалъ всю несправедливость, которую сеймъ оказывалъ по отношенію къ казакамъ и Украйнѣ. Видѣлъ и, не смотря на свой королевскій санъ, не могъ ничего сдѣлать въ пользу казаковъ, хотя бы и желалъ сдѣлать это; такъ мало значила тогда въ Польшѣ королевская власть. Всѣми дѣлами какъ по внутреннему управленію Польшей, такъ и по сношенію ея съ другими народами вершилъ сеймъ, то есть собраніе

выборныхъ отъ польскаго дворянства, и король иногда бывалъ только жалкою игрушкою въ рукахъ этого буйнаго сейма.

Польскіе вельможи показывали только видъ, что они считаютъ себя всенижайшими подданными королевскаго высочества; на самомъ-же дѣлѣ король часто унижался до того, что заискивалъ передъ вельможами для того, чтобы имѣть потомъ поддержку съ ихъ стороны на сеймѣ.

Но и въ заискиваніяхъ своихъ очень часто могъ ошибиться польскій король, и иногда случалось, что какой-нибудь польскій вельможа, вполнѣ взысканный и обласканный своимъ королемъ, подставлялъ ему же ногу на сеймѣ.

Роскошь, какъ мы говорили уже, была развита у польскихъ вельможъ до невѣроятной степени. Въ походахъ даже польскіе вельможи не хотѣли отстать отъ своихъ привычекъ къ роскоши; такъ въ исторіи между прочимъ мы можемъ встрѣтить такое описаніе польскаго лагеря въ походѣ, передъ битвой.

„Сдѣланъ былъ смотръ войску. Всѣхъ жолнеровъ красовалось до тридцати шести

тысячъ, *но если подсчитать слугъ, то было втрое болѣе людей*, годныхъ къ военному дѣлу. Войско это отличалось необыкновеннымъ щегольствомъ. Гусары другъ передъ другомъ выказывали статность коней своихъ: луки на сѣдлахъ были изъ серебра, чапраки вышитые, стремена позолоченныя, сабли съ серебряною насѣчкою подъ чернь, кунтуши бархатные, подбитые и опушенные дорогими мѣхами; на шеяхъ блистали золотыя цѣпи; съ перекривленныхъ шапокъ горделиво спадали кисти, усѣянныя драгоцѣнными камнями; за поясомъ были дорогіе кинжалы; сапоги украшались серебряными и золотыми шпорами. Недурно была убрана и пѣхота. Роскошь высказывалась преимущественно въ столѣ; по обычаю того времени, на столахъ, наставленныхъ въ богатыхъ шатрахъ пановъ, выставлялись сдѣланные изъ сахара львы, козы, лани, розы, деревья; посуда была изъ драгоцѣннаго фарфора или серебряная; чарки и кубки чеканные золотые и серебряные; даже умывальницы и тазы у богатыхъ были изъ серебра— словомъ, въ этомъ лагерѣ было больше

серебра, чѣмъ свинцу. За каждымъ паномъ шли огромные рыдваны и возы съ безчисленными богатствами; тамъ лежали шелковыя и шерстяныя ткани, собольи шубы, меды, вина, варенья, конфекты; за каждымъ паномъ ѣхала огромная толпа слугъ и поваровъ; везли даже ванны и богатыя постели. Пиры съ музыкою справлялись съ утра до вечера, такъ что, посмотрѣвъ на это войско, можно было подумать, что оно съѣхалось на свадьбу."

Вотъ какою роскошью, по справедливому сказанію лѣтописца, окружали себя польскіе паны и магнаты даже въ военное время, даже приготовляясь къ самой битвѣ.

Какова-же была роскошь, окружавшая польскихъ магнатовъ, когда они жили въ своихъ родовыхъ или пожалованныхъ имъ королемъ замкахъ, объ этомъ въ настоящее время трудно составить даже и приблизительное понятіе.

Для поддержанія такой чрезмѣрной роскоши и для того, чтобы имѣть возможность давать такіе, по истинѣ лукулловскіе пиры, какіе задавали поляки, стараясь

превзойти въ этомъ другъ друга, нужна была масса денегъ.

Но гдѣ-же было тщеславнымъ магнатамъ добыть денегъ, необходимыхъ для поддержанія ихъ тщеславія. У многихъ изъ нихъ были когда-то богатѣшіе родовые капиталы, но какъ ни велики были эти капиталы, они однако не могли быть неизсякаемыми и очень быстро таяли, благодаря безумнымъ затѣямъ ихъ владѣльцевъ. Оставалась въ концѣ концовъ надежда на милость короля и на его пожалованія.

И вотъ гордые магнаты, не признававшіе надъ собою королевской власти, начинали подло унижаться и раболѣпствовать передъ королемъ, стараясь получить отъ него какую-нибудь подачку для поддержанія своего благосостоянія.

Король-же, мечтая получить въ свою очередь поддержку отъ магнатовъ на сеймѣ, иногда очень щедро раздавалъ во владѣніе пановъ различные украинскіе округи.

Можно теперь представить себѣ; какъ обращались съ пожалованными имъ королемъ округами раззорившіеся польскіе паны?! Единственною заботою ихъ было

выжать какъ изъ земли, такъ и изъ обывателей все, что только было возможно.

Польскіе паны, имѣвшіе такое высокое понятіе о чести и бывшіе иногда очень щекотливыми въ этомъ отношеніи, сразу же начинали смотрѣть на презрѣнныхъ хлоповъ, какъ на рабочій скотъ и обращались съ ними гораздо жестокосерднѣе, чѣмъ обращаются со скотомъ.

Такое обращеніе поляковъ съ украинцами можно было объяснить и желаніемъ первыхъ отомстить вторымъ за тѣ удачи, которыя выпадали прежде на долю возстававшихъ. А если говорить правду, то не менѣе приходилось терпѣть и полякамъ и особенно евреямъ, когда казаки возставали, и когда успѣхъ бывалъ на ихъ сторонѣ.

Съ полгода въ Крайневѣ носились слухи, что оно вмѣстѣ со многими прилегающими къ нему хуторами, поселками и мѣстечками подарено королемъ Владиславомъ какому Трутинскому и что слѣдуетъ ожидать пріѣзда владѣтеля въ пожалованныя ему королемъ мѣстности; крайневцы нѣкоторое время и поджидали его, но

потомъ, видя, что къ нимъ никто не ѣдетъ и что они могутъ жить попрежнему, махнули на эти слухи рукою и совершенно позабыли о нихъ.

Но скоро же пришлось имъ ихъ вспомнить.

Панъ Трутинскій совершенно неожиданно пріѣхалъ въ Крайнево, сопровождаемый цѣлою свитою и осмотрѣвъ свои новыя владѣнія, сталъ вводить тамъ новые порядки.

Собственно говоря панъ Трутинскій былъ не при чёмъ при введеніи этихъ новыхъ порядковъ; они вводились отъ его имени главнымъ управляющимъ по его дѣламъ паномъ Цѣлинскимъ, который происходилъ изъ мелкой шляхты и отличался необыкновенною алчностью и жестокосердіемъ.

Первымъ дѣломъ Цѣлинскаго было осмотрѣть всѣ новыя владѣнія и выдать всѣмъ поселянамъ такія предписанія, исполняя которыя, они становились совершенно рабами Трутинскаго, должны были почти все рабочее время работать на него, сверхъ полевыхъ работъ и обязанности

взносить наложенный на нихъ оброкъ, на нихъ накладывалось еще множество другихъ обязанностей, изъ правъ-же имъ предоставлялось только одно—право умереть съ голода или отъ польскихъ неистовствъ и жестокостей.

Евреи, чутьемъ узнавшіе о томъ, гдѣ имъ можно чѣмъ нибудь поживиться, слѣдовали за паномъ Грутинскимъ по слѣдамъ, и вотъ, когда онъ явился въ свое владѣніе, они успѣли уже познакомиться съ управляющимъ Цѣлинскимъ и предлагали ему новые источники дохода, если онъ отдастъ имъ въ арендное содержаніе храмы, дороги, перевозы. Цѣлинскому было конечно на руку такое предложеніе евреевъ и онъ вдоволь поторговавшись съ ними уступилъ имъ за извѣстное вознагражденіе всѣ эти придуманныя ими доходныя статьи.

И стало на Украйнѣ такъ, что православный христіанинъ не могъ справить въ храмѣ какой-нибудь требы, не могъ помолиться такъ, чтобы не взять сначала на то позволенья у еврея и не заплатить ему за это денегъ; было нельзя также ѣздить по своей родной землѣ, не запла-

тивъ за это денегъ еврею, снявшему въ аренду дороги.

Всѣ эти порядки были введены паномъ Трутинскимъ очень недавно и совершенно неожиданно для всѣхъ поселянъ.

Аѳонасъ ничего не зналъ о нихъ и слѣдствіемъ этого было во первыхъ то, что онъ порядкомъ поколотилъ тѣхъ евреевъ, которые пристали къ нему за сборомъ подорожной подати, и во-вторыхъ—убилъ Цѣлинскаго.

Положимъ Аѳонасъ поколотилъ евреевъ, не зная, что они получили отъ пана Трутинскаго право на сборъ дорожной подати, а Цѣлинскаго убилъ въ видахъ самозащиты, но въ то время развѣ сталъ-бы кто-нибудь разсуждать объ этомъ, и Аѳонасу во всякомъ случаѣ грозили жестокія муки, пытки и потомъ позорная смерть.

Все это объяснилъ Аѳонасу одинъ пріятель его отца, старый казакъ Мартынъ, на хуторъ къ которому заѣхалъ Аѳонасъ послѣ того, какъ ему удалось скрыться отъ высланной за нимъ панской погони.

— Что-же мнѣ теперь остается дѣлать,

дядя Мартынъ?— спросилъ задумавшійся Аѳонасъ у старика.

— А что тебѣ теперь дѣлать? Надо тебѣ теперь поскорѣе уходить въ Сѣчь, тамъ тебя никакая рука не достанетъ.

— А какъ-же свадьба-то?

— Хе-хе-хе! Ну, братъ, а свадьбу-то ты отложи, немного подожди съ нею, вотъ дай срокъ, угомониться все, тогда ты ужъ и думай о свадьбѣ.

— А если тутъ переждать?

— А будешь тутъ оставаться, то чего добраго повѣсятъ не только тебя, а и отца твоего, и невѣсту. Знаю я, какъ поляки умѣютъ судить и наказывать.

По совѣту Мартына Аѳонасъ пробылъ у него до глубокихъ сумерокъ и потомъ окольными путями сталъ пробираться въ Васильевку, чтобы тамъ повидаться съ отцемъ, объяснить ему, въ чемъ дѣло и проститься съ нимъ передъ своимъ отправленіемъ въ Сѣчь.

— Ты ноги-то у лошади соломой обвяжи, да оставь лошадь-то у околицы гдѣнибудь, а самъ къ дому подходи пѣшкомъ и какъ можно осторожнѣе; почемъ знать?

можетъ быть поляки уже узнали, кто ты и сидятъ теперь у васъ въ Васильевкѣ, поджидая тебя,—наставлялъ Аѳонаса Мартынъ.

Распрощался Аѳонасъ съ Мартыномъ и какъ воръ какой-нибудь потихоньку поѣхалъ въ свое родное гнѣздо.

Совершенно благополучно онъ доѣхалъ до Васильевки, гдѣ уже давнымъ давно всѣ спали, такъ какъ онъ, подъѣзжая къ ней незамѣтилъ ни одного огонька въ хатахъ.

Крадучись подошелъ Аѳонасъ и къ родительскому дому, оставивъ свою лошадь въ густыхъ кустахъ, росшихъ около Васильевки; онъ подошелъ къ тому чулану, гдѣ спалъ его отецъ и осторожно постучался, но тутъ только и вспомнилъ онъ, что если его отецъ уснулъ, то его не добудишься никакимъ стукомъ.

Чуть-ли не слезы показались на глазахъ Аѳонаса, и онъ не зналъ, что сдѣлать, чтобы разбудить отца.

— Выломаю дверь и растолкаю его, не ждать-же мнѣ тутъ до тѣхъ поръ, когда сюда пріѣдутъ поляки, подумалъ Аѳонасъ, и приналегъ плечомъ на дверь.

Прочная дверь долго не поддавалась усиліямъ Аѳонаса, наконецъ-таки слетѣла съ петель и Аѳонасъ вмѣстѣ съ дверью упалъ въ чуланъ. Шумъ происшедшій отъ паденія двери и Аѳонаса былъ немаленькій, но и этотъ шумъ не могъ разбудить спавшаго Тараса.

Аѳонасъ, вставъ съ пола, началъ толкать отца и только послѣ долгихъ усилій могъ разбудить его и объяснить ему, въ чемъ дѣло, и что совѣтовалъ ему Мартынъ.

— Да, сынокъ, заварилъ ты кашу и пожалуй не одному тебѣ придется ее расхлебывать; быть не можетъ, чтобы поляки, не узнали, кто такой ты, вѣдь и сказать, то срамно, а теперь такія времена, что найдется кто-нибудь и изъ нашей-же братіи, который, чтобы поддѣлаться къ полякамъ, не задумается выдать имъ православнаго головою. Теперь того и жди поляковъ къ себѣ въ гости, а Мартынъ тебѣ совѣтовалъ дѣло; да не только тебѣ, а пожалуй и мнѣ придется убраться отсюда, пока по добру по здорову. Конь-то у тебя хорошій съ собою?

— На коня можно надѣяться вполнѣ.

— Ну, это хорошо; теперь возьми-ка денегъ на дорогу да и поѣзжай въ Сѣчь; тамъ иди прямо къ Косулѣ, кланяйся ему отъ меня, онъ мой старый товарищъ, мы вмѣстѣ съ нимъ колотили и татаръ и поляковъ и скажи Косулѣ, чтобы онъ оставилъ тебя у себя подъ начальствомъ.

Тарасъ далъ сыну денегъ и простившись съ нимъ ждалъ, когда онъ уйдетъ изъ дома, но Аѳанасъ пошелъ еще въ хату.

„Забылъ что нибудь“ подумалъ Тарасъ, и опять завалился спать.

Аѳонасъ-же, войдя въ хату, разбудилъ спавшую тамъ на лавкѣ подъ окнами старуху Ганну.

— Милая Ганна,—говорилъ онъ ей,—я сейчасъ уѣзжаю потихоньку отъ всѣхъ и ѣду можетъ быть надолго, а можетъ быть вернусь и скоро, скажи обо всемъ этомъ Марусѣ и еще скажи ей, что когда я уѣзжалъ изъ дома, то помнилъ только о ней, пусть она останется мнѣ вѣрной; если она любитъ меня, то пусть не ругаетъ меня, что по моей винѣ отложена наша свадьба. Такъ и скажи ей, что свадьба

только отложена, потому что сдается мнѣ, подсказываетъ мое сердце, что будетъ время, когда мы сыграемъ нашу свадьбу гораздо веселѣе, чѣмъ сыграли бы ее теперь.

— Да что-же это тебя-то прорвало ѣхать передъ самою свадьбою?—спрашивала Ганна.

— Объ этомъ, милая Ганна, я долженъ помалкивать и даже тебѣ не скажу, отчего уѣзжаю. Не забудь-же передать Марусѣ все, что я говорилъ тебѣ, да поцѣлуй ее отъ меня покрѣпче!

Аѳонасъ вышелъ изъ дома, дошелъ до того мѣста, гдѣ имъ былъ оставленъ конь, сѣлъ на него, перекрестился и поскакалъ, удаляясь отъ родной деревеньки.

ГЛАВА IV.

Измѣнникъ.

Всѣ ужаснулись послѣ того, какъ Аѳонасъ такъ неожиданно нанесъ ударъ пану Цѣлинскому; обитатели Краднева со страхомъ разбѣжались по своимъ хатамъ и думали, что вотъ вотъ панъ Трутинскій прикажетъ произвести расправу съ хлопами и что расправа эта начнется непремѣнно съ крайневскихъ-же хатъ, бывшіе-же вмѣстѣ съ паномъ Цѣлинскимъ поляки, считая Аѳонаса за крайневскаго обитателя, думали, что убійство Аѳонасомъ панскаго управляющаго есть ничто иное, какъ сигналъ къ возстанію и къ общему истребленію поляковъ.

Они бросились было бѣжать къ мѣсту своей стоянки, но въ это время замѣтили что Аѳонасъ, стоявшій нѣсколько минутъ недвижно около трупа Цѣлинскаго, подбѣ-

жалъ къ своей лошади, которую изъ-за толстаго ствола дерева до этихъ поръ никому не было видно, вскочилъ на нее и помчался по направленію, совершенно противоположному тому въ которомъ находилась Васильевка.

— Такъ это должно быть не нашъ хлопъ,—сообразили пришедшіе отъ испуга въ себя поляки, надо будетъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы поймать его и не дать бы ему скрыться безнаказаннымъ послѣ такого злодѣянія.

— Держи, держи, лови его!—кричали они крайневскимъ поселянамъ, какъ бы не соображая того, что тѣ были пѣшіе и не имѣли никакой возможности догнать скрывшагося отъ нихъ на лихомъ скакунѣ Аѳонаса.

Скоро появился цѣлый отрядъ панскихъ верховыхъ подъ предводительствомъ какого-то шляхтича и быстро поскакалъ по тому направленію, по которому передъ этимъ ускакалъ Аѳонасъ.

— Кто такой убійца пана Цѣлинскаго, или по крайней мѣрѣ изъ какого онъ поселка,—вотъ были вопросы, которыми ин-

тересовались теперь какъ поляки, такъ и обитатели Крайнева, въ которомъ Аѳонасъ бывалъ очень рѣдко, а потому и не былъ знакомъ ни съ кѣмъ.

Никто не могъ дать, на эти вопросы даже и приблизительнаго отвѣта, и всѣ терялись въ догадкахъ и предположеніяхъ о личности Аѳонаса.

Аѳонасъ очень хорошо сдѣлалъ, направивъ погоню на ложный слѣдъ, около недѣли продолжались поиски въ томъ направленіи, не осталось, кажется, тамъ ни одного куста, не обнюханнаго поляками, но Аѳонасовъ слѣдъ изчезъ.

Тогда кто-то сказалъ, что видѣлъ, какъ Аѳонасъ заходилъ, пріѣхавъ въ Крайнево, къ священнику.

Тотчасъ-же бросились допрашивать священника, но тотъ сказалъ, что онъ и самъ не знаетъ, кто былъ казакъ, убившій такъ дерзко управляющаго, пана Цѣлинскаго.

— Дома меня не было, и самъ я не знаю, кто былъ,—отвѣчалъ священникъ подступившимъ къ нему полякамъ.

— Батюшки дома не было,—поддержала его старушка попадья,—казакъ-то

этотъ батюшку и поджидалъ около погоста-то, гдѣ грѣхъ случился.

Такъ и ушли поляки отъ священника, не солоно хлебавши. Панъ Трутинскій выходилъ изъ себя и, во чтобы-то ни стало, желалъ отомстить за смерть управляющаго, котораго онъ считалъ не только своимъ первымъ слугою, но также и вѣрнымъ, неоднократно испытаннымъ другомъ во время мира и въ военныхъ походахъ, въ которыхъ убитый Цѣлинскій всегда охранялъ своего хозяина.

— Какъ,—кричалъ панъ,— какъ мы позволяемъ всякому хлопу безнаказанно убивать среди бѣлаго дня на глазахъ у всѣхъ вѣрнѣйшихъ моихъ слугъ. Да вѣдь если дѣло пойдетъ такъ, то скоро и мнѣ нельзя уже будетъ безопасно появляться во владѣніяхъ, подаренныхъ мнѣ самимъ его величествомъ, королемъ Польши Владиславомъ. Непремѣнно-же розыскать этого сорванца-хлопа, который липилъ меня моего вѣрнаго слуги; обрыскайте вездѣ по окрестностямъ, обнюхайте каждую травку, землю изройте на аршинъ, а найдите виновника. Онъ здѣшній, онъ откуда-нибудь

неиздалека, такъ какъ тогда не зачѣмъ ему было бы пріѣзжать къ нашему попу. Да и за попомъ смотрите построже, можетъ быть и его придется попытать, вѣдь они всегда великіе мастера прикрывать преступленія хлоповъ. Да объявить по всей округѣ большую награду деньгами тому, кто выдастъ намъ головою убійцу или укажетъ, гдѣ онъ находится. Собаки-хлопы врутъ, что они не знаютъ его, а за деньги скажутъ!

И за поимку или за указаніе мѣста нахожденія Аѳонаса была объявлена очень большая награда, которая особенно безпокоила евреевъ; каждый изъ нихъ спалъ и видѣлъ, что онъ откроетъ мѣсто того, кто такъ старательно отыскивается поляками, и получитъ обѣщанное за это золото.

Сыны Израиля повсюду разнюхивали, не нападутъ ли они на слѣды Аѳонаса, подслушивали разговоры поселянъ, но нигдѣ не могли услыхать ничего полезнаго для себя, такъ какъ и поселяне ничего не знали объ Аѳонасѣ.

Былъ однако одинъ человѣкъ, который видѣлъ убійство Цѣлинскаго и отлично

зналъ, кто былъ убійца; но этому человѣку пока было выгодно хранить свою тайну, и онъ рѣшился хранить ее, не льстясь даже на богатое вознагражденіе, обѣщанное за указаніе убійцы паномъ Трутинскимъ.

Человѣкъ этотъ былъ нѣкто Грицко Карнаухій.

Кто такой былъ этотъ Грицко Карнаухій?

Многіе, очень многіе знали его, но никто не могъ дать отвѣта на такой вопросъ; не могъ пожалуй дать отвѣта и самъ Грицко. Такъ сказывали, что его поднялъ одинъ казакъ на дорогѣ и отдалъ своей женѣ, чтобы она выходила и вынянчила найденаго ребенка.

— Если нашелъ, — говорилъ казакъ, стало быть Богъ послалъ, такъ выходи мнѣ его, постарайся около него, чтобы изъ него вышелъ славный казакъ мнѣ на смѣну!

Но не сбылось желаніе казака: самъ онъ вскорѣ былъ убитъ, жена его умерла, и Грицко съ раннихъ лѣтъ началъ скитаться по чужимъ угламъ, у чужихъ людей.

Когда онъ подросъ, то многіе казаки говорили ему:

— И чего ты, Грицко, болтаешься по Украйнѣ, диво бы если бъ ты любилъ работать, а то отъ полевыхъ работъ ты бѣгаешь, какъ чортъ отъ ладона. Парень ты теперь въ силѣ и шелъ бы въ Запорожскую Сѣчь, никто бы не спросилъ тамъ съ тебя никакой работы, дрался бы только съ поляками и татарвою и пилъ бы горилку!

Но у Грицки очевидно нелюбовь была не къ однимъ только полевымъ работамъ, а не чувствовалъ онъ никакого призванія и къ боевымъ подвигамъ.

— Вотъ парень-то!—дивовались люди глядя на Грицку,—самъ чортъ не разберетъ, что это за парень: онъ ни Богу свѣчка, ни чорту - кочерга. Негоденъ никуда!

Вскорѣ однако опредѣлилось призваніе Грицки: онъ задѣлался бродячимъ торговцемъ и сталъ переходить изъ города въ городъ изъ хутора, въ хуторъ, продавая нѣкоторыя бездѣлушки, собирая сплетни въ одномъ мѣстѣ и дѣлясь ими съ сво-

ими слушателями въ другомъ. Никто не могъ сказать даже о томъ, къ какой національности и къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ Грицка, былъ ли онъ украинецъ, или полякъ, или еврей, или литвинъ. Самъ-же Грицка былъ за пониората со всѣми; не прочь онъ былъ разговѣться на Пасхѣ съ православными, бывалъ онъ и на шумныхъ польскихъ праздникахъ, видали его и на еврейскихъ шабашахъ и другихъ праздникахъ.

Самые неодобрительные слухи ходили о Грицкѣ, многіе подозрѣвали его въ тайномъ сношеніи съ поляками и потому боялись при немъ быть откровенными.

Въ Васильевкѣ, гдѣ была осѣдлость Грицки, всегда вздыхали свободнѣе, когда онъ удалялся надолго.

— Ушелъ Карнаухій и слава Богу! —говорили сосѣди.

Неодобрительные слухи, ходившіе о Грицкѣ, оправдывались отчасти и тѣмъ, что у него была оторвана половина лѣваго уха, и онъ никогда никому не сказывалъ, гдѣ онъ потерялъ эту половину.

Вотъ этотъ-то Грицка и былъ въ числѣ

прочихъ свидѣтелемъ того, какъ Аѳонасъ убилъ Цѣлинскаго. Легко было объяснить молчаніе Грицки о личности Аѳонаса до тѣхъ поръ, пока паномъ Трутинскимъ не была объявлена за указаніе Аѳонаса крупная награда. Послѣ-же объявленія объ этой наградѣ молчаніе Грицки для людей, не знающихъ его тайнъ, было рѣшительно необъяснимо. Всѣ знали алчность Грицки къ деньгамъ и были увѣрены въ томъ, что а деньги онъ готовъ рѣшиться на все, хотя бы душу свою продать чорту.

Но было для Грицки должно быть что то и дороже денегъ.

Это „что-то“ была любовь Маруси, которой онъ совершенно безнадежно добивался давнымъ давно.

Давнымъ давно уже влюбился онъ въ Марусю и долго не смѣлъ говорить ей объ этомъ, да и вообще-то онъ мало говорилъ съ нею, а только молча любовался и повсюду слѣдовалъ за нею, такъ что всѣ въ Васильевкѣ замѣтили неравнодушіе Грицки къ Марусѣ и стали подтрунивать надъ нею, называя ее невѣстою Карноухаго.

Марусѣ очень не нравились какъ подразниванія подругъ, такъ и постоянныя преслѣдованія ея Грицкою.

— Послушай, — сказала она однажды Грицкѣ, увидавъ его одного, —если ты не перестанешь ходить за мной, какъ тѣнь, то я обругаю и осрамлю тебя при народѣ!

Эта угроза подѣйствовала на Грицку, и онъ пересталъ было волочиться за Марусею, но пересталъ только на нѣкоторое время; а потомъ опять возобновилъ свои ухаживанія.

Возобновилъ свои ухаживанія Грицка потому, что разбогатѣлъ неожиданно, благодаря какому то темному дѣльцу; деньгами-то онъ и задумалъ прельстить Марусю и пріобрѣсти ея любовь къ себѣ.

Онъ вошелъ какъ то въ хату Катерины подъ предлогомъ продажи своихъ товаровъ, узнавъ предварительно, что Маруся въ это время была въ хатѣ одна.

— Послушай, Маруся, не гони ты меня изъ хаты, прогнать ты успѣешь всегда, выслушай же лучше меня: я скажу тебѣ то о чемъ ты еще не знаешь. Я теперь

расторговался и сдѣлался богатъ, такъ богатъ, что если бы я захотѣлъ, то могъ бы открыть торговлю и торговать въ Кіевѣ. Посмотри, сколько у меня теперь денегъ? —онъ показалъ ей порядочный свертокъ золота.—Выходи только за меня, и все мое будетъ принадлежать тебѣ; мы съ тобою уѣдемъ въ Кіевъ, и ты будешь у меня ходить такою-же нарядною, какъ польскія панны.

— Ха ха-ха! — засмѣялась Маруся, — правду говорятъ, что у тебя должно быть и душа-то продажная, а то не сталъ бы ты за деньги покупать любовь у дѣвушки. Такъ знай-же, что не такія еще мы, чтобы продавать любовь свою за деньги; сейчасъ-же убирайся съ ними, съ своими деньгами, которыя ты можетъ быть получилъ отъ проклятыхъ поляковъ за какую нибудь пакость, устроенную для православныхъ. Такъ вонъ-же отъ меня, поганый измѣнникъ, чтобы духу твоего духу не было въ той хатѣ, гдѣ честные люди живутъ!

Должно быть въ предположеніи Маруси относительно источниковъ дохода Грицки

была доля правды, или ужъ черезъ-чуръ озлило Грицку презрѣніе, оказанное ему Марусею, только что онъ посинѣлъ отъ злости, крѣпко сжалъ губы, изъ за которыхъ выступила пѣна и наконецъ съ трудомъ могъ проговорить:

— Смотри, Маруся, какъ бы тебѣ потомъ не раскаяться!

— Что? такъ знай-же, что плевать я хочу на тебя и на твои деньги!

И красавица, дѣйствительно плюнувъ въ ладонь, въ которой Грицка держалъ еще деньги, выпроводила за дверь своего несчастливаго ухаживателя.

Опять и теперь на болѣе долгое время прекратились ухаживанія Грицки за Марусей.

Но мысль о Марусѣ никогда не оставляла Грицку и въ глубинѣ души онъ все еще продолжалъ питать надежду, что рано или поздно красавица будетъ принадлежать ему.

Особенно же взволновался Грицка, когда узналъ о томъ, что въ домѣ Тараса затѣваютъ приготовленія къ свадьбѣ Аѳонаса съ Марусей.

Грицка очень любилъ деньги, но онъ дорого бы далъ за то, чтобы кто нибудь указалъ ему возможность или разстроить этотъ бракъ, или вообще сдѣлать молодымъ какую нибудь пакость.

Но, если и дѣйствительно Грицка занимался шпіонствомъ и тайными доносами, то ничего не могъ онъ выдумать о Тарасѣ и Аѳонасѣ, которые никуда не выходили изъ дома и за которыхъ горою бы стала вся Васильевка, а тѣмъ болѣе о Марусѣ и объ ея матери, старухѣ Катеринѣ.

Какова-же была радость Грицки, когда онъ неожиданно сдѣлался свидѣтелемъ рокового поступка Аѳонаса.

Онъ такъ и затрясся отъ радости, когда увидалъ, какъ Аѳонасъ взмахнулъ своею саблею надъ головою Цѣлинскаго.

„Теперь ты мой и не ускачешь отъ меня никуда,—думалъ Грицко, глядя вслѣдъ ускакавшему Аѳонасу:—теперь-то ужъ не такъ будетъ подымать носъ и гордая Маруся, которая потому только гордилась и поднимала свой носъ, что думала выдти за перваго богача въ Васильевкѣ. И

хитры-же эти дѣвушки, я вѣдь, когда показывалъ ей свои деньги, и не зналъ совершенно о томъ, какія дѣла у нихъ ведутся съ этимъ толстымъ богачемъ Тарасомъ. То-то она плюнула на мои деньги! Теперь, если только я захочу, то и деньги стараго Тараса перетекутъ въ мой карманъ, все же выгоднѣе для него проститься только съ своими деньгами, чѣмъ потерять и деньги и голову свою да и сыновнюю также. А вѣдь поляки не помилуютъ ни ихъ самихъ, ни ихъ капиталовъ, если узнаютъ, что убійцею Цѣлинскаго былъ Аѳонасъ".

Съ трудомъ переводя духъ отъ радостнаго волненія Грицко поспѣшилъ отправиться въ Васильевку и вполнѣ надѣясь на успѣхъ своихъ запугиваній, считалъ себя наканунѣ счастія.

ГЛАВА V.

Роковое извѣстіе.

По обычаю рано утромъ встала Катерина и Маруся послѣ того дня, когда случилось роковое происшествіе съ Аѳонасомъ, о которомъ онѣ еще, конечно, не знали.

Вчера Катерина легла спать одна, а Маруся еще долго послѣ матери не ложилась въ постель и сидѣла у открытаго окна, думая не появится-ли къ ней Аѳонасъ, который ужъ что-то замедлилъ своимъ пребываніемъ въ Крайневѣ, а что онъ еще не возвращался оттуда, такъ Маруся была въ этомъ вполнѣ увѣрена, иначе онъ непремѣнно посѣтилъ бы ихъ.

„И что такое могло задержать его въ Крайневѣ?—думала дѣвушка: можетъ быть онъ не засталъ тамъ священника и ему очень долго пришлось дожидаться его, но не станетъ-же онъ тамъ ночевать изъ-за этого.“

Плохо, тревожно спала въ эту ночь Маруся и вставши на слѣдующій день утромъ только и ждала того, когда матери ея понадобится зачѣмъ нибудь сходить въ хату Тараса, тогда она хотѣла попросить мать, чтобы она узнала, что была за причина столь долгой отлучки Аѳонаса изъ дома.

Катеринѣ же, которая въ послѣднее время, благодаря приготовленіямъ къ свадебнымъ торжествамъ, то и дѣло бѣгала изъ своей хаты въ хату стараго Тараса, сегодня пока еще, какъ нарочно, не представлялось случая побывать тамъ. У Маруси наконецъ сердце изныло, и она начала предчувствовать что-то недоброе, она думала уже нарочно послать мать въ хату Тараса за справками, какъ увидала въ окно, что къ нимъ идетъ старая Ганна.

— Ну теперь я все узнаю отъ Ганны, успокоилась Маруся.

Лишь только Ганна вошла въ хату, какъ Маруся хотѣла было осыпать ее вопросами, но Ганна предупредила ее.

— Помогай Богъ работать, а я пришла

къ вамъ передать поклонъ отъ нашего Аѳонаса, онъ приказалъ.

— И самъ бы могъ придти, вѣдь тутъ недалеко!—съ неудовольствіемъ отвѣчала Маруся.

— А ты почемъ знаешь, далеко - ли онъ теперь или нѣтъ,—возразила Ганна,— я такъ думаю, что онъ теперь очень, очень далеко отъ Васильевки.

Дѣвушка поблѣднѣла и работа затряслась въ ея рукахъ.

— Да развѣ не въ Крайнево къ священнику уѣхалъ Аѳонасъ и развѣ онъ не успѣлъ еще вернуться оттуда и къ чему ты говоришь, что онъ можетъ быть очень далеко.

— Онъ, красавица, изъ Крайнева уже вернулся ночью.

— А теперь развѣ онъ не дома?

— Нѣтъ, онъ ночью же вскорѣ и уѣхалъ изъ дома; передъ отъѣздомъ онъ разбудилъ меня, велѣлъ мнѣ сходить къ тебѣ и передать тебѣ его поцѣлуй, потомъ еще просилъ передать тебѣ много, много на словахъ. Слушай-же!

И старуха подробно начала передавать

дѣвушкѣ все то, что просилъ ее передать Аѳонасъ; Маруся слушала, наклонивъ голову, въ вискахъ ея стучало, въ глазахъ ходили какіе-то разноцвѣтные круги, которые потомъ расплылись и совсѣмъ застилали ей свѣтъ, она и половины не поняла изъ того, что ей говорила Ганна и пришла въ себя, когда Ганна умолкла.

— Ну а когда-же онъ вернется-то? — спросила она Ганну.

— Не знаю, моя красавица, онъ мнѣ не говорилъ объ этомъ.

Извѣстіе о такомъ неожиданномъ отъѣздѣ жениха сильно опечалило и Катерину, и она уже порѣшила, что она пойдетъ къ Тарасу и во что бы то ни стало постарается вывести его изъ его неподвижности и неразговорчивости. „Дѣло серьезное,— думала старуха, — и надо же намъ обо всемъ знать толкомъ, а не ходить съ завязанными глазами на смѣхъ добрымъ людямъ!

— Охъ, горе мое, горе; сходила бы ты сама къ старику Тарасу и узнала бы у него толкомъ, куда уѣхалъ Аѳонасъ,

скоро-ли онъ вернется и какъ-же быть со свадьбою,—просила Маруся мать.

— Знаю, моя милая, и безъ тебя я уже надумалась объ этомъ, только вѣдь извѣстно тебѣ, какъ говорить съ Тарасомъ, у него толку добьешься пожалуй еще того меньше, чѣмъ мы добились тутъ у Ганны.

— Ты растолкай его и не отходи безъ того отъ него, чтобы онъ не растолковалъ тебѣ всего, что произошло у нихъ ночью. Мы вѣдь ужъ всѣхъ оповѣстили о свадьбѣ, а сами и не знаемъ, когда пріѣдетъ Аѳонасъ.

Катерина, оставивъ дочь съ нетерпѣніемъ поджидать ее, пошла для переговоровъ къ старому Тарасу.

Она по обыкновенію застала его въ лежачемъ положеніи, онъ лежалъ, подославъ подъ себя войлокъ, въ хатѣ на лавкѣ, съ открытыми глазами.

— Здравствуй дядя Тарасъ, — сказала Катерина, входя въ хату.

— Здорова будь, тетка Катерина.

— А я, дядя, Тарасъ къ тебѣ!

— Я вижу, что ко мнѣ!—сказалъ Тарасъ, не мѣняя положенія.

— Я къ тебѣ по дѣлу!

— Это хорошо, что по дѣлу.

— Гдѣ-же Аѳонасъ-то теперь? Сказывают, онъ уѣхалъ.

— Аѳонасъ уѣхалъ.

— Ну а какъ же намъ теперь быть со свадьбой-то? Вѣдь все готово!

— Ха-ха-ха!—засмѣялся Тарасъ,—какая-же ты тетка Катерина недогадливая, ну какая-же теперь свадьба, когда жениха нѣтъ? На свадьбѣ непремѣнно женихъ долженъ быть; а то съ кѣмъ-же ты станешь вѣнчать свою дочку, съ пнемъ что-ли лѣснымъ? Свадьбой надо подождать!

— А до которыхъ поръ ждать-то придется?—спросила Катерина.

— А когда женихъ пріѣдетъ.

— Да про то и я говорю, когда женихъ-то пріѣдетъ?—вскрикнула Катерина, которую выводило изъ себя хладнокровіе Тараса и его неподвижность, а также и медленность въ отвѣтахъ.— Тебѣ можетъ быть это все равно, а намъ не такъ, у меня вонъ Маруся-то измучилась вся, а тебѣ хорошо лежать тутъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Тарасъ,—тамъ въ сѣняхъ лучше: тамъ вѣтерокъ.

— Тьфу ты, — сплюнула Катерина,— скажи ты Бога ради, скоро-ли пріѣдетъ теперь Аѳонасъ-то.

— Можетъ скоро, а можетъ и нѣтъ; только со свадьбой надо подождать до его пріѣзда.

— А далеко онъ уѣхалъ-то?

— По дѣлу онъ уѣхалъ, по важному дѣлу.

Вотъ и все, что могла узнать Катерина отъ Тараса; все это она передала дочери, которая, услыхавъ такой отвѣтъ матери, бросила работу, повалилась въ постель и залилась горькими слезами.

— И чего ты, дочка, заливаешься слезами и только свои глазки портишь; вѣдь можетъ быть Аѳонасъ, и уѣхалъ-то не надолго, скоро вернется, и сыграемъ свадьбу.

— Нѣтъ, нѣтъ,— отвѣчала Маруся, — чуетъ мое сердце, что долго еще я не увижу Аѳонаса, а можетъ быть и совсѣмъ не увижу я его.

— Что ты? что ты? Господь съ тобою, моя ненаглядная!

Маруся продолжала убиваться цѣлый день, ей хотѣлось узнать хотя бы о томъ, далеко-ли уѣхалъ Аѳонасъ; но отъ Тараса нельзя было ничего вывѣдать.

Катерина еще раза два была въ его хатѣ и неоднократно предлагала вопросъ о томъ, куда уѣхалъ Аѳонасъ, но получала на этотъ вопросъ всегда одинъ отвѣтъ.

— Про то нельзя сказывать!

И Маруся только и узнала о мѣстѣ отъѣзда Аѳонаса, что про то нельзя сказывать.

— Но вскорѣ все объяснилось для несчастной дѣвушки.

Къ вечеру, когда начали уже на землю спадать густыя сумерки, она задумавшись одна сидѣла на заваленкѣ.

Вдругъ она услыхала что кто-то окрикнулъ ее и вздрогнула.

— Это я, Маруся, чего-же ты испугалась? Вотъ что значитъ, что я давно не говорилъ съ тобою, ты и отвыкла отъ меня, и мой голосъ началъ уже пугать тебя.

Маруся увидала передъ собою противнаго Грицку.

— Здравствуй, Маруся, это я, иду я изъ Крайнева, увидалъ тебя, что ты отдыхаешь тутъ на заваленкѣ и подошелъ къ тебѣ, чтобы разсказать тебѣ о тѣхъ новостяхъ, которыя случились въ Крайневѣ и о которыхъ тутъ вѣроятно еще неизвѣстно!

„Навѣрно все то, что хочетъ сообщить мнѣ этотъ проклятый Грицко, ужъ касается непремѣнно до отъѣзда Аѳонаса, подумала дѣвушка, покажу же я ему видъ, что ничего не знаю ни объ Аѳонасѣ, ни о томъ, что случилось въ Крайневѣ, и онъ мнѣ все разскажетъ. Охъ, чуетъ мое сердце, что много тутъ будетъ горечи.“

— Тутъ ничего неизвѣстно про Крайново!—сказала она громко.

— А ты развѣ ничего не слыхала отъ Аѳонаса?

— И Аѳонасъ мнѣ не говорилъ ничего.

— А что тамъ случилось! что случилось; такъ это страхъ! Я самъ видѣлъ, какъ тамъ одинъ казакъ убилъ самаго главнаго управляющаго пана Трутинскаго, какое горе!

— А кто такое панъ Трутинскій? — спросила Маруся.

— А вы и объ этомъ не знаете еще тутъ?—удивился Грицка.

— Если бы мы знали, то я не стала бы тебя спрашивать.

— Панъ Трутинскій! О, это очень важный, вельможный панъ, ему самъ король подарилъ тутъ много земель, и онъ теперь воленъ дѣлать въ здѣшнихъ мѣстахъ все, что только угодно! Да, очень, очень большое горе случилось!

— Въ чемъ же тутъ горе-то?

— Да панъ Трутинскій очень разсердился, когда узналъ, что убили его управляющаго, велѣлъ повсюду искать убійцу и назначилъ очень большую награду тому, кто найдетъ или укажетъ его, а потомъ онъ, того и гляди, самъ поѣдетъ повсюду и будетъ наказывать всѣхъ, безъ разбора за убійство управляющаго.

— Можетъ быть найдутъ и убійцу,— стараясь казаться хладнокровной,—замѣтила Маруся, сердце которой замерло.

— Убійцу не найдутъ; только одинъ человѣкъ знаетъ, кто онъ.

— Стало быть этотъ человѣкъ ты?

— Ну, а если и я? Слушай, Маруся, я опять говорю тебѣ, что у меня теперь денегъ много; болѣе того, чѣмъ я показывалъ тебѣ въ прошлый разъ. Согласись быть моею, мы тогда поѣдемъ съ тобою въ Кіевъ, я буду тамъ торговать и наживать деньги, а ты будешь у меня по цѣлымъ днямъ гулять разодѣтая, какъ панна. И всѣмъ тогда хорошо будетъ—и мнѣ, и тебѣ, и Аѳонасу, которому ты сохранишь жизнь; это онъ убилъ пана, и старому Тарасу, которому ты сбережешь его деньги. А не согласишься ты со мною, то донесу я на Аѳонаса, и тогда будетъ плохо всѣмъ, а только я одинъ получу панскую награду.

Теперь Маруся поняла все, она сразуже сообразила, что Аѳонасъ уѣхалъ вѣроятно въ Сѣчь отъ преслѣдованій поляковъ и что теперь доносъ Грицки для него неопасенъ.

— Поди ты прочь отъ меня, гадина!— вскрикнула она и толкнула съ презрѣніемъ ногой усѣвшагося передъ нею на своемъ коробѣ Грицку, а сама вошла въ хату.

Грицко-же поторопился къ своей хатѣ и черезъ нѣсколько минутъ торопливо пошелъ по дорогѣ въ Крайнево, очевидно онъ заходилъ домой только для того, чтобы оставить тамъ коробъ, который былъ бы для него лишней обузой.

„Донесу, — шепталъ онъ, сжимая кулаки, получу деньги, погублю этого проклятаго Аѳонаса и его отца и добьюсь таки того, что гордая Маруся будетъ моею!“

Маруся не хотѣла будить мать и волновать ее сообщеніемъ ей ужасной новости; она сидѣла на своемъ любимомъ мѣстѣ, около окна и раздумывала о теперешнемъ своемъ положеніи.

„Грицко вѣрно говоритъ, что Аѳонасъ убилъ панскаго управляющаго, поэтому-то онъ и скрылся такъ внезапно изъ Васильевки. Бѣдный Аѳонасъ! Гдѣ-то онъ теперь принужденъ будетъ скитаться и какъ-то онъ передастъ мнѣ вѣсточку о себѣ!—думала Маруся,—одного только я боюсь, чтобы не попался онъ въ руки поляковъ. Лучше ужъ будетъ, если онъ погибнетъ въ бою, какъ гибнутъ многіе

храбрые воины казацкіе, чѣмъ попадется въ руки поляковъ и безславно помретъ, какъ какой-нибудь преступникъ, отъ ихъ мученій. Надо сейчасъ же мнѣ пойти къ старому Тарасу и сказать ему, что уже открытъ теперь виновникъ убійства поляка. Вѣдь Грицка и теперь уже вѣроятно на дорогѣ въ Крайнево, и завтра того и гляди здѣсь будутъ поляки."

Дѣвушка потихоньку, чтобы не разбудить мать, отправилась изъ хаты къ дому Тараса.

Тарасу, къ счастію Маруси, на этотъ разъ не спалось: онъ ворочался съ боку на бокъ и всячески старался избрать для себя такое положеніе, въ которомъ онъ могъ бы заснуть поскорѣе.

Маруся отворила незапертыя двери сѣней и сразу же наткнулась на Тарасову постель, которая на этотъ разъ была постлана Ганной на полу у самыхъ сѣней.

— Кто это?—спросилъ Тарасъ.

— Это ты, дядя Тарасъ?—въ полголоса спросила Маруся.

— Я-то я, а ты-то кто такой?

— Я Катеринина Маруся и пришла къ

тебѣ по очень важному дѣлу. Я теперь узнала о томъ, какое горе стряслось надъ Аѳонасомъ, скоро и всѣ узнаютъ объ этомъ, и я пришла предупредить тебя.

Потомъ Маруся передала весь свой разговоръ съ Грицкой.

— О, проклятое сѣмя!—воскликнулъ Тарасъ,—ужъ не одна осина плачетъ о томъ, что онъ не провѣтривается на ней. Спасибо тебѣ, Марусенька, что ты во время сказала мнѣ объ этомъ; надо теперь припрятать въ домѣ, что поцѣннѣе, а самому утекать куда-нибудь, хотя въ ту-же Сѣчь. Толстъ больно я теперь сталъ, ну да если разомнусь, то еще можетъ быть на что нибудь пригожусь и я!

И Тарасъ, вскочивъ съ постели, показалъ такую подвижность и поворотливость, какой отъ него никакъ нельзя было ожидать.

Онъ разбудилъ Ганну и сталъ отдавать ей одно приказаніе за другимъ, не переставая въ то-же время и самъ дѣятельно разбираться въ своихъ вещахъ и припрятывать многое въ самыхъ сокровенныхъ, надежныхъ мѣстахъ, поминутно выбѣгая

въ садъ и на дворъ. Но вотъ онъ кончилъ всѣ свои распоряженія и сборы, одѣлся и вооружился, какъ и подобаетъ настоящему казаку и съ легкостью стройнаго юноши вскочилъ на коня.

ГЛАВА VI.

Донось.

Обстоятельства, какъ нарочно, складывались такъ, что не давали возможности пану Трутинскому забыть о смерти своего любимаго управляющаго, пана Цѣлинскаго.

Убитый Цѣлинскій привелъ въ извѣстность всѣ доходы, которые можно было получать съ владѣній, пожалованныхъ королемъ Трутинскому; доходы эти были такъ значительны, что когда управляющій назвалъ ихъ общую сумму своему хозяину, то панъ Трутинскій, несмотря на всю свою солидность и серьезность, едва удержался отъ того, чтобы не подпрыгнуть отъ радости.

Самыя пріятныя, розовыя мечтанія одно за другимъ проносились въ головѣ пана

Трутинскаго, когда услыхалъ онъ сумму названную ему управляющимъ. Опять стало быть можно будетъ ѣхать въ Варшаву, мечталъ панъ Трутинскій, и опять задавать тамъ такіе балы, которые, не отличаясь по роскоши отъ баловъ первѣйшихъ магнатовъ, давали бы всѣмъ понятіе о знатности и о богатствѣ рода Трутинскихъ. Опять можно будетъ ухаживать за красивѣйшими изъ паночекъ и при случаѣ жениться на такой, какая будетъ красивѣе прочихъ и женитьба на которой можетъ поправить разстроившееся было нѣсколько матеріальное положеніе.

Онъ уже мечталъ о томъ, какъ встрѣтятъ его по пріѣздѣ въ Варшаву его варшавскіе друзья и какой пиръ задастъ онъ имъ въ честь своего пріѣзда; въ мечтахъ его проносились сцены встрѣчъ его съ придворными вельможами, разговоры съ ними и онъ уже какъ будто ощущалъ заранѣе то чувство тщеславнаго довольства, какое овладѣетъ имъ когда по Варшавѣ снова, какъ и прежде, пойдутъ толки о немъ и о богатсвѣ и великолѣпіи его стариннаго его дома.

И вдругъ это неожиданное убійство главнаго управляющаго! Оно разстраивало всѣ предположенія Трутинскаго и заставляло его быть темнѣе ночи, мрачнѣе тучи.

Панъ Трутинскій, какъ и подобало въ то время потомку древней, богатой фамиліи, не имѣлъ никакого понятія о состояніи своихъ имуществъ и финансовыхъ дѣлъ.

Онъ считалъ своею обязанностію только требовать, когда это понадобится, болѣе или менѣе крупныя суммы отъ своего управляющаго, на обязанностяхъ котораго по понятіямъ пана лежало доставлять требуемыя хозяиномъ суммы и отчеты по управленію имѣніями; отчеты эти однако оставались непрочитанными.

Итакъ панъ Трутинскій не могъ знать положенья дѣлъ въ своихъ старыхъ имѣніяхъ, о состояніи же своихъ новыхъ, только что пожалованныхъ ему королемъ владѣніяхъ онъ имѣлъ такое-же понятіе, какое имѣлъ о состояніи какихъ-нибудь необитаемыхъ мѣстностей.

Покойный Цѣлинскій только назвалъ Трутинскому такъ прельстившую его и заставлявшую мечтать о варшавскихъ уве-

селіяхъ сумму, Трутинскому только это и надо было знать при жизни Цѣлинскаго. Какое дѣло было родовитому, ясновельможному пану до того, откуда, съ кого и какимъ путемъ, какими средствами—законными или не законными,—будетъ собрана эта аппетитная лакомая сумма?

Но вотъ какой-то дерзкій, презрѣнный холопъ убилъ правую руку пана, управляющаго Цѣлинскаго, и обстоятельства сразу же перемѣнились со смертію управляющаго.

Лакомая сумма была только названа управляющимъ, но не была дана въ руки пану. Трутинскій только зналъ теперь сколько онъ можетъ получить съ пожалованныхъ ему королемъ имѣній, но не зналъ, какъ именно и откуда надо получать всѣ тѣ мелкія суммы, изъ которыхъ составлялся такой соблазнительный и такой лакомый итогъ. Какъ на грѣхъ подъ рукою у пана въ настоящее время не находилось ни одного опытнаго въ этомъ отношеніи человѣка, съ которымъ онъ могъ бы посовѣтоваться и который хотя сколько бы нибудь, хотя отчасти бы только помогъ

пану разобраться въ его настоящемъ положеніи.

Напрасно панъ ломалъ голову и перебиралъ въ мысляхъ всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ сюда шляхтичей, обыкновенно проживающихъ его милостями и подачками, никого изъ всей свиты не оказывалось такого, кто могъ бы помочь теперь пану. Были такіе, на которыхъ можно было положиться, если бы дѣло было до схватки съ врагами, были и такіе, которые были весьма искусны въ добываніи всевозможныхъ секретныхъ свѣдѣній, иначе сказать шпіоны, были и такіе, которыхъ обязанностью было имѣть свѣдѣнія о всѣхъ окрестныхъ красавицахъ, чтобы указать на нихъ въ случаѣ надобности пану, но людей дѣла и практической опытности, людей, понимавшихъ хотя сколько-нибудь въ веденіи хозяйства и въ извлеченіи доходовъ изъ имѣнія въ свитѣ пана не было, и панъ остался наединѣ передъ вопросомъ о томъ, какъ извлечь изъ пожалованныхъ имѣній сумму, названную умершимъ Цѣлинскимъ.

Волей-не-волей приходилось отложить

столь желанный и съ такимъ нетерпѣніемъ поджидаемый отъѣздъ въ Варшаву и угощенія съ варшавскими друзьями.

Панъ Трутинскій занялся пока распоряженіями о поимкѣ убійцы и о приготовленіяхъ къ отправкѣ тѣла убитаго Цѣлинскаго въ Варшаву.

Таково было желаніе Трутинскаго, чтобы тѣло Цѣлинскаго было погребено непремѣнно въ Варшавѣ. „Развѣ я допущу, говорилъ онъ, чтобы мой вѣрный слуга и къ тому же дворянинъ польскій былъ погребенъ въ землѣ этихъ холоповъ; пусть тѣло Цѣлинскаго будетъ отправлено въ Варшаву, гдѣ и предадутъ его погребенію; на могилѣ его я потомъ поставлю великолѣпный памятникъ, который свидѣтельствовалъ бы между прочимъ и о томъ, что Трутинскіе не забываютъ и послѣ смерти тѣхъ, которые при жизни вѣрно служатъ имъ. Эту же схизматическую церковь я прикажу сломать и выстрою католическую каплицу (часовню) на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ мой вѣрный слуга.“

Трутинскій очень торопился отправкою въ Варшаву тѣла Цѣлинскаго, такъ какъ

онъ въ то же время посылалъ письмо къ одному изъ множества оставленныхъ имъ въ Варшавѣ прихлебателей, пану Узловскому, мелкопомѣстному шляхтичу, гордившемуся своими хозяйственными познаніями и административными способностями.

Трутинскій предлагалъ Узловскому поступить къ нему на должность главнаго управляющаго на очень выгодныхъ для Узловскаго условіяхъ, такъ какъ сколько ни думалъ онъ, но не могъ выбрать кого-нибудь на мѣсто Цѣлинскаго кромѣ этого Узловскаго, въ преданности котораго и въ умѣніи котораго вести дѣла онъ былъ совершенно увѣренъ и котораго поэтому считалъ за единственнаго человѣка, способнаго замѣнить для него умершаго Цѣлинскаго.

До пріѣзда же Узловскаго Трутинскій рѣшился попробовать разобраться нѣсколько въ тѣхъ книгахъ и бумагахъ, которыя велись покойнымъ Цѣлинскимъ по управленію хозяйствомъ.

Хотѣлъ было панъ объявить также всѣмъ евреямъ, снявшимъ въ аренду въ его жалованныхъ владѣніяхъ церкви, шинки,

перевозы, дороги и прочія доходныя статьи, чтобы они въ извѣстный, наискорѣйшій срокъ представили ему свои контракты, заключенные съ Цѣлинскимъ, для просмотра ихъ, но потомъ раздумалъ дѣлать это. „Стоитъ ли того связываться мнѣ, пану Трутинскому съ какими-нибудь погаными евреями и вести съ ними разговоры о копеечныхъ дѣлахъ? — думалъ Трутинскій.—Подожду лучше Узловскаго и тогда передамъ ему все съ рукъ на руки, пускай онъ, какъ хочетъ, такъ и вѣдается и съ погаными евреями, и съ проклятыми хлопами, пусть онъ у меня на дѣлѣ покажетъ свои хозяйственныя способности, о которыхъ онъ такъ много говорилъ на словахъ.

Но книги и бумаги, оставленныя Цѣлинскимъ, онъ все-таки проглядывалъ и прилагалъ всѣ усилія, чтобы что-нибудь понять и разобрать ихъ.

Это былъ очень тяжелый, Сизифовъ трудъ для Трутинскаго, непривыкшаго къ вычисленіямъ и ничего не понимавшаго ни въ хозяйственныхъ, ни въ торговыхъ дѣлахъ. Онъ ломалъ голову надъ цыфрами,

много думалъ о томъ, что должны означать нѣкоторые торговые или хозяйственные термины, смысла которыхъ онъ не понималъ, и у него, несмотря на всѣ его старанія, рѣшительно не выходило ничего дѣльнаго; мало того, какъ онъ ни напрягалъ свою фантазію, онъ не могъ представить себѣ при помощи книгъ даже малѣйшаго понятія о томъ, въ какомъ состояніи находится его хозяйство. Однажды онъ долго сидѣлъ, стараясь разобрать и усвоить себѣ какой-то счетъ Цѣлинскаго; но напрасно онъ морщилъ свой лобъ и крѣпко теръ его своею мягкою, выхоленною рукою; этотъ счетъ, какъ какая-нибудь заколдованная грамота, не поддавался пониманію ясновельможнаго пана Трутинскаго.

— Тьфу ты пропасть! — сплюнулъ панъ Трутинскій, — чортъ бы побралъ всѣ эти отчеты и счеты, и есть же такіе дураки, которые занимаются подобною ерундою! Да я вполнѣ увѣренъ, что если заняться этой ерундой полдня, то потомъ голова будетъ болѣть такъ, какъ она не заболѣла бы и послѣ попойки, продолжавшейся цѣлую недѣлю.

И панъ Трутинскій, откинувъ отъ себя такъ измучившій его счетъ и чувствуя себя крайне разстроеннымъ, всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ.

— Ясновельможный панъ, — доложилъ вошедшій къ нему въ это время слуга,— тамъ какой-то холопъ хочетъ непремѣнно видѣть лично вашу ясновельможность!

— Оселъ, — закричалъ Трутинскій на слугу,—да развѣ ты не знаешь, что его надо было...—тутъ панъ Трутинскій хотѣлъ было продолжать: отправить къ управляющему, но сейчасъ же, вспомнивъ, что у него уже нѣтъ управляющаго и поправившись, докончилъ: Развѣ ты не знаешь, что я никогда не принимаю къ себѣ этихъ хлоповъ.

— Совершенно вѣрно, наияснѣйшій панъ; но этотъ холопъ говоритъ, что онъ знаетъ того, кто убилъ пана Цѣлинскаго и никому кромѣ васъ не хочетъ сказать объ этомъ, боясь вѣроятно потерять награду.

— А! тогда пусть онъ войдетъ ко мнѣ!

„Ну и поплатится же мнѣ этотъ холопъ за смерть Цѣлинскаго, я этому пре-

зрѣнному убійцѣ придумаю такія муки, что отъ нихъ содрогнется цѣлый адъ и буду мучить его нарочно при другихъ холопахъ изъ новыхъ моихъ жалованныхъ владѣній, чтобы они видѣли, какъ панъ Трутинскій умѣетъ наказывать ослушниковъ его воли, или тѣхъ, кто осмѣливается поднять руку на его вѣрныхъ слугъ, чтобы сердца этихъ хлоповъ наполнились страхомъ и чтобы они никогда и подумать не могли итти противъ воли своего повелителя Трутинскаго."

Тутъ мечтанія Трутинскаго были прерваны приходомъ Грицки въ сопровожденіи панскаго лакея.

Грицка поклонился въ ноги Трутинскому и самымъ униженнымъ тономъ заговорилъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Я слышалъ, что ясновельможный панъ очень желаетъ, чтобы ему указали, кто убилъ его пана управляющаго.

— Дуракъ же ты былъ бы, если бъ не слыхалъ этого, когда объ этомъ объявлено повсюду!—оборвалъ Грицку Трутинскій.

— Конечно, кто же скажетъ, что я не дуракъ,—еще униженнѣе залепеталъ

Грицка,—но я могу указать его ясновельможности или кому онъ прикажетъ, того злодѣя, который убилъ пана управляющаго.

— Гдѣ-же онъ? Тутъ, въ Крайневѣ?

— Нѣтъ, но онъ не такъ далеко отсюда; тутъ и десяти верстъ не наберется; онъ въ Васильевкѣ.

— Я что-то слыхалъ о Васильевкѣ!— подумалъ панъ вслухъ.

— Покойный панъ Цѣлинскій, если позволите доложить, — началъ лакей,— передъ самой смертью своей предлагалъ вамъ поѣхать осмотрѣть это новое владѣніе вашей ясновельможности, пожалованное вамъ въ числѣ прочихъ его высочествомъ королемъ Владиславомъ.

— Ахъ, да! Теперь я вспоминаю! Ну и кто-же этотъ злодѣй?

— Сынъ одного богатаго казака Тараса, Аѳонасъ.

— Ну хорошо! Иди же теперь!

Но Грицка переминался и не уходилъ.

— Ты что же, проклятый хлопъ, или оглохъ, что не слышишь моихъ приказаній,—вскрикнулъ Трутинскій, сердито топнувъ ногою.

— Отъ его ясновельможности было объявлено, что за указаніе убійцы будетъ выдана награда.

— Ха-ха-ха! — раскатился громкимъ хохотомъ Трутинскій,—да что-же ты думаешь, подлый хлопъ, что всѣ поляки безмозглы и тебѣ дадутъ награду за то, что ты указалъ на какого-то Аѳонаса изъ Васильевки. Да можетъ быть во всей Васильевкѣ нѣтъ ни одного Аѳонаса. Неужели же я повѣрю тебѣ на слово? Вотъ что, Юзефъ,—обратился Трутинскій къ лакею,—возьми-ка его да наблюдай за нимъ получше, чтобы онъ не удралъ. Завтра мы поѣдемъ въ Васильевку и захватимъ его съ собою, тогда и видно будетъ, какой онъ достоинъ награды!

Лакей взялъ Грицку за руку и увелъ съ глазъ пана.

„Что за подлый народъ, — подумалъ Трутинскій, пожимая плечами по уходѣ Грицки, — они за деньги отца родного продадутъ?“

ГЛАВА VII.

Панское мщеніе.

Вечеромъ этого дня Трутинскій съ особенными почестями отправлялъ въ Варшаву гробъ съ тѣломъ Цѣлинскаго. Вся свита, вся дворня пана была собрана для этого случая на одной обширной полянѣ, куда также приказано было согнать поболѣе и поселянъ, чтобы они могли видѣть, какъ умѣетъ цѣнить новый ихъ владѣтель заслуги своихъ вѣрныхъ слугъ.

Когда шляхтичи-прихлебатели Трутинскаго выносили гробъ изъ сарая, въ которомъ онъ стоялъ, чтобы поставить его на дожидавшіяся уже его дроги, къ шляхтичамъ этимъ подошелъ Трутинскій и показалъ видъ, что онъ нѣкоторое время помогалъ имъ нести гробъ Цѣлинскаго.

Потомъ ксендзъ отслужилъ панихиду, послѣ которой сказалъ подобающее случаю слово, въ которомъ сначала много

говорилось о заслугахъ покойнаго передъ своимъ хозяиномъ, потомъ гораздо болѣе говорилось о томъ, какъ умѣетъ панъ Трутинскій, этотъ добрѣйшій и славнѣйшій изо всѣхъ пановъ награждать своихъ вѣрныхъ слугъ и потомъ, въ назиданіе собравшимся служителямъ, а особенно согнаннымъ сюда поселянамъ, ксендзъ измѣнивши свой мягкій, медоточивый голосъ на голосъ громкій и грозный сталъ краснорѣчиво доказывать, что при случаѣ панъ Трутинскій не пойдетъ къ кому-нибудь за совѣтомъ, какъ бы построже наказать кого-нибудь провинившагося передъ нимъ. Когда же дроги съ трупомъ Цѣлинскаго двинулись и народъ приготовился было уже къ тому, чтобы расходиться, то Трутинскій обратившись къ нему съ пафосомъ крикнулъ:

— Да, я награждаю того, кто стоитъ этого и наказываю ослушниковъ, пусть знаютъ мои новые хлопы, что я отправляю на тотъ свѣтъ ихъ поганое отродье не кулакомъ, а плетью!

И Трутинскій грозно потрясъ въ воздухѣ кулакомъ. Ночью Трутинскому не

спалось; онъ то вспоминалъ о своихъ неудачныхъ попыткахъ понять что-нибудь въ отчетности по хозяйству, то съ сожалѣніемъ вспоминалъ о покойномъ Цѣлинскомъ, а то съ волненіемъ мечталъ о томъ, скоро ли пріѣдетъ къ нему Узловскій, этотъ замѣститель Цѣлинскаго.

Эти мысли одна за одной пробѣгали въ головѣ Трутинскаго и не одна изъ нихъ не задерживалась; но вотъ на одной мысли Трутинскій остановился.

Онъ остановился на мысли о томъ, какъ онъ завтра поѣдетъ въ Васильевку, въ свое новое владѣніе, съ какою рѣчью обратится онъ тамъ къ собравшимся хлопамъ, какъ онъ произведетъ тамъ судъ надъ убійцею Цѣлинскаго и какимъ мученіямъ подвергнетъ онъ его на глазахъ всѣхъ хлоповъ.

„Повѣсить его я еще успѣю въ какой-нибудь праздничный день передъ самою схизматическою церковью, когда въ ней будетъ поболѣе хлоповъ-схизматиковъ изъ окрестныхъ поселковъ, чтобы они разнесли слухи объ этомъ во всѣ стороны.“

Рано утромъ на другой день вся дворня

и вся свита Трутинскаго были уже на лошадяхъ и ждали только появленія своего господина, чтобы двинуться въ дорогу. Трутинскій вскорѣ вышелъ одѣтый въ богатый, красивый костюмъ польскаго всадника тѣхъ временъ.

Трутинскій ѣхалъ впереди, а свита и дворня послѣдовала за нимъ; эта группа всадниковъ въ живописныхъ костюмахъ и съ блистающими на солнцѣ ратными доспѣхами представляла изъ себя очень красивую картину на зеленомъ фонѣ полей, лежащихъ по обѣимъ сторонамъ дороги въ Васильевку.

Всадники мало-по-малу приближались къ Васильевкѣ и наконецъ въѣхали на бугоръ, находившійся всего въ верстѣ отъ Васильевки, съ котораго она была видна, какъ на ладони. Замѣтили и въ Васильевкѣ появившійся на бугрѣ отрядъ.

— Должно быть новый владѣлецъ къ намъ ѣдетъ!—пронеслось по Васильевкѣ, и поселяне стали понемногу выходить на площадку, находившуюся въ одномъ концѣ Васильевки, и служившую мѣстомъ для сходокъ.

Поселяне припрятали уже то, что было у нихъ поцѣннѣе, но и теперь они молили Бога, чтобы онъ скорѣе пронесъ мимо ихъ эту грозу, такъ какъ не могли же они припрятать своихъ жизней и красоты своихъ женъ и дочерей.

Трутинскій въѣхалъ на площадку, толпа, еще издали замѣтивъ его, обнажила свои головы.

— Эй, хлопы, — крикнулъ кто-то изъ свиты,—это ѣдетъ, милостію его высочества короля Владислава, вашъ новый повелитель; на колѣни передъ нимъ!

Толпа безмолвно опустилась на колѣни.

— Здорово, хлопы! — крикнулъ Трутинскій.

— Дай Богъ здоровымъ быть пану!— послышалось въ отвѣтъ ему изъ толпы.

— Я пріѣхалъ къ вамъ править вами и повелѣвать! Если кто будетъ мнѣ служить вѣрою и правдою, тотъ можетъ надѣяться получить отъ меня награду. Всѣхъ же ослушниковъ моей власти я буду карать жестоко! Слышите вы это? Помните, что мнѣ не привыкать стать усмирять буйныхъ и непокорныхъ хлоповъ и сносить ихъ

поганыя головы! Никому и никакой пощады отъ меня не будетъ, а чтобы показать вамъ, какъ я умѣю наказывать и выбить изъ васъ духъ неповиновенія, я сейчасъ-же накажу одного изъ васъ.

— Гей, ты доносчикъ веди насъ къ дому того, о которомъ ты говорилъ?

Грицка затрясся отъ страха; теперь ему не миновать мщенія, такъ какъ объ его подломъ доносѣ узнала вся Васильевка, но дѣлать было нечего, и онъ пошелъ по направленію къ дому старика Тараса.

— Вотъ—этотъ домъ!—сказалъ онъ.

— Эй хлопцы!—крикнулъ Трутинскій, войдите-ка въ домъ, да выгоните оттуда всѣхъ, кто тамъ есть.

Нѣсколько человѣкъ изъ дворни кинулись въ домъ, обшарили тамъ всѣ углы, побывали на дворѣ и въ саду, но не нашли никого, кромѣ старухи Ганны.

— Нѣтъ никого въ домѣ кромѣ этой старухи!—докладывали Трутинскому.

— Допросите-же ее, гдѣ старикъ и его сынъ.

Но Ганна на всѣ вопросы могла отвѣтить только то, что было ясно и безъ ея

отвѣтовъ, а именно, что ея хозяева уѣхали неизвѣстно куда.

— Разослать повсюду погоню за бѣглецами!—кричалъ совершенно вышедшій изъ себя Трутинскій.—Эй вы, хлопы поганые, вы всѣ мнѣ отвѣтите вашими головами, если не найдете бѣглецовъ; вамъ лучше знать, гдѣ скрываются эти злодѣи. Гей, хлопцы, подпалите-ка этотъ домъ, чтобы и слѣда не оставалось отъ этого поганаго гнѣзда.

Слуги Трутинскаго вмигъ подожгли домъ стараго Тараса, и домъ этотъ, благодаря жарамъ, стоявшимъ въ послѣднее время, вспыхнулъ какъ порохъ; не прошло и пяти минутъ какъ начали загораться дома, стоявшіе около Тарасова дома.

Тогда хозяева вновь загоравшихся домовъ кинулись было тушить ихъ, женщины же принялись вытаскивать изъ нихъ разный домашній скарбъ.

— Эге!—Это что такое?!—закричалъ Трутинскій;—не смѣть тушить и ни одной нитки не вытаскивайте изъ дома; пусть чему сгорѣть, то и сгоритъ! Хлопцы,—обратился онъ къ дворнѣ,—покидайте-ка

въ огонь все, что повытаскали изъ домовъ эти глупыя бабы! А если какая изъ этихъ дуръ не очень охотно будетъ отдавать свои тряпки, то кидайте въ огонь и ее вмѣстѣ съ тряпками!

Женщины, услыхавъ такое приказаніе Трутинскаго, покидали все, что у нихъ было въ рукахъ и опрометью бросились бѣжать въ разныя стороны.

— Ха-ха-ха!—хохотали шляхтичи,—не нравится видно имъ подрумяниться на огнѣто! Вишь, какъ разбѣжались!

— Хлопцы, раскиньте-ка вотъ подъ тѣми деревьями шатеръ да приготовьте закусить пану!—кричалъ какой-то шляхтичъ изъ свиты Трутинскаго.

— А потомъ смотрите здѣсь у меня за погаными хлопами чтобы они не посмѣли тушить! Въ огонь кидай всякаго, кто вздумаетъ тушить!—приказывалъ Трутинскій своей дворнѣ и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ для него приготовляли шатеръ.

Вдругъ пронесся сильный вихрь, и съ запада надвинулась большая туча, раздались удары грома и полился проливной

дождь; такого дождя въ Васильевкѣ не запомнили и самые древніе старики.

Пожаръ былъ потушенъ сильнымъ ливнемъ.

Трутинскій сидѣлъ въ шатрѣ и выходилъ изъ себя. Да и было отчего ясновельможному пану бѣситься. Прежде всего онъ былъ голоденъ, какъ волкъ, и только что мечталъ о томъ, какъ онъ примется за закуску, но поднявшійся столь неожиданно дождь затушилъ огонь въ походной панской кухнѣ.

Потомъ онъ разсчитывалъ на тотъ ужасный эффектъ, который долженъ было произвести зрѣлище плетокъ надъ Аѳонасомъ, но это не удалось тоже.

Наконецъ онъ думалъ, что отъ подожженаго дома Тараса произойдетъ большой пожаръ, не удалось и это.

Внѣ себя отъ гнѣва сидѣлъ Трутинскій въ шатрѣ и вдругъ вспомнилъ о Грицкѣ.

— Гей,—крикнулъ онъ,—а приведитека сюда ко мнѣ этого глупого доносчика; во всемъ онъ виноватъ. Что не успѣлъ еще онъ удрать отъ васъ?

Но куда-же было удрать несчастному

Грицкѣ отъ панской дворни; онъ видѣлъ тѣ взгляды, которые кидали на него васильевцы и не отошелъ бы отъ дворни даже тогда, когда она вздумала бы гнать его.

ГЛАВА VIII.

Въ польской неволѣ.

Грицку, у котораго отъ страха тряслись ноги и который самъ не могъ сдѣлать ни одного шага, панскіе слуги волокомъ втащили въ шатеръ Трутинскаго и поставили передъ паномъ.

— Ты, сабачья кровь, вчера осмѣлился подумать, что я обману тебя и не выдамъ тебѣ обѣщанной награды; напрасно ты такъ думалъ, теперь ты узнаешь, что панъ Трутинскій любитъ сдерживать свое слово и награждать своихъ слугъ по ихъ заслугамъ. Ты-же что-же это, хамово отродье, смѣяться что ли вздумалъ надо мною, что привелъ меня только поглядѣть на гнѣздо этого разбойника, ты стало быть за это только хотѣлъ получить съ меня вчера деньги?! Шалишь! Я тебя награжу, но только совсѣмъ по другому. Эй, хлопцы,

возьмите-ка его да всыпьте ему сотню плетей, а потомъ приберегите; при выѣздѣ изъ Васильевки мы повѣсимъ его на деревѣ, которое повыше, чтобы онъ просушилъ свое платье, которое у него вишь какъ намокло да и оставимъ этотъ подарокъ васильевцамъ на память о нашемъ посѣщеніи и снимать имъ его не прикажемъ, пусть они подолѣе полюбуются на него.

Слуги подхватили Грицку и снова потащили его волокомъ.

Скоро Трутинскій отъ души хохоталъ на нечеловѣческіе крики Грицки и на его причитанія, доносившіяся до шатра.

Васильевцы между тѣмъ ободрились и поднялись духомъ, ихъ радовало то, что этотъ неожиданно поднявшійся сильнѣйшій ливень прекратилъ пожаръ, который грозилъ уничтожить весь поселокъ; но особенно радовало ихъ то обстоятельство, что въ этомъ неожиданно поднявшемся ливнѣ они видѣли какъ бы перстъ промысла Божьяго, охраняющаго ихъ; имъ не такъ страшны были теперь угрозы и неистовства Трутинскаго.

„Богъ не выдастъ, панъ не съѣстъ!“— говорили тѣ, которые были помоложе, а тѣ, что постарше теперь не обращали почти что никакого вниманія на пребываніе у нихъ Трутинскаго: другое событіе, гораздо большей важности отвлекло ихъ отъ наблюденій за поступками пана и его свиты и дворни.

Событіе это было чудесное, какъ они полагали: ниспосланіе дождя для потушенія ихъ загорѣвшагося поселка.

Всѣ отъ всей глубины сердца благодарили Бога за ниспосланную имъ милость, во многихъ домахъ передъ иконами были зажжены свѣчи и поселяне молились тамъ колѣнопреклоненно. На площадкѣ и по улицѣ теперь уже не было замѣтно такого стеченія народа, которое было во время прибытія въ поселокъ Трутинскаго.

Панъ замѣтилъ пустоту, царившую на улицѣ и ему сдѣлалось очень непріятно. Да и такъ ему было непріятно уже отъ одного того, что онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать и какъ вести себя въ Васильевкѣ. Сначала онъ думалъ поразспросить жителей объ ихъ хозяй-

ствахъ, чтобы имѣть нѣкоторое понятіе объ ихъ состоятельности, потомъ хотѣлъ было онъ привести въ извѣстность число скота поселянъ, но потомъ сразу-же находилъ всѣ эти затѣи излишними.

Повсюду такъ и чувствовалось отсутствіе Цѣлинскаго, который зналъ бы теперь, что ему тутъ дѣлать для соблюденія панскаго интереса и научилъ бы Трутинскаго, какъ надо было ему поступать для сохраненія и увеличенія значенія панской власти.

Короче безъ Цѣлинскаго Трутинскій чувствовалъ себя какъ бы въ воду опущеннымъ, а потому онъ и рѣшился поскорѣе выйти изъ неловкаго положенія и уѣхать изъ Васильевки, визитъ въ которую не принесъ ему ничего пріятнаго и нисколько не успокоилъ его волненія.

— Хлопцы,—крикнулъ онъ изъ шатра, —если дождь прошелъ, то готовьте-ка лошадей и мы сейчасъ же отправимся домой, нечего намъ дѣлать у этихъ проклятыхъ хлоповъ. Да что это такое значитъ, что ихъ не видать ни на улицѣ, ни на площадкѣ? Развѣ они одѣты въ такія

нѣжныя ткани, что побоялись, какъ бы дождь не испортилъ ихъ нарядовъ! Ишь вѣдь какіе нѣженки: увидали нѣсколько капель дождя и поскорѣе разбѣжались по своимъ конурамъ. Сгоните-ка ихъ опять на площадку, да не криками ихъ созывайте, а нагайками, они тогда скорѣе будутъ шевелиться.

Панской дворнѣ понравилась предстоящая потѣха созыванія крестьянъ на площадку по приказанію пана нагайками, вся дворня разсыпалась по хатамъ и немилосердно стала выгонять оттуда всѣхъ, кого только встрѣчала тамъ, не было пощады не только старикамъ, старухамъ и женщинамъ, но даже и больнымъ, которые едва могли волочить ноги, немилосердно подгоняли и ихъ, приговаривая:

— Панъ приказалъ созывать всѣхъ, а мы не знахари, чтобы разбирать, кто изъ васъ боленъ и кто здоровъ.

Благодаря такимъ мѣрамъ площадка скоро наполнилась народомъ, который сталъ поджидать появленія Грутинскаго. Тотъ наконецъ подъѣхалъ къ нимъ на

своемъ породистомъ красивомъ жеребцѣ, убранномъ въ богатую сбрую.

— Благодарите пана за то, что онъ удостоилъ васъ, поганыхъ хлоповъ своимъ посѣщеніемъ! — крикнулъ тотъ же шляхтичъ изъ свиты Трутинскаго, который при въѣздѣ Трутинскаго въ Васильевку кричалъ васильевцамъ, чтобы они становились передъ паномъ на колѣни.

Васильевцы нѣкоторое время стояли въ нерѣшительности, не зная, какъ имъ благодарить пана.

— Что же вы, собачьи дѣти, или у васъ языки-то отнялись, что вы стоите молча,—кричалъ тотъ же шляхтичъ,—на колѣни передъ ясновельможнымъ паномъ и благодарите его за то, что онъ не выжегъ всего вашего проклятаго гнѣзда и не перевѣшалъ васъ, какъ собакъ!

Толпа опустилась на колѣни и изъ нея послышались отдѣльные, недружные крики благодарности.

Когда шляхтичъ крикнулъ толпѣ, чтобы она благодарила пана за то, что онъ не перевѣшалъ всѣхъ, Трутинскій вдругъ

вспомнилъ о томъ, что онъ отдалъ приказаніе повѣсить Грицку.

— Гей,—крикнулъ онъ,—а что же я не вижу, чтобы былъ повѣшенъ тотъ поганый хлопъ-доносчикъ?!

— Онъ, ясновельможный панъ, еще никакъ не можетъ притти въ себя отъ тѣхъ плетей, которыми по твоему приказанію его угостили,—отвѣчали слуги.

— Все равно, тащите его сюда, мы посмотримъ, нельзя ли его привести въ чувство!

Попрежнему волокомъ приволокли Грицку и поддерживая поставили передъ паномъ.

Трутинскій не могъ удержаться отъ смѣха, глядя на испуганную и измокшую фигуру Грицки.

— Ничего! Вздерните его поскорѣе! На открытомъ-то воздухѣ онъ скорѣе провѣтрится!—приказалъ Трутинскій слугамъ.

Лишь только раздалось это приказаніе, какъ самообладаніе тотчасъ же вернулось къ Грицкѣ, онъ вырвался изъ рукъ поддерживавшихъ его слугъ и бухнулся на колѣни передъ паномъ.

— Ясновельможный, свѣтлѣйшій панъ, — завопилъ Грицко, — помилуйте меня: я никогда никому во всю жизнь свою не дѣлалъ худого, особенно ясновельможнымъ панамъ; я всегда любилъ ихъ и молился даже за нихъ Богу.

— Ха-ха-ха, — хохоталъ Трутинскій, — да онъ, какъ я погляжу, большой забавникъ, и какъ скоро онъ пришелъ въ себя. Такъ ты говоришь, что ты за пановъ Богу молилъ? — спросилъ онъ у трясшагося, какъ на большомъ морозѣ, Грицки.

— Молилъ, ясновельможный панъ, молилъ!

— А гдѣ же ты за нихъ молилъ Бога?

— Въ костелахъ и каплицахъ...

— Да ты развѣ католикъ?

— Мать моя была истинная католичка, она служила до самой смерти у одного ксендза.

Грицка вралъ совершенно безсовѣстно: онъ, какъ мы уже говорили, даже вовсе не зналъ своей матери; онъ вралъ какъ бы по вдохновенію, нисколько не приготовившись къ этому.

— Вретъ онъ, собачій сынъ; какой

онъ католикъ!—хотѣли вскрикнуть нѣкоторые изъ васильевцевъ, которые отъ души желали, чтобы панъ повѣсилъ Грицку, но никто не вскрикнулъ этого, всѣ боялись того, что не могутъ потомъ отвѣтить на вопросъ: какой же вѣры Грицка? а вопросъ этотъ легко могъ предложить какъ Трутинскій, такъ и самъ Грицка.

Ложь Грицки проходила ему совершенно безнаказанно и даже начинала служить ему во-спасеніе, такъ какъ Трутинскій не спѣшилъ повторять своего приказанія, хотя слуги его, не зная что дѣлать, стояли въ бездѣйствіи.

— Ясновельможный панъ!—торопился Грицка воспользоваться минутою замѣшательства,—ясновельможный панъ! виноватъ ли я, что этотъ злодѣй Аѳонасъ и его толстый отецъ убѣжали отсюда и не захотѣли подождать пріѣзда ясновельможнаго пана...

— Ха-ха-ха!—опять захохоталъ Трутинскій,—да онъ съ ума сходитъ и не знаетъ, что говоритъ...

— Ясновельможный панъ!—вдругъ съ особеннымъ оживленіемъ вскрикнулъ Грицка

ка, которому очевидно пришла въ голову какая-то новая мысль, на которую онъ много разсчитывалъ. — Ясновельможный панъ, пощадите мою жизнь и я сдѣлаю безъ всякой награды такъ, что злодѣй Аѳонасъ самъ придетъ къ вамъ и отдастся вамъ въ руки!

— Ага!—воскликнулъ Трутинскій,—додумался; но какъ же ты сдѣлаешь это?

— У Аѳонаса есть тутъ дѣвушка, которую онъ очень любитъ и съ которою онъ ни за что не разстанется. Если вы возьмете эту дѣвушку съ собою, онъ непремѣнно придетъ къ ней, несмотря ни на какія опасности.

— А вѣдь онъ пожалуй опять поумнѣлъ и начинаетъ говорить дѣло,—сказалъ Трутинскій, обращаясь къ одному изъ шляхтичей, который былъ поближе къ нему;— на такую приманку ястребъ-то пожалуй и въ самомъ дѣлѣ прилетитъ къ намъ. Отчего же не взять съ собой дѣвченку, кстати и посмотрѣть на нее.

— Гей!—крикнулъ онъ слугамъ,—отпустите его, пусть онъ ведетъ васъ къ

дому, въ которомъ живетъ эта дѣвченка, захватите ее съ собою!

Крикнувъ это, Трутинскій отправился къ выѣзду изъ Васильевки, а нѣсколько его слугъ, сопровождаемые Грицкою пошли по направленію къ хатѣ Катерины. Войдя въ хату, слуги ничего не говоря, схватили Марусю и потащили ее изъ хаты. Напрасно убивалась, плакала и ломала въ отчаяніи себѣ руки Катерина, напрасно она пыталась вырвать свое единственное дѣтище изъ рукъ слугъ; Маруся была утащена; Катерина же, получивъ отъ одного изъ слугъ сильный ударъ въ голову, валялась безъ чувствъ на полу своей хаты. Маруся сначала было пробовала сопротивляться и громко кричала, сзывая своимъ крикомъ сосѣдей, многіе изъ которыхъ были свидѣтелями разлученія матери съ дочерью. Но кто же могъ, хотя сколько-нибудь, помочь несчастнымъ, когда всѣ знали, что Маруся уводится изъ дома по приказанію пана Трутинскаго?!

Крики Маруси наконецъ смолкли: ей кто-то заткнулъ ротъ грязнымъ платкомъ; слуги-же, тащившіе Марусю, увидѣвъ, что

ихъ панъ уже тронулся въ путь, спѣшили поскорѣе достигнуть до оставленныхъ ими лошадей, чтобы сѣвъ на нихъ, нагнать Трутинскаго.

Но ихъ задержала просьба бывшаго съ ними Грицки.

— Благородные паны,—величалъ Грицка холоповъ, — исполните мою просьбу, дайте мнѣ взять изъ дома мой товаръ и деньги и захватите меня съ собою!

— Некогда намъ ждать тебя: видишь—панъ ужъ выѣхалъ.

— Благородные паны у меня здѣсь много товара и мнѣ жаль будетъ оставить его хлопамъ!

— А самъ-то видно боишься оставаться тутъ!

— Я васъ поблагодарю за это, благородные паны,—продолжалъ умолять Грицка и засунувъ руки въ карманы своего грязнаго платья, вынулъ нѣсколько монетъ, которыя и раздѣлилъ между слугами.

— Это вамъ, благородные паны, только теперь; а если вы меня подождете и да-

дите мнѣ захватить изъ дома товаръ и деньги, то я вамъ дамъ еще вдвое.

Деньги, полученныя слугами отъ Грицки, оказали свое вліяніе.

— Да, что же, братцы,—сказалъ одинъ слуга, который былъ постарше, — какъ намъ не подождать его, вѣдь мы ничего еще не знаемъ и про то, надо-ли намъ его отпускать, или оставить при себѣ и привести опять въ Крайнево. Панъ вѣдь не давалъ намъ на это никакихъ приказаній, такъ какъ бы еще намъ не поплатиться за этого хлопа своими шкурами. Подождемъ его немного!

Слуги согласились подождать немного Грицку и вскорѣ онъ возвращался вмѣстѣ съ ними въ Крайнево, благодаря судьбу за то, что панская дворня не оставила его въ Васильевкѣ, гдѣ жители, конечно, не преминули бы раздѣлаться по своему съ нимъ, какъ съ доносчикомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Глава I. Рукобитье 5

„ II. Бѣда нежданная 18

„ III. Королевское жалованье . . 32

„ IV. Измѣнникъ 50

„ V. Роковое извѣстіе 64

„ VI. Доносъ 79

„ VII. Панское мщеніе 92

„ VIII. Въ польской неволѣ . . . 102

ГЕРОЙ-МАЛОРОССІИ

Зиновій-Богданъ

ХМѢЛЬНИЦКІЙ

ИЛИ

ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ КЪ РОССІИ.

„Да будетъ едино стадо и единъ пастырь".

„Валимъ подъ царя восточнаго".

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Въ 4-хъ частяхъ.

Ев. Горьлова.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Зиновій Богданъ Хмѣльницкій.

Какъ мы уже говорили въ предшествующей части, нѣкоторые казацкіе старшины поступили очень опрометчиво, принявъ отъ польскаго короля Стефана Баторія привилегіи и преимущества, которыхъ онъ собственно говоря и не имѣлъ права давать имъ, какъ народу, который вовсе не состоялъ подъ его подданствомъ. Пріемникъ Стефана вмѣсто привилегій сталъ предъявлять казакамъ ихъ обязанности и умалять ихъ права и наконецъ случилось такъ, что у казаковъ не осталось никакихъ правъ, а одни только обязанности.

Такъ было нѣкоторое время, но потомъ судьба смиловалась надъ казаками и они получили отъ польскаго короля Владислава грамоту на возстановленіе своихъ правъ.

Случилось-же это слѣдующимъ образомъ.

Король Владиславъ, подбиваемый нѣкоторыми латинскими государствами, затѣялъ войну противъ турокъ, причемъ для веденія этой войны разсчитывалъ очень много на помощь казаковъ.

Чтобы уговориться объ этомъ съ казаками окончательно король пригласилъ въ Варшаву казацкихъ старшинъ Ильяша, Барабаша, Хмѣльницкаго и Нестеренко; король совѣщался съ этими казаками, подбивая ихъ начать войну съ турками, и между прочимъ далъ имъ слово о возстановленіи казачества.

Казаки получили отъ короля грамоту на возстановленіе своихъ правъ, приказаніе построить чайки, т. е. мелкіе суда, приспособленные къ плаванію по морю и 6000 талеровъ на постройку чаекъ да обѣщаніе выплатить 60.000 талеровъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ это же время казаки получили красное адамашковое знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла.

Грамота на возстановленіе казацкихъ правъ и вольностей осталась у Барабаша, который потомъ сдѣлался гетманомъ.

Барабашъ очень дружилъ съ польскими панами и шляхтою, для которыхъ обнародованіе этой грамоты было очень невыгодно, и вотъ Барабашъ въ угоду польскимъ панамъ держалъ эту грамоту взаперти и казалось вовсе не думалъ ее обнародовать.

Между тѣмъ Украйна стономъ стояла отъ неистовства и произвола польскихъ пановъ и обнародованіе королевской грамоты о возвращеніи казакамъ ихъ прежнихъ правъ и вольностей могло бы повлечь за собою улучшеніе положенія поселянъ.

Сознавали это многіе казацкіе старшины и неоднократно мечтали о томъ, что хорошо было бы какою-нибудь хитростью выманить у Барабаша грамоту; исполнить это удалось Зиновію Богдану Хмѣльницкому.

Отецъ Хмѣльницкаго Михаилъ Хмѣльницкій былъ чигиринскимъ сотникомъ, отъ брака его съ дочерью перваго казацкаго гетмана, князя Богдана Рожинскаго—Анастасіи родился сынъ, которому было дано имя Зиновій, во время же совершенія

надъ Зиновіемъ таинства крещенія ему дано было по католическому обычаю другое имя, Богданъ.

Чигиринскій сотникъ Михаилъ Хмѣльницкій позаботился о томъ, чтобы дать своему сыну приличное образованіе и Богданъ Хмѣльницкій обучался сначала въ Кіевѣ, а потомъ у іезуитовъ въ польскомъ Ярославцѣ, такъ что потомъ онъ по своему времени могъ считаться совершенно образованнымъ человѣкомъ.

Богданъ Хмѣльницкій сильнѣе прочихъ старшинъ старался добыть у Барабаша грамоту о возвращенныхъ казацкихъ правахъ, такъ какъ онъ особенно сильно былъ обиженъ поляками. Еще отцу Богдана Хмѣльницкаго польскимъ магнатомъ Конецпольскимъ былъ подаренъ участокъ пустопорожней земли, лежащій недалеко отъ Чигирина.

Сынъ Михаила Хмѣльницкаго Богданъ, получивъ позволеніе заселить этотъ участокъ, сталъ принимать всѣ мѣры къ скорѣйшему его заселенію: онъ давалъ очень обширныя льготы тѣмъ, которыя пожелали бы поселиться на его участкѣ и до-

стигъ въ скоромъ времени того, что участокъ сталъ быстро заселяться, и Богданъ Хмѣльницкій, бывшій къ тому времени, войсковымъ писаремъ, зажилъ очень состоятельно.

Такая состоятельность и матеріальная независимость Хмѣльницкаго не давала покоя его сосѣду, пану Чаплинскому, служившему у магната Конецпольскаго. Чаплинскій завидовалъ какъ хуторамъ Хмѣльницкаго, такъ и невѣстѣ его Ольгѣ, въ которую онъ, увидавъ ее однажды, влюбился безъ памяти.

Чаплинскій спалъ и во снѣ только и думалъ о томъ, какъ бы отбить ему у Хмѣльницкаго имѣніе и невѣсту. Тогда подстароста Чаплинскій сталъ откровенно повѣрять свои мечтанія самому старостѣ пану Конецпольскому и просилъ у него, чтобы онъ далъ въ его владѣніе земли, принадлежащія Хмѣльницкому.

— Много лѣтъ служу я вамъ, милостивый панъ,—говорилъ онъ, униженно кланяясь передъ Конецпольскимъ, и не получилъ ничего, тогда какъ различные измѣнники и трусы пользуются вашими бла-

годѣяніями. Подарите мнѣ Суботовъ, которымъ владѣетъ Хмѣльницкій. Отъ меня, вѣрнаго дворянина получите больше пользы, чѣмъ отъ негоднаго казака.

— Этого я сдѣлать не могу, — отвѣчалъ Конецпольскій,—такъ какъ считаю за величайшее безчестіе нарушить распоряженіе моего отца, который утвердилъ Суботовъ за Хмѣльницкимъ; а Хмѣльницкій послѣ полученія этого подарка возвелъ на подаренной ему землѣ много построекъ, которыя стоятъ ему значительныхъ издержекъ.

Но Чаплинскій нашелся, что отвѣчать на это.

— Хотя Хмѣльницкій дѣйствительно получилъ хуторъ отъ блаженный памяти родителя вашего, — отвѣчалъ Чаплинскій Конецпольскому,—однако не по праву, а обманамъ. Онъ казакъ, а природному казаку нельзя держать людей, подобно пану; это противно закону. При томъ земля издавна принадлежитъ старосту, и у Хмѣльницкаго нѣтъ письменнаго законнаго документа на владѣніе, а издержки, хоть онъ на нее и употребилъ, то давно вер-

нулъ свое съ лихвою. Если же васъ удерживаетъ только память родителя, то самъ великій гетманъ жалѣлъ объ этомъ, узнавъ строптивый духъ казака!

Это замѣчаніе Чаплинскаго было справедливо, такъ какъ покойный Конецпольскій узнавъ покороче образъ мыслей Хмѣльницкаго, мечтавшаго дать свободу Украйнѣ выразился какъ-то о немъ слѣдующимъ образомъ: „жалко, что я оставилъ въ живыхъ такую безпокойную голову!“

Зналъ объ этомъ и молодой Конецпольскій, и самъ онъ не долюбливалъ Хмѣльницкаго за его свободомысліе, но при всемъ этомъ Конецпольскій изъ уваженія къ памяти покойнаго отца не хотѣлъ отнимать у Хмѣльницкаго того, что было даровано ему отцомъ.

Чаплинскій однако нашелся, какъ обойти и это препятствіе.

— Окажите мнѣ единственную милость, — умолялъ Чаплинскій Конецпольскаго, — позвольте мнѣ самому расправиться съ Хмѣльницкимъ. Я нападу на него, выгоню изъ дома и овладѣю хуто-

ромъ. Если же онъ придетъ къ вамъ съ жалобой, то вы скажите, что ничего не знаете, что я сдѣлалъ это безъ вашего позволенія; если онъ хочетъ удовлетворенія, то пусть ищетъ судомъ. А онъ судомъ ничего со мной не сдѣлаетъ, потому что я польскій дворянинъ.

Конецпольскому понравилась такая уловка, и онъ согласился.

Тогда Чаплинскій воспользовавшись отсутствіемъ изъ дома Хмѣльницкаго, напалъ на его хуторъ Суботовъ. Онъ разорилъ всѣ хозяйственныя постройки и вошедъ въ домъ Хмѣльницкаго, похитилъ его невѣсту Ольгу и такъ жестоко отнесся къ его десятилѣтняго сына, что мальчикъ на другой же день послѣ порки умеръ.

Похитивъ невѣсту Хмѣльницкаго Чаплинскій для того, чтобы держать ее въ своемъ домѣ на законныхъ основаніяхъ обвѣнчался съ ней по обряду римско-католической церкви.

Отчаянію Хмѣльницкаго, когда онъ по возвращеніи увидалъ свой разореный хуторъ не было конца; онъ потерялъ свое

имущество, лишился сына и у него была похищена горячо любимая имъ невѣста.

Что было дѣлать Хмѣльницкому въ его положеніи?

Конечно, онъ прежде всего обратился къ Конецпольскому.

Конецпольскій принялъ Хмѣльницкаго очень сухо и далъ ему отвѣтъ, заранѣе продиктованный Чаплинскимъ.

— Я ничего не знаю. Чаплинскій сдѣлалъ набѣгъ на твой хуторъ безъ вѣдома и позволенія моего. Если ты хочешь искать на Чаплинскомъ, то судись съ нимъ законнымъ порядкомъ; жалуйся на него въ судъ!

Хмѣльницкій такъ и поступилъ: онъ подалъ въ судъ жалобу на Чаплинскаго и къ жалобѣ своей приложилъ письменное свидѣтельство на владѣніе Суботовымъ, выданное отцу его гетманомъ Конецпольскимъ, съ его же гетманскою подписью.

Судъ однако отказалъ Хмѣльницкому, не обративъ вниманія на всѣ его доводы; когда же Хмѣльницкій, заявилъ, что самому королю извѣстно, что Суботовъ при-

надлежитъ ему, тогда судъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Варшаву и тамъ доискиваться своихъ правъ.

Попробовалъ было тогда Хмѣльницкій рѣшить свой споръ съ Чаплинскимъ, какъ воинъ, и вызвалъ Чаплинскаго на поединокъ.

Чаплинскій согласился и принялъ вызовъ, но тутъ же рѣшилъ устроить Хмѣльницкому засаду и подговорилъ трехъ своихъ служителей вмѣстѣ съ нимъ напасть на Хмѣльницкаго и убить его.

Но Хмѣльницкій по счастію во время узналъ о готовящейся ему опасности, онъ надѣлъ подъ платье панцырь и безвредно выдержалъ удары своихъ четырехъ противниковъ, потомъ такъ храбро напалъ на нихъ, что обратилъ всѣхъ ихъ въ бѣгство.

„Маю саблю въ руцi: ище козацька не умерла мати!—крикнулъ Хмѣльницкій, потрясая своею саблею въ слѣдъ удалявшимся врагамъ.

Этотъ случай также былъ поставленъ въ вину и ему пришлось за него поплатиться.

Тогда Хмѣльницкій рѣшился ѣхать въ Варшаву и тамъ добиться справедливости.

ГЛАВА II.

Казацкія права.

Въ Варшаву же за Хмѣльницкимъ послѣдовалъ и Чаплинскій, чтобы приводить тамъ, что можно, въ свое оправданіе.

Хмѣльницкій вновь подалъ жалобу съ приложеніемъ свидѣтельства, выданнаго гетманомъ Конецпольскимъ, на владѣніе Суботовымъ. Въ жалобѣ своей Хмѣльницкій между прочимъ ссылался на давность владѣнія Суботовымъ, указывалъ на свои заслуги Польшѣ и просилъ удовлетворенія за насиліе, набѣгъ, похищеніе невѣсты и смерть сына.

Но на это Чаплинскій отвѣчалъ такъ:

— Имѣніе, на которое претендуетъ панъ Хмѣльницкій, было несправедливо отторгнуто отъ староства, и я ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только на законномъ

основаніи возвратилъ его старостy, въ надлежащее вѣдомство, а владѣю имъ потому, что пану старостѣ угодно было его мнѣ пожаловать въ награду за мою службу Рѣчи Посполитой (Польшѣ). Что же касается того, что панъ Хмѣльницкій представляетъ давность владѣнія и издержки, то панъ староста опредѣляетъ выдать ему пятьдесятъ флориновъ. *)“.

Послѣ такого возраженія Чаплинскаго Хмѣльницкій получилъ отъ имени сейма слѣдующій отвѣтъ:

„Пусть панъ Хмѣльницкій самъ себѣ припишетъ потерю своего хутора, потому что онъ не запасся форменнымъ свидѣтельствомъ на владѣніе. Рѣчь Посполитая положила не принимать никакихъ свидѣтельствъ на имѣнія за частными подписями, потому что въ противномъ случаѣ произошелъ бы безпорядокъ. Пану Хмѣльницкому должно быть извѣстно, что у насъ существуютъ земскія книги, присяжные чиновники и формы записей. Пріобрѣта-

*) Эта и другія выдержки приведены изъ сочиненія Н. Костомарова „Богданъ Хмѣльницкій“.

тель долженъ быть осторожень. А что касается до давности владѣнія, то, по закону, не всякій владѣлецъ вещи есть ея господинъ, а потому пану Хмѣльницкому остается прибѣгнуть къ старостѣ Чигиринскому и просить, чтобы онъ, если пожелаетъ утвердить распоряженіе отца, выдалъ ему форменное свидѣтельство".

Сильно опечалился Хмѣльницкій, прочитавъ это рѣшеніе сейма; онъ зналъ, что отъ пана Конецпольскаго ему нечего ожидать добраго и потому обращаться къ нему было совершенно напрасно.

Были рѣшены также и дѣла Хмѣльницкаго по жалобѣ на убійство сына и на похищеніе невѣсты, которую Хмѣльницкій въ жалобѣ назвалъ женою.

На жалобу объ убійствѣ сына Хмѣльницкаго Чаплинскій далъ такое возраженіе: „Зять мой, Комаровскій дѣйствительно приказалъ высѣчь мальчишку, который говорилъ возмутительныя угрозы, безъ сомнѣнія слышанныя отъ отца. Ни одинъ благоразумный человѣкъ не станетъ этого вмѣнять моему зятю въ преступленіе. Но что мальчикъ умеръ отъ побоевъ, это кле-

вета и безстыдная ложь, которую опровергнутъ нѣсколько свидѣтелей".

Оправдывался также Чаплинскій и въ похищеніи невѣсты или жены Хмѣльницкаго.

— Что же касается жены,—говорилъ Чаплинскій, — то эта женщина не была его женою: онъ насильно держалъ ее у себя; оттого она такъ легко его и оставила; теперь-же она мнѣ понравилась и я соединился съ нею по обряду римско-католической церкви, и она приняла римско-католическое вѣроисповѣданіе. Поэтому никто не заставитъ меня отпустить ее отъ себя; да если-бъ я и сдѣлалъ это, то она сама не захочетъ ни за что на свѣтѣ воротиться къ Хмѣльницкому.

И по этимъ двумъ жалобамъ Чаплинскій былъ оправданъ; что же касается послѣдней жалобы относительно похищенія жены, то паны еще посмѣялись: „Охота тебѣ,—говорили они Хмѣльницкому,—жалѣть о такой женщинѣ! На бѣломъ свѣтѣ много красавицъ получше. Поищи себѣ другой; а эта пусть остается съ тѣмъ, къ кому привязалась".

Потерпѣвъ такую неудачу и даже насмѣшки отъ сейма, Хмѣльницкій рѣшился на послѣднее средство: онъ обратился съ жалобою къ самому королю.

Король Владиславъ очень благосклонно относился къ казакамъ, лично зналъ Хмѣльницкаго и былъ убѣжденъ въ правотѣ его дѣла; но что могъ сдѣлать онъ, когда и самъ онъ зависѣлъ отъ сейма и когда его и безъ того уже обвиняли въ пристрастіи къ иноземцамъ и въ непріязни къ польскому дворянству.

— Извѣстно мнѣ твое чистое сердце,— сказалъ король Хмѣльницкому,—я помню твою службу; увѣренъ, что твое дѣло право, но твой искъ не подтвержденъ формальнымъ документомъ, и потому ты ничего не выиграешь судебнымъ порядкомъ. Вижу, что и Чаплинскій не правъ: и у него нѣтъ надлежащихъ доказательствъ, и при томъ онъ, какъ самъ ты говоришь, сдѣлалъ тебѣ насиліе. Силѣ слѣдуетъ противопоставить силу:—ты также воинъ. Если Чаплинскій могъ найти себѣ пріятелей и товарищей, и ты можешь найти. Знаю я и объ утѣсненіяхъ каза-

ковъ, но помочь вамъ не въ силахъ. Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить, что вы воины; у васъ есть сабли; кто вамъ запрещаетъ постоять за себя? Я же, съ своей стороны, всегда буду вашимъ благодѣтелемъ!

Такая откровенность короля сразу показала Хмѣльницкому, что надо было дѣлать казакамъ и какъ надо было Хмѣльницкому доискиваться справедливости. И онъ съ жаждою мести выѣхалъ осмѣянный изъ Варшавы.

Онъ нарочно ѣхалъ не торопясь по Украйнѣ, повсюду онъ присматривался и прислушивался и вездѣ видѣлъ и слышалъ общее народное недовольство поляками: всюду раздавались притѣсненія на польскихъ вельможъ и шляхтичей.

Хмѣльницкій видѣлъ, что почва для поднятія возстанія противъ поляковъ была уже готова и что слѣдовало только умнѣе и осмотрительнѣе взяться за дѣло возстанія и освобожденія Украйны отъ поляковъ.

„Какъ только пріѣду домой,—думалъ Хмѣльницкій,—то употреблю всѣ усилія,

чтобы достать грамоту о казацкихъ правахъ отъ этого безсовѣстнаго плута и панскаго прихвостня Барабаша, а имѣя въ рукахъ эту грамоту я, какъ это видно по обстоятельствамъ и по настроенію духа народа очень легко подниму противъ шляхты всю Украйну".

Какъ только Хмѣльницкій пріѣхалъ въ Чигиринъ, то тотчасъ же явились къ нему давно уже съ нетерпѣніемъ поджидавшіе его, его товарищи—казацкіе старшины; они пришли къ нему, чтобы узнать объ исходѣ его дѣла въ Варшавѣ.

— Здорово, Богданъ,—привѣтствовали они Хмѣльницкаго, — съ пріѣздомъ тебя, счастливо ли добрался до дому, какъ порѣшили твое дѣло въ Варшавѣ?

— Какъ порѣшили мое дѣло въ Варшавѣ? — съ грустной улыбкой переспросилъ Хмѣльницкій. Да дуракъ же я былъ, что надумалъ ѣхать въ Варшаву и почему такое не нашлось ни одного человѣка, который удержалъ бы меня отъ этой дурацкой поѣздки. Мало надъ нами смѣются и издѣваются на нашей же родной землѣ, такъ захотѣлось мнѣ, чтобы посмѣялись

надо мной и въ Варшавѣ. Другу и недругу закажу я теперь ѣздить въ Варшаву къ полякамъ за правдою. Да и какая же тутъ можетъ быть правда, если простой хлопъ задумаетъ тягаться въ чемъ-либо со шляхтичемъ?!

— Ну ужъ это ты, Богданъ, слишкомъ много, — прервалъ Хмѣльницкаго одинъ изъ казацкихъ старшинъ,—напрасно ты себя называешь простымъ хлопомъ; ты у насъ писарь войсковой, стало быть такой же панъ; ты не хлопъ, а свободный казакъ.

— Что?—закричалъ Богданъ,—что ты мнѣ говоришь?! Полно вамъ, братцы, тѣшить себя пустыми словами: панъ, свободный казакъ! Это мы только сами себя панами-то величаемъ, а какъ глядятъ на насъ поляки? Свободный казакъ! Были мы когда-то свободны да не успѣли оставить эту свободу за собою! Можно бы и теперь намъ назваться свободными, да свобода-то наша пока у Барабаша въ сундукѣ заперта. Охъ, только бы достать мнѣ эту королевскую грамоту, тогда зналъ бы я, какъ повести дѣло! Вы по-

глядѣли бы, что теперь творится въ Украйнѣ; я нарочно не очень торопился сюда: ѣхалъ и повсюду присматривался да прислушивался. Вѣдь повсюду страшныя притѣсненія и тиранства терпитъ народъ отъ поляковъ, повсюду ждутъ только помощи и всѣ готовы взяться за оружіе.

— Давно бы пора отнять у этого вора грамоту, что укралъ онъ у цѣлой Украйны!—согласились съ Хмѣльницкимъ другіе казачьи старшины.

— Попытать развѣ силой?—предложилъ кто-то.

— Нѣтъ, силой тутъ ничего не подѣлать!—отвѣчалъ Хмѣльницкій,—надо пуститься на хитрость. Сдѣлаемъ-ка лучше вотъ какъ. Пріѣзжайте вы всѣ ко мнѣ, да возьмите съ собою казаковъ, которые позаслуженнѣе на Николинъ день, а въ Николинъ день я устрою у себя пирушку и Барабаша возьму къ себѣ. Не о чемъ я васъ не прошу, какъ только быть поласковѣе и почтительнѣе съ Барабашемъ и помогать мнѣ напоить его пьянымъ; а тамъ ужъ мое дѣло будетъ, какъ добыть грамоту.

На томъ и порѣшили старшины.

Въ Николинъ день Хмѣльницкій дѣйствительно устроилъ у себя большой пиръ; полонъ домъ былъ гостей, на дворѣ же угощали калѣкъ и нищихъ.

Барабашъ, видя почетъ себѣ отъ многихъ старшинъ казацкихъ, которые прежде не особенно-то ласково относились къ нему, былъ очень веселъ и то и дѣло выпивалъ подносимые ему хозяиномъ кубки, когда же онъ отказывался отъ какого-нибудь кубка, то старшины усерднѣйше и почтительнѣйше просили его не отказываться и выпить за общую компанію. Отъ такихъ почтительныхъ просьбъ казацкихъ старшинъ Барабашъ не могъ отказаться и продолжалъ пить къ большому удовольствію Хмѣльницкаго.

Хмѣльницкій пилъ очень умѣренно, но притворялся, что онъ порядочно подвыпивши и помахивая чаркой или шутилъ или говорилъ какія-нибудь нелѣпицы. Вдругъ онъ какъ будто бы невзначай и на минуту только вспомнилъ о привилегіи.

— Что ты, любезный кумъ, держишь у себя королевскій листъ,—сказалъ какъ бы

охмелѣвшій Хмѣльницкій,—далъ бы его намъ со старшинами хоть почитать только!

— А и правда недурно было почитать этотъ листъ! — поддерживали просьбу Хмѣльницкаго казачьи старшины.

— На что тебѣ, куманекъ, читать его?— отвѣчалъ откровенно пьянный Барабашъ, что для насъ въ этомъ королевскомъ листу? податей мы никакихъ не платимъ и въ польскомъ войскѣ не служимъ. То ли дѣло намъ, начальникамъ, пользоваться теперь всѣмъ вдоволь. Неужели будетъ для насъ лучше, если мы въ угоду черни, будемъ подвергаться разнымъ лишеніямъ и невзгодамъ и самую жизнь подвергать опасности?!

— Правду говоришь, правду!—хитрилъ Хмѣльницкій,—намъ не къ чему этотъ королевскій листъ. Выпьемъ еще, куманекъ!

Хмѣльницкій не скупился, подливая вина Барабашу; Барабашъ же, очарованный любезностью хозяина и почтительностью старшинъ пилъ до тѣхъ поръ, пока ноги его и языкъ не перестали дѣйствовать, тогда онъ мертвецки пьяный свалился на постель Хмѣльницкаго.

Этого только и надо было Хмѣльницкому.

Онъ отобралъ у соннаго Барабаша его шапку и платокъ и позвалъ къ себѣ своего вѣрнаго слугу, молодого казака Петрусю.

— Петрусь, бери скорѣе и спрячь подальше эти вещи, — сказалъ онъ слугѣ, подавая ему платокъ и шапку Барабаша, и отправляйся съ ними къ женѣ Барабаша!

Потомъ Хмѣльницкій научилъ Петруся, какимъ образомъ онъ долженъ, показавъ шапку и платокъ, обмануть Барабашиху и выманить у ней грамоту.

Петрусь во весь опоръ поскакалъ по направленію къ Черкасамъ, гдѣ жилъ тогда Барабашъ.

Подскакавъ къ дому Барабаша, въ которомъ всѣ спали крѣпкимъ сномъ, Петрусь очень старательно началъ стучать въ ворота.

— Кто ты и что тебѣ надо?—спросили его.

— Мнѣ необходимо видѣть саму панну; я посланъ къ ней отъ самого гетмана.

Слуги хотѣли было будить свою госпо-

жу, но она, услышавъ очень сильный стукъ въ ворота въ такое время, сильно обезпокоилась и сама вышла изъ своихъ покоевъ, чтобы узнать о причинѣ этого стука.

— *Пани,*—сказалъ Петрусь — *заглысь пани съ твоимъ паномъ, порубаютъ; такъ вінъ приславъ, щобъ дали ті права, що одъ короля прислані.*

— *Лихомъ ему занудилось, що зъ Хмѣльницкимъ гуляти схотілось,*—сказала испуганная хозяйка.— *Оттамъ въ стіні підъ воритьми въ глухімъ кінци у пуздерку въ землі.*

Петрусь при помощи слугъ Барабаша сталъ копать землю на указанномъ мѣстѣ и доставъ закопанный тамъ погребецъ съ привилегіей, поскакалъ обратно къ дому Хмѣльницкаго.

Грамота о правахъ казацкихъ была почти-что въ рукахъ Хмѣльницкаго.

ГЛАВА III.

Слѣдъ Аѳоnаса.

Въ предыдущей главѣ мы умышленно сказали, что грамота съ правами казаковъ была *почти-что* въ рукахъ Хмѣльницкаго.

Петрусю угрожала сильная опасность и онъ могъ не доставить Хмѣльницкому хитростью добытой королевской грамоты.

Къ вечеру этого дня къ Барабашу пріѣхалъ одинъ польскій шляхтичъ, среди которыхъ у Барабаша, къ слову сказать, знакомыхъ было очень много. Такъ какъ Барабаша не было дома, а шляхтичъ пріѣхалъ по какому-то неотложному дѣлу, то онъ съ двумя своими слугами сталъ поджидать Барабаша; а видя, что онъ медлитъ своимъ возвращеніемъ домой остался и ночевать въ его домѣ.

Долго прислушивался шляхтичъ къ шу-

му, раздававшемуся на дворѣ и наконецъ захотѣлъ узнать его причину.

Онъ одѣлся и не торопясь вышелъ на дворъ.

Двое привратниковъ, помогавшихъ Петрусю откапывать погребецъ съ грамотою, не спали и разсуждали между собою о томъ, чтобы такое могло произойти между ихъ паномъ и паномъ Хмѣльницкимъ.

Къ нимъ-то и подошелъ шляхтичъ, чтобы узнать о причинѣ столь поздней суматохи.

Привратники слово въ слово передали шляхтичу тѣ слова, которыя Петрусь передалъ ихъ госпожѣ.

Шляхтичъ былъ большой другъ Барабаша и зналъ всѣ его секреты, а потому онъ измѣнился въ лицѣ, когда со словъ привратника узналъ, что Петрусь просилъ грамоту.

— И что же сдѣлала панна? Неужели же она отдала посланному грамоту?—нетерпѣливо спросилъ шляхтичъ.

— Да,—совершенно покойно отвѣчалъ одинъ изъ привратниковъ, — она отдала ему грамоту въ погребцѣ.

— Боже, какой непростительный промахъ сдѣлала панна, неославъ эту грамоту съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ слугъ, чтобы онъ передалъ ее изъ рукъ въ руки самому гетману Барабашу! —воскликнулъ шляхтичъ.—Тутъ навѣрно продѣлка хитраго и коварнаго Хмѣльницкаго! Развѣ же не могъ панъ гетманъ послать за грамотою кого-либо изъ своихъ слугъ! Неужели же эта драгоцѣнная грамота очутится въ рукахъ нашего общаго врага Хмѣльницкаго?! Надо сейчасъ же догнать пріѣзжавшаго сюда слугу Хмѣльницкаго и во что бы то ни стало отобрать у него погребецъ съ похищенной имъ обманомъ грамотой!

Шляхтичъ побѣжалъ будить своихъ слугъ и вскорѣ они втроемъ выѣхали изъ воротъ по направленію къ Чигирину догонять скакавшаго туда Петруся.

Петрусь сначала ѣхалъ очень быстро, но потомъ онъ, желая дать отдыхъ своему уставшему коню, поѣхалъ тише; вскорѣ онъ разслышалъ приближавшійся къ нему стукъ копытъ, но онъ не обратилъ на это никакого вниманія, такъ какъ судя

по тому, какъ легко онъ добылъ погребецъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подумать, чтобы за нимъ была послана погоня изъ дома Барабаша.

— Стой, хлопъ, куда ты ѣдешь?—закричалъ шляхтичъ, нагоняя Петруся.

Петрусь не остановился, но погналъ своего коня.

Тогда одинъ изъ слугъ шляхтича, нагнавъ Петруся, занесъ было надъ нимъ свою саблю, но не успѣлъ онъ опустить поднятой руки, какъ самъ свалился съ коня отъ сильнаго удара, нанесеннаго ему Петрусемъ.

Въ это время къ Петрусю подоспѣли шляхтичъ и другой его слуга и вдвоемъ напали на молодого казака; Петрусь сталъ отчаянно защищаться, онъ успѣлъ уже сильно ранить слугу шляхтича, какъ вдругъ шляхтичъ нанесъ ему такой сильный ударъ въ голову, отъ котораго онъ вывалился изъ сѣдла и безъ чувствъ упалъ на землю.

Шляхтичъ соскочилъ съ коня и сталъ обшаривать безчувственнаго Петруся, стараясь поскорѣе отобрать отъ него погребецъ съ королевской грамотой.

— Поколѣй же лучше ты, собака, чѣмъ тебѣ рыскать по дорогамъ и убивать православныхъ христіанъ! — раздался чей-то звонкій голосъ надъ головою наклонившагося шляхтича и въ одинъ моментъ какой-то неожиданно подъѣхавшій къ мѣсту побоища всадникъ отдѣлилъ голову шляхтича отъ туловища.

Подъѣхавшій такъ неожиданно всадникъ былъ, судя по костюму, казакъ такой же молодой, какъ и Петрусь.

Молодой казакъ слѣзъ съ коня и сталъ разглядывать рану Петруся; онъ перевязалъ ее и сталъ стараться аккуратнѣе помѣстить раненаго на лошади.

Въ это время Петрусь очнулся.

— Ты живъ?—спросилъ его казакъ.— Не хочешь ли чего?

Петрусь сначала обвелъ глазами вокругъ себя, потомъ, опомнившись поспѣшно ощупалъ одной рукой за пазухой, желая должно быть убѣдиться въ томъ, цѣлъ-ли у него погребецъ и потомъ уже спросилъ казака:

— Ты казакъ? Ты православный?

— Да,—отвѣчалъ тотъ.

— Такъ тутъ въ полуверстѣ будетъ хуторъ, довези ты меня до хутора и внеси въ хату, тамъ я передамъ тебѣ свою просьбу, она по очень важному дѣлу.

Казакъ бережно довезъ Петруся до хутора, внесъ его въ хату; промылъ и вновь перевязалъ ему рану и напомнилъ ему объ его желаніи передать ему просьбу.

— Охъ,—простоналъ Петрусь,—хоть и сказалъ ты мнѣ, что ты казакъ и православный, но боюсь я повѣрить тебѣ мое сокровище, потому что это не мое сокровище, а цѣлой Украйны. Скажи ты мнѣ, любишь ли ты казачество и Украйну?

— А какой же казакъ не любитъ Украйны и казачества?

— А ненавидишь-ли ты поляковъ?

— Поляковъ? — заскрежеталъ зубами спрашиваемый,—да какъ же мнѣ ихъ не ненавидѣть, какъ же мнѣ не проклинать ихъ, когда по ихъ милости я разлученъ съ отцомъ и съ любимой невѣстой наканунѣ самой свадьбы! — воскликнулъ казакъ.—Да не изъ-за нихъ ли я мыкаюсь теперь по Украйнѣ, имѣя свой домъ.

— Повернись же къ свѣту такъ, чтобы

я могъ видѣть лицо твое?—попросилъ Петрусь.

Казакъ повернулся къ свѣту и Петрусь увидѣлъ передъ собою молодое, пріятное, мужественное лицо Аѳонаса изъ Васильевки.

Должно быть лицо Аѳонаса произвело доброе впечатлѣніе на Петруся, потому что онъ продолжалъ такъ:

— А поклянись мнѣ, что ты не сдѣлаешь лиха Украйнѣ!

Аѳонасъ поклялся.

— Такъ возьми теперь погребецъ, который у меня за пазухой; знай. что въ этомъ погребцѣ — счастье всей Украйны: мы сейчасъ поѣдемъ съ тобою въ Чигиринъ къ войсковому писарю Богдану Хмѣльницкому и ему, слышишь, только ему одному надо передать этотъ погребецъ. Я чувствую, что я очень слабъ; можетъ быть я и умру дорогою, такъ поклянись же мнѣ и въ томъ, что ты никому не передашь погребца, кромѣ войскового писаря Богдана Хмѣльницкаго.

Аѳонасъ поклялся и въ этомъ.

Недолго отдыхалъ Петрусь въ хатѣ и

скоро сталъ просить Аѳонаса, чтобы онъ продолжалъ свой путь.

Аѳонасъ съ Петрусемъ поѣхали снова по направленію къ Чигирину; на дорогѣ Петрусю снова сдѣлалось очень дурно, такъ что онъ опять находился безъ чувствъ, когда они подъѣхали къ тому дому, въ которомъ жилъ Богданъ Хмѣльницкій.

— Гдѣ это ты нашелъ нашего бѣднаго Петруся? — спрашивали Аѳонаса слуги Хмѣльницкаго.

— Потомъ, друзья мои, я разскажу вамъ все подробно,—отвѣчалъ имъ Аѳонасъ,— а теперь скажите обо мнѣ вашему пану, у меня есть до него важное дѣло!

Богданъ Хмѣльницкій между тѣмъ въ первое время, когда отпустилъ Петруся былъ очень веселъ и оживленно бесѣдовалъ съ гонцами, но чѣмъ ближе подходило то время, въ которое, по разсчетамъ Богдана долженъ былъ вернуться Петрусь, тѣмъ лицо его становилось озабоченнѣе.

— Однако ловкую же штуку сыграли мы надъ проклятымъ Барабашемъ!—говорилъ одинъ изъ подвыпившихъ гостей.

— А ты прежде попа обѣдню-то не

начинай; мы только еще начали играть штуку, а сыграемъ ее или нѣтъ, про то пока неизвѣстно!—отвѣчалъ другой гость.

— Хорошо еще, если Барабашиха повѣритъ этой штукѣ!

— Повѣритъ! Потому что платокъ и шапка у него завѣтные, — успокаивалъ кто-то сомнѣвавшихся.

Время шло и шло, а Петрусь еще не возвращался. Безпокойство Хмѣльницкаго достигло теперь высшей степени, онъ такъ волновался, что не могъ уже сидѣть съ гостями и поддерживать съ ними разговоръ. Поминутно вскакивалъ онъ съ своего мѣста и то безцѣльно ходилъ безпокойными, неровными шагами по комнатѣ, то подбѣгалъ къ окну и пристально смотрѣлъ въ него, какъ будто онъ могъ разсмотрѣть что нибудь въ непроглядной тьмѣ, царящей на дворѣ, то выбѣгалъ въ комнату, отведенную для слугъ и справлялся у нихъ о томъ, пріѣхалъ ли Петрусь, но всегда получалъ на свой вопросъ отрицательные отвѣты, которые заставляли его безпокоиться и волноваться еще сильнѣе.

— А должно быть панъ по очень важ-

ному дѣлу приказалъ ѣхать куда нибудь Петрусю,—говорили слуги:—ишь вѣдь то и дѣло выбѣгаетъ и справляется, пріѣхалъ ли Петрусь; нетерпѣніе беретъ.

Когда Аѳонасъ попросилъ, чтобы о немъ доложили, то одинъ изъ слугъ отправился въ комнату пирующихъ; онъ вошелъ туда и стоялъ нѣкоторое время въ дверяхъ, незамѣчаемый Хмѣльницкимъ.

Но вотъ Хмѣльницкій замѣтилъ слугу и быстрыми шагами подошелъ или вѣрнѣе подбѣжалъ къ нему.

— Что, не Петрусь пріѣхалъ? — живо спросилъ онъ.

— Нѣтъ...—началъ было свой отвѣтъ слуга, но Богданъ не далъ ему кончить и снова спросилъ его:

— Тогда кто же?

— Да оно, панъ, пожалуй и Петрусь, только онъ не пріѣхалъ, а привезъ его израненаго и безъ чувствъ къ намъ въ домъ какой-то казакъ; вотъ этотъ-то казакъ теперь и хочетъ поговорить съ тобою, какъ онъ сказываетъ, по очень важному дѣлу.

Хмѣльницкій торопливо пошелъ къ Аѳонасу.

„Боже мой, — думалъ Хмѣльницкій, — неужели же моя затѣя не удалась и грамота опять осталась въ рукахъ Барабаша. И кто бы такое могъ изранить бѣднаго Петруся?!

— Гдѣ они?—спросилъ Богданъ, входя въ людскую.

— Петрусь на постели въ углу, а казакъ около него.

Хмѣльницкій пошелъ за печку, гдѣ стояла постель Петруся.

— Живъ онъ? — спросилъ Богданъ у Аѳонаса, пробуя руками голову Петруся.

— Живъ, панъ; только долго не приходитъ въ себя.

— Скажи ты мнѣ все по порядку о томъ, гдѣ ты встрѣтилъ его!

— Потомъ, панъ, я разскажу тебѣ обо всемъ, какъ и гдѣ я встрѣтилъ его; а теперь позволь мнѣ прежде исполнить свою клятву, которую взялъ съ меня этотъ молодецъ; онъ дважды заставилъ меня поклясться въ томъ, что, если онъ умретъ, то я тебѣ одному только и никому болѣе

передалъ бы одну вещицу: вотъ она! Въ этотъ вещицѣ, говорилъ паренекъ, счастье цѣлой Украйны. Не виноватъ я: онъ можетъ быть и бредилъ!

Хмѣльницкій схватилъ погребецъ и крѣпко сжалъ его обѣими руками.

—Нѣтъ, пріятель!—воскликнулъ Хмѣльницкій неожиданно для всѣхъ цѣлуя Аѳоиаса,—не бредилъ мой бѣдный Петрусь, а говорилъ тебѣ правду; тутъ, въ этомъ погребцѣ дѣйствительно заключается счастіе всей Украйны; потомъ я и тебѣ и всѣмъ покажу, что тутъ есть; а теперь, хлопцы, угостите получше этого казака, да ходите за Петрусемъ такъ же, какъ ходили бы за мной! Чтобы и ночью около него дежурство было! Не оставляйте его одного ни на мигъ единый!

До нельзя обрадованный Хмѣльницкій не могъ оставаться болѣе солиднымъ, какъ требовали того его лѣта и званіе и какъ ребенокъ побѣжалъ къ казацкимъ старшинамъ.

— Цѣла еще Украйна и будетъ счастлива!—вскричалъ онъ вбѣгая въ ту комнату, гдѣ сидѣли старшины и потрясая

передъ ними погребцомъ, въ которомъ была грамота.

Старшины сразу же догадались, въ чемъ дѣло, сразу же сообразили, что наконецъ-то добыта была давно желанная грамота, такъ долго скрываемая Барабашемъ.

Общій крикъ восторга и неописуемой радости былъ отвѣтомъ на радостное восклицаніе Хмѣльницкаго.

И пиршество у старшинъ стало веселѣе, еще оживленнѣе стали ихъ бесѣды.

— Эге, братцы, я-то, какъ дурень какой сплю; а вы тутъ безъ меня того веселѣе запировали!—сказалъ проснувшійся Барабашъ, подходя къ столу.

— Эге, гетманъ, ты долго спалъ и много проспалъ, а мы тутъ безъ тебя не дремали, кладъ искали и нашли. Выпейка за нашу радость и за счастье всей Украйны!

— Какой кладъ? гдѣ вы его искали?— спрашивалъ не понимавшій, въ чемъ дѣло гетманъ, протирая глаза.

— Какой кладъ? спрашиваешь ты,— отвѣчалъ Хмѣльницкій.—Кладъ этотъ дорогъ для всей Украйны, называется онъ

вольностью казацкой, ихъ правами; потомъ ты спрашиваешь, гдѣ мы его достали, такъ спроси объ этомъ лучше у своей жены, какъ пріѣдешь домой; она намъ доставала.

— Обманщики! — завопилъ Барабашъ, обнажая свою саблю,—такъ для того-то вы меня заманили въ свое поганое гнѣздо, чтобы обмануть меня!

— Тише, тише, панъ гетманъ, припрячь прежде свою саблю-то, какъ бы тебѣ ею не порѣзаться. Ты съ похмелья-то говоришь и самъ не понимаешь что; ну какіе же мы обманщики: обманщикъ это ты! Да еще какой великій обманщикъ-то, не простится никогда тебѣ твоего грѣха отъ Господа Бога. Обманывалъ ты всю свою бѣдную родину и потворствуя врагамъ нашимъ полякамъ, съ которыми ты большой пріятель, держалъ у себя подъ спудомъ права казацкія,—говорили старшины расходившемуся Барабашу;—а мы не будемъ обманщиками, мы не станемъ скрывать правъ и объявимъ о нихъ по всей Украйнѣ!

Барабашъ видѣлъ, что онъ одураченъ,

злость такъ и душила его, такъ и подмывала его кинуться на этихъ смѣющихся ему въ глаза старшинъ, но онъ видѣлъ, что сила была не на его сторонѣ, а потому, заскрежетавъ зубами и пославъ массу ругательствъ по адресу хозяина и гостей, Барабашъ вышелъ изъ комнаты и вскорѣ со своими слугами уѣхалъ со двора Хмѣльницкаго.

ГЛАВА IV.

Къ оружію!

Проводивъ всѣхъ своихъ гостей, Хмѣльницкій нѣсколько разъ съ радостною улыбкою на лицѣ перечитывалъ королевскую грамоту и время отъ времени выбѣгалъ къ Петрусю, чтобы узнать о состояніи его здоровья.

Петрусь уже пришелъ въ себя, но видно было, что онъ могъ говорить только съ большимъ трудомъ.

— Что грамота?—спросилъ Петрусь у Хмѣльницкаго.

— Тутъ она, тутъ, у меня, милый Петрусь,—отвѣчалъ Хмѣльницкій, цѣлуя Петруся въ лобъ; ты сдѣлалъ очень большое дѣло для всей Украйны, что доставилъ мнѣ грамоту.

Петрусь хотѣлъ было еще что-то го-

ворить, но Хмѣльницкій, видя, что это для него очень трудно, удержалъ его, говоря:

— Успокойся, Петрусь, завтра ты передашь мнѣ обо всемъ, а теперь тебѣ говорить вредно!

— А гдѣ же тотъ казакъ, который привезъ къ намъ Петруся? — спросилъ Хмѣльницкій у слуги.

— Тотъ казакъ наѣлся, напился и давнымъ давно уснулъ крѣпкимъ сномъ!—отвѣчалъ слуга.

— Это хорошо! Не отпускать его завтра безъ того, чтобы я не повидалъ его; пусть онъ зайдетъ ко мнѣ!

Утромъ слѣдующаго дня Хмѣльницкій, справившись о здоровьѣ Петруся, приказалъ привести къ себѣ Аѳонаса.

— А скажи-ка теперь мнѣ, молодецъ, о томъ, какъ и гдѣ ты повстрѣчалъ нашего Петруся? — спросилъ Хмѣльницкій Аѳонаса, когда тотъ поклонившись всталъ противъ него.

Аѳонасъ разсказалъ о томъ, какъ онъ натолкнулся на Петруся, котораго уже обыскивалъ шляхтичъ.

Хмѣльницкій тотчасъ же смекнулъ, какъ было дѣло.

„Дура Барабашиха,—думалъ Хмѣльницкій,—не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, отдала грамоту Петрусю, а потомъ узналъ объ этомъ и шляхтичъ, который вѣроятно гостилъ у Барабаша, вѣдь у него много такихъ гостей бываетъ, узналъ шляхтичъ и поѣхалъ съ своими слугами отнимать у Петруся грамоту и отнялъ бы, если бы Богъ не послалъ на этотъ разъ вотъ этого казака.“

— Какъ тебя звать-то, молодецъ?

— Аѳонасомъ.

— Скажи теперь мнѣ, какъ же ты попалъ въ такое время въ тѣ мѣста?

На этотъ вопросъ Аѳонасъ отвѣчалъ Хмѣльницкому тѣмъ, что разсказалъ ему все то, что случилось съ нимъ въ послѣднее время.

— Такъ, такъ,—неоднократно прерывалъ Хмѣльницкій разсказъ Аѳонаса,—такъ ты теперь ѣдешь въ Сѣчь, чтобы укрыться отъ поляковъ?

— Ну не только за тѣмъ, чтобы укрыться, — отвѣчалъ Аѳонасъ,—укрыться отъ

нихъ я могъ бы и еще гдѣ-нибудь, а хочется мнѣ еще и подраться съ поляками. Опротивѣли они мнѣ и ненавижу ихъ я и не за себя только, а и за всю Украйну. Вѣдь до чего дошли они, подлые: святые храмы стали сдавать жидамъ въ аренду; чего же теперь ждать болѣе?

— Слушай-ка, молодецъ, въ томъ погребцѣ, который ты передалъ мнѣ лежитъ королевская грамота о казацкихъ правахъ; если Богъ судилъ тебѣ передать мнѣ эту грамоту, то оставайся-ка у меня, мы вмѣстѣ съ тобою будемъ добывать и самыя права. Вѣдь тебѣ все равно: въ Сѣчи ли, у меня ли. И у меня ты укрытъ будешь и съ поляками, если хочешь подерешься за великое и святое дѣло освобожденія родины!

Аѳонасъ еще по дорогѣ много наслышался объ умѣ Хмѣльницкаго, объ его способностяхъ и о желаніи его освободить горячо любимую имъ родину отъ ненавистныхъ поляковъ; гораздо подробнѣе говорили ему объ этомъ же вчера слуги Хмѣльницкаго, а теперь онъ самъ стоялъ лицомъ къ лицу съ этимъ радѣте-

лемъ народныхъ скорбей, смотрѣлъ ему въ глаза и нравилось Аѳонасу въ Хмѣльницкомъ все, а потому на вопросъ Хмѣльницкаго онъ съ радостью отвѣчалъ:

— Остаюсь у тебя и пойду за тебя и за родину въ огонь и въ воду!

— Ну пусть такъ и будетъ! Сегодня же мы съ тобой поѣдемъ недалеко отсюда, хотѣли ко мнѣ пріѣхать для обсужденія дѣла нѣкоторые казаки.

Солнце еще не доходило до половины горизонта, какъ Хмѣльницкій съ Аѳонасомъ и двумя слугами ѣхалъ къ бору, который находился недалеко отъ Чигирина; въ этомъ бору должны были по уговору собраться выборные казаки и казацкіе старшины на общій совѣтъ.

Хмѣльницкій пріѣхавъ на мѣсто, назначенное для сходки, увидалъ тамъ множество собравшихся казаковъ, которые привѣтствовали его поклонами и Хмѣльницкій съ своей стороны отвѣсилъ низкій поклонъ собравшимся.

Началось обсужденіе того положенія, въ которомъ находилась тогда Украйна, благодаря своевольству пановъ. Отовсюду

слышались разсказы о возмутительныхъ поступкахъ поляковъ, онъ ихъ жестокостяхъ и о тѣхъ невзгодахъ, которыя тяжкимъ бременемъ давно легли на народъ.

Началъ говорить потомъ и Хмѣльницкій.

— Нечего, панове, говорить о томъ, каково теперь живется народу, вѣдомо небось это каждому изъ насъ. Чего-чего я не насмотрѣлся и не наслушался, когда осмѣянный поляками ѣхалъ сюда изъ Варшавы. Нѣтъ справедливости въ Польшѣ. Ужели мы будемъ терпѣть еще и еще? Ужели мы не поможемъ нашимъ братьямъ, православнымъ? Чего не перетерпѣли мы отъ своевольства польскихъ пановъ: они и вольности наши уничтожили и давно уже пытаются обратить насъ, вольныхъ рыцарей, въ хлоповъ. Да что я говорю: пытаются? Они ужъ и обращаютъ и обратили многихъ. Развѣ мы не видимъ теперь, что люди, которымъ надо было бы быть рыцарями, работаютъ панщину, ходятъ за лошадьми, топятъ печи панамъ, смотрятъ за ихъ собаками и какъ хлопы разсылаются съ панскими письмами. А каково теперь и реестровымъ казакамъ? И

ихъ житье теперь куда не красно! Число ихъ убавлено до невозможности и они живутъ такъ же, какъ рабы. Полковники, сотники да и все начальство у насъ не нами самими выбрано, а все изъ шляхты. И употребляютъ эти начальники-шляхтичи подначальныхъ имъ казаковъ какъ крѣпостныхъ своихъ рабовъ, для домашнихъ работъ. Жалованье казацкое, королемъ имъ положенное они не выдаютъ казакамъ и удерживаютъ у себя. Завоюетъ ли въ походѣ казакъ татарскаго коня, они отнимаютъ коня у казака, языка ли поймаетъ казакъ — полковникъ-шляхтичъ пошлетъ его къ коронному гетману съ польскимъ жолнеромъ и обставитъ дѣло такъ, что въ концѣ-концовъ выйдетъ, что отличился польскій жолнеръ, а казацкая отвага скрывается. А то бываетъ и такъ, что приходится бѣдному казаку пробираться по дикимъ мѣстамъ, неся въ подарокъ какому-нибудь пану сокола или ястреба, и идетъ бѣдный казакъ, подвергаясь опасности быть убитымъ татарами, и убиваютъ такъ многихъ, и никому нѣтъ никакого дѣла до этого. А какъ расправ-

ляются съ казаками за какія-нибудь вины? Даже за ничтожнѣйшія вины убивали казаковъ, предавая ихъ самымъ жестокимъ казнямъ! Издѣвались и чинили поруганія надъ женами и дочерьми нашими! А какъ страдаетъ народъ отъ разныхъ польскихъ старостъ, подстаростъ, ото всѣхъ польскихъ начальниковъ и особенно отъ жидовъ?! Поляки отдали въ аренду жидамъ и душу и тѣло народа, и не видятъ эти ослѣпленные подарками жидовъ-арендаторовъ поляки, что ихъ мажутъ по тѣлу ихъ же собственнымъ саломъ. Только одни жиды богатѣютъ теперь на Украйнѣ, заводятъ себѣ по нѣскольку цуговъ лошадей да придумываютъ на народъ разные новые налоги. А ужъ какихъ-какихъ только налоговъ не придумали эти поганые жиды?! Все, кажется, обложили они налогами и теперь скоро дышать нельзя будетъ безъ того, чтобы не заплатить жиду налога. На все налоги: налоги на дороги, на переѣзды, налоги на скотъ, на жернова, на измолотый хлѣбъ. Повѣнчаться нельзя или младенца окрестить, чтобы не заплатить пошлины

еврею! Вѣра православная въ преслѣдованіи и въ уничиженіи, хотятъ, чтобы православные признали папу, церкви православныя разоряются, утварь церковная продается жидамъ, надъ святынею и священниками поругаются!

И долго еще говорилъ Хмѣльницкій собранію въ этомъ же духѣ, описывая положеніе Украйны подъ польскимъ гнетомъ.

Ропотъ давно уже пробѣгалъ между собравшимися казаками, и когда Хмѣльницкій кончилъ, то послышались голоса:

— Больше терпѣть невозможно!

— Пора скинуть съ себя ярмо ляшское!

— Пора намъ взяться за сабли!

— Вы говорите, панове, что пора взяться за оружіе, пора обнажить сабли! Такъ знайте же, что то же самое говорилъ мнѣ при личномъ свиданіи и король Владиславъ, который желаетъ добра казакамъ, но помочь имъ не можетъ, такъ какъ и онъ въ рукахъ у пановъ! — воскликнулъ Хмѣльницкій.

Однако не всѣ изъ собравшихся казаковъ съ такимъ оживленіемъ схватились

за мысль взяться за оружіе; эти казаки говорили:

— Взяться за оружіе! а гдѣ оно? Наши пушки побрали коммиссары и начальники; а что мы подѣлаемъ съ одними-то только ружьями противъ польскихъ войскъ, когда у нихъ всегда въ изобиліи пушки?! На чью помощь мы можемъ надѣяться, если одни не устоимъ противъ поляковъ? Татаръ что-ли мы позовемъ съ собою? Такъ вѣдь сколько разъ мы ихъ колотили, и они теперь ни за что не пойдутъ за насъ!

— Правда, панове, правда! Вѣрно вы говорите, что намъ однимъ только трудно будетъ итти противъ поляковъ и бороться съ ними. Во всѣхъ замкахъ сидятъ теперь польскіе коммиссары и приглядываютъ за нами, а войско польское зимуетъ въ нашей землѣ. Если поднимемся мы одни только, не имѣя никакихъ помощниковъ, то скоро усмирятъ насъ поляки и будетъ намъ тогда того горьше. Надо непремѣнно подумать о томъ, у кого бы намъ попросить помощи; а ее просить можно только у москалей да у татаръ.

Хорошо бы попросить помощи у москалей: они такіе же православные, какъ и мы и поэтому легко согласились бы вступиться за насъ; но они сильно ослабѣли въ недавней борьбѣ съ поляками, не пришли еще москали въ силу и едва ли теперь согласятся помогать намъ. Трудно намъ также сойтиться и съ татарами; ужъ очень много насолили мы имъ въ послѣднее время: то нападали на нихъ въ ихъ же владѣніяхъ, то отбивали отъ нихъ добычу, которую захватывали они въ польскихъ земляхъ, да и потому еще неудобно сходиться съ ними, что они басурмане, а мы будемъ воевать противъ христіанъ, хоть и не православныхъ.

— Ничего это, пане Богданъ, ты только придумай, нельзя ли какъ намъ поладить съ татарами, а тамъ мы ужъ обсудимъ, грѣшно это будетъ или нѣтъ.

— Если такъ вы говорите, — сказалъ Хмѣльницкій, — то я не стану скрывать отъ васъ, братья мои, что король нашъ, желая воевать съ турками, собралъ наемное войско; а такъ какъ панство не захотѣло, то онъ его снова распустилъ, а

теперь подговариваетъ насъ сдѣлать походъ на турецкую землю, чтобъ, когда въ отплату пошлютъ турки на Польшу войско, поляки, рады-не-рады взялись бы за сабли. А чтобъ вы этому вѣрили, что оно есть такъ, какъ я вамъ говорю, то вотъ вамъ королевская привилегія на постройку чаекъ для войны. Намъ дали и знамя, и булаву, и хотѣли меня поставить гетманомъ при свидѣтеляхъ, которые здѣсь и могутъ поручиться, что я говорю правду. Я однако не принялъ гетманства, потому что были другіе старше меня, а частно, самъ собою я не хотѣлъ ничего начинать. Теперь же, какъ я былъ въ Варшавѣ, то король самъ мнѣ говорилъ то-же, да прибавилъ еще, что другого средства для насъ нѣтъ, какъ самимъ защищать оружіемъ права свои. По моему, братья, пока этотъ листъ у насъ въ рукахъ, то выбрать пословъ къ татарамъ и объявить, что замышляетъ король да и посовѣтовать имъ: пусть намъ пособляютъ, коли хотятъ покоя; а не согласятся, такъ мы имъ войну объявимъ, такъ имъ и скажемъ. Мнѣ кажется, тутъ и думать долго

не о чемъ. Татары давно уже напали бы на поляковъ за то, что имъ не платили дань, если-бъ мы ихъ не удерживали. А теперь пуще они раздражены противъ поляковъ за недавній походъ Конецпольскаго.

Лишь только кончилъ Богданъ свою рѣчь, какъ раздались крики собравшихся на совѣтъ казаковъ.

— Самъ Богъ посылаетъ намъ случай отомстить полякамъ за поруганіе христіанства!

— Если татары намъ помогутъ, то чего еще намъ надо!

— Пусть будетъ Хмѣльницкій нашимъ гетманомъ!

— Пусть онъ ведетъ дѣло, какъ хочетъ!

И тутъ же казаки дали Хмѣльницкому право переговаривать съ татарами отъ лица всѣхъ ихъ и просили его принять гетманское достоинство.

— Способнѣе тебя мы никого не знаемъ,—говорили ему казаки.

— Соединимся же, братья, всѣ, какъ одинъ человѣкъ,—воскликнулъ Хмѣльницкій,—возстанемъ за вѣру христіанскую и

за нашу свободу. Созывайте отовсюду казаковъ и я съ помощью Всевышняго поведу ихъ противъ врага. Ни одного казака, надѣюсь я, не найдется, который не присталъ бы къ намъ. Господь пусть будетъ нашей надеждою! Да поможетъ намъ Всевышній!

— Отомстимъ за обиды свои и братій нашихъ!—отвѣчали Хмѣльницкому казаки.

— Умремъ другъ за друга и отомстимъ врагу!

Оживленіе было всеобщее и всѣ горѣли желаніемъ поскорѣе сойтиться съ своими притѣснителями и отомстить имъ за всѣ тѣ притѣсненія, жестокости и тиранства; которыя творили они на Украйнѣ.

ГЛАВА V.

Въ плѣну у поляковъ.

Бывшіе на совѣщаніи старшины и выборные казаки разбрелись по своимъ домамъ и стали распространять между другими казаками слухи о готовящемся возстаніи, приглашая ихъ принять въ немъ участіе и присоединиться къ Хмѣльницкому.

Но не до однихъ только казаковъ достигли эти слухи, достигли они скоро и до ушей поляковъ и заставили обезпокоиться очень многихъ. Сильно обезпокоился Барабашъ, который хотя и былъ внѣ себя отъ того, что его одурачилъ Хмѣльницкій, но никакъ не предполагалъ, что похищеніе грамоты поведетъ къ такимъ серьезнымъ результатамъ.

Еще сильнѣе обезпокоился сосѣдъ Хмѣль-

ницкаго подстароста Чаплинскій, оттягавшій у него имѣніе и невѣсту. Положеніе Чаплинскаго было теперь очень некрасиво и онъ далеко не наслаждался спокойствіемъ проживая на украденномъ имъ хуторѣ Хмѣльницкаго.

Онъ укралъ у Хмѣльницкаго невѣсту и женился на ней по обряду католической церкви, но что же вышло изъ этого хорошаго для похитителя?

Ольга, такъ звали невѣсту Хмѣльницкаго, была только по имени женою Чаплинскаго, на самомъ же дѣлѣ она глубоко ненавидѣла своего похитителя и нисколько не страшась его, говорила ему это въ глаза.

Между тѣмъ Чаплинскій страстно любилъ Ольгу и принималъ всѣ мѣры, чтобы добиться ея взаимности. Онъ обращался съ ней, какъ съ горячо любимою женою и предлагалъ ей свои ласки и дорогіе подарки.

— Противны мнѣ твои ласки, какъ прикосновеніе къ змѣѣ, — отвѣчала ему Ольга,—и презираю, ни во что не ставлю я твои подарки; они дороги только для

тебя, для меня же нѣтъ ничего дороже моего милаго, моего безцѣннаго жениха Богдана!

Чаплинскій скрежеталъ зубами при этомъ ненавистномъ ему имени, но отвѣчалъ возможно хладнокровнѣе:

— Напрасно тебѣ теперь думать о своемъ прежнемъ женихѣ, когда ты сдѣлалась моею женою.

— Твоею женою!—восклицала Ольга,— никогда не бывать этому, для меня лучше самая жестокая, самая мучительная смерть, чѣмъ это противное супружество съ тобою; да и какое вѣнчаніе было надо мною. Не признаю я этого вѣнчанія и никто не признаетъ его, такъ какъ оно совершено было надо мною насильно!

Однажды попробовалъ было Чаплинскій пустить въ ходъ угрозы, но тутъ же понялъ, что Ольга дѣйствительно не побоится ничего.

Таково было домашнее положеніе Чаплинскаго, но съ появленіемъ слуховъ о томъ, что Хмѣльницкій поднимаетъ знамя возстанія Чаплинскаго ждали новыя, очень серьезныя непріятности. Прежде всего

сильно испугался этихъ слуховъ самъ Чаплинскій, такъ какъ онъ сильно опасался того, что Хмѣльницкій поднявъ съ собою казаковъ, первымъ же долгомъ своимъ сочтетъ отомстить свои обиды Чаплинскому и отомстить эти обиды, конечно, очень жестоко; потомъ староста Конецпольскій и другіе польскіе магнаты прямо стали указывать на Чаплинскаго, какъ на виновника возстанія, затѣваемаго Хмѣльницкимъ.

— Не будь этого дѣла у Хмѣльницкаго съ Чаплинскимъ,—говорили паны,—тогда у Хмѣльницкаго не было бы причины быть недовольнымъ Польшею и поднимать возстаніе!

Но справедливость требуетъ замѣтить, что эти обвиненія, посылаемыя по адресу Чаплинскаго, были напрасны.

Паны, обвинявшіе Чаплинскаго, какъ единственнаго виновника поднимаемаго Хмѣльницкимъ возстанія упускали изъ виду то, что Хмѣльницкій кромѣ сына и невѣсты горячо любилъ Украйну.

Оскорбленіе, нанесенное Чаплинскимъ Хмѣльницкому и неправое рѣшеніе поль-

скаго сейма заставили Хмѣльницкаго только скорѣе приступить къ дѣлу, уже давно имъ задуманному, къ приведенію въ исполненіе мысли, уже давно лелѣянной имъ въ тайникахъ своего сердца.

Слухи о замыслахъ Хмѣльницкаго дошли и до короннаго гетмана, который тотчасъ же принялъ мѣры къ тому, чтобы схватить Хмѣльницкаго и тѣмъ самымъ подавить возстаніе въ самомъ его зародышѣ.

„Надлежитъ погасить огонь, пока онъ не разгорѣлся; надо немедленно схватить Хмѣльницкаго и посадить его подъ стражу“,—такъ думалъ коронный гетманъ и отдалъ приказаніе схватить Хмѣльницкаго переяславскому полковнику Кречовскому, котораго онъ считалъ за отличнѣйшаго слугу пановъ.

Но коронный гетманъ на этотъ разъ жестоко обманулся, поручивъ исполненіе столь важнаго дѣла Кречовскому, который, несмотря на то, что былъ шляхтичъ, исповѣдовалъ православную вѣру и, какъ это оказалось потомъ, всегда былъ сторонникомъ казацкаго возстанія.

Кречовскій, получивъ приказаніе гетмана, показывалъ видъ, что онъ очень старательно выслѣживаетъ Хмѣльницкаго, на самомъ же дѣлѣ онъ очень халатно относился къ исполненію полученнаго имъ приказанія и не принималъ никакихъ серьезныхъ мѣръ къ поимкѣ Хмѣльницкаго.

Но помимо тѣхъ лицъ, которые по обязанности своей должны были слѣдить за Хмѣльницкимъ, находились у послѣдняго и добровольные преслѣдователи, которые слѣдили за нимъ изъ-за собственныхъ интересовъ.

Однимъ изъ усерднѣйшихъ такихъ выслѣдователей Хмѣльницкаго былъ конечно Чаплинскій, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опасался за свою шкуру.

Отъ многочисленныхъ лазутчиковъ, которыхъ разослалъ Чаплинскій съ цѣлью слѣдить за Хмѣльницкимъ, онъ узналъ, что Хмѣльницкій обязательно будетъ на конской ярмаркѣ въ селѣ Бужинѣ.

Получивъ такое свѣдѣніе, Чаплинскій поскакалъ къ Кречовскому съ большою

свитою, которую онъ началъ брать въ послѣднее время постоянно съ собою.

— А я пану полковнику новость привезъ! — съ улыбкою сказалъ Чаплинскій, увидавъ Кречовскаго.

— Хорошо узнать, какую.

— Да тотъ волкъ съ лисьимъ хвостомъ, котораго ловитъ панъ полковникъ, будетъ въ Бужинѣ на ярмаркѣ.

— Эге! — произнесъ хитрый Кречовскій, не желавшій уронить понятія о своей бдительности, — и стоило пану Чаплинскому изъ-за такой новости сюда ѣхать!

— А что же?

— Да эта новость для меня такъ же нова, какъ было бы ново и то если бы панъ сказалъ, что я прозываюсь Кречовскимъ! Ха-ха-ха! — разсмѣялся раскатистымъ смѣхомъ Кречовскій, который на самомъ дѣлѣ еще ничего не зналъ о томъ, что Хмѣльницкій будетъ на ярмаркѣ; а про себя Кречовскій въ это время думалъ: „и чортъ тебя дергаетъ соваться всегда не въ свое дѣло; накликалъ ты своимъ нападеніемъ на хуторъ Богдана бѣду на всю Польшу; а теперь суешься съ своими

указаніями ко мнѣ и вынуждаешь меня схватить того, кого я вовсе не хотѣлъ схватывать!“

Не зналъ только панъ полковникъ того, что дѣло объ арестѣ Хмѣльницкаго было совершенно своимъ дѣломъ для Чаплинскаго; такъ какъ съ вопросомъ о томъ, будетъ ли свободенъ Хмѣльницкій или нѣтъ, очень былъ связанъ вопросъ и о томъ, будетъ ли панъ Чаплинскій благоденствовать и жить, служа на славу Рѣчи Посполитой или же онъ, оставивъ это бренное житіе отойдетъ при помощи Хмѣльницкаго къ праотцамъ.

Кречовскій видѣлъ, что теперь ему невозможно бездѣйствовать и упустить Хмѣльницкаго изъ Бужина, если только онъ дѣйствительно появится тамъ во время ярмарки.

Теперь за всѣми дѣйствіями Кречовскаго по отношенію къ поимкѣ Хмѣльницкаго будетъ слѣдить Чаплинскій и малѣйшая бездѣятельность Кречовскаго будетъ доведена до свѣдѣнія Конецпольскаго и самого короннаго гетмана Потоцкаго.

Хмѣльницкій дѣйствительно явился на ярмарку въ Бужинѣ.

— Панъ Чаплинскій, приходи-ка сегодня ко мнѣ обѣдать, ты у меня встрѣтишь одного знакомаго!—съ усмѣшкой сказалъ Кречовскій, встрѣтивъ Чаплинскаго.

— Какого же знакомаго?

— Да того, ради поимки котораго ты пріѣхалъ.

— Тьфу!—отплюнулся Чаплинскій,—я смотрѣть не могу безъ отвращенія на этого поганаго хлопа.

Хмѣльницкій ходилъ по ярмаркѣ вмѣстѣ съ Аѳонасомъ и встрѣтился тамъ съ Кречовскимъ.

— Ба, куманекъ дорогой, какъ поживаешь?— спросилъ Кречовскій, знавшій лично Хмѣльницкаго.

— Живу не лучше богатыхъ пановъ!— отвѣчалъ тотъ.

— Пойдемъ-ка ко мнѣ обѣдать.

— Отчего не пойти, только я растолкую вотъ казаку, что ему надо дѣлать безъ меня на ярмаркѣ!—И Хмѣльницкій

далъ нѣкоторыя приказанія и совѣты Аѳонасу.

За обѣдомъ Кречовскій говорилъ съ Хмѣльницкимъ о совершенно постороннихъ предметахъ, угощалъ его виномъ и только къ концу обѣда сказалъ:

— А вѣдь, ты не сердись на меня, куманекъ, только я по долгу службы долженъ сообщить тебѣ не особенно для тебя пріятную новость!

— Какую же?

— Мнѣ велѣно схватить и арестовать тебя.

— Ну что-же, бери; я отдаюсь тебѣ въ руки!

— Напрасно ты, куманекъ, дѣлаешь такъ, что посторонніе люди знаютъ сегодня о томъ, что ты будешь дѣлать завтра: вѣдь мнѣ и въ голову не пришло бы, что ты будешь въ Бужинѣ на ярмаркѣ, если бы мнѣ не сообщилъ объ этомъ панъ Чаплинскій.

„Опять этотъ мерзавецъ“, — подумалъ Хмѣльникій, идя за Кречовскимъ въ помѣщеніе, отведенное для ареста.

Хмельницкій былъ арестованъ.

Свободнѣе вздохнули польскіе паны, когда извѣстіе объ арестѣ Хмѣльницкаго разнеслось по окрестностямъ, чему между прочимъ много способствовалъ Чаплинскій, который былъ въ такомъ восторгѣ отъ ареста Хмѣльницкаго, что готовъ былъ кидаться на шею каждому встрѣчному и дѣлиться съ нимъ своею радостью.

Чаплинскій тотчасъ же послѣ ареста Хмѣльницкаго помчался къ себѣ въ Чигиринъ и тамъ не утерпѣлъ, чтобы не сообщить объ этомъ Ольгѣ.

— Наконецъ-то этотъ подлый хлопъ арестованъ!

— Напрасно панъ называетъ пана Хмѣльницкаго хлопомъ, вѣдь и самъ король знаетъ, что онъ не хлопъ, а войсковой писарь, и отчего панъ такъ радуется аресту этого „подлаго хлопа?“ Ужъ не боялся ли онъ его тогда, когда онъ былъ на свободѣ?—отвѣчала Ольга Чаплинскому на сообщеніе его объ арестѣ Хмѣльницкаго.

— Что бы я,—Чаплинскій, сталъ бояться хлоповъ?!—воскликнулъ Чаплинскій,—никогда я не боялся его; не боятся вѣдь мухъ, а только непріятно это жужжаніе.

— Мой Богданъ такая муха, жужжаніе которой обезпокоило всю Польшу и дошло до Варшавы, да при томъ же нѣкоторыя мухи пребольно кусаются.

— Висѣлица прекратитъ его жужжаніе и вырветъ его жало!—съ увѣренностью сказалъ Чаплинскій.

Ольга не хотѣла продолжать разговора съ этимъ совершенно опротивѣвшимъ ей человѣкомъ, она показывала видъ, что совершенно спокойна, но въ то же время сильно безпокоилась о судьбѣ своего Богдана и, придя въ свою комнату, бросилась на колѣни передъ иконой и долго, долго молилась о Богданѣ.

Пріуныли собравшіеся и приготовившіеся казаки, узнавъ, что ихъ предводитель въ плѣну; они рѣшительно не знали, что имъ дѣлать безъ него и предались было отчаянію.

ГЛАВА VI.

Въ Запорожской Сѣчи.

Но не пришлось совершенно отчаяться казакамъ, судьба была милостива на этотъ разъ и устроила такъ, что казаки, растерявшіеся при полученіи извѣстія объ арестѣ своего предводителя, очень скоро получили отъ него вѣсточку.

Хмѣльницкій и самъ сначала очень смутился; сидя въ той комнатѣ, которую для него отвелъ, какъ мѣсто заключенія, Кречовскій, онъ думалъ, что вмѣстѣ съ его арестомъ растроится и то предпріятіе, которое онъ только что началъ.

„Отъ Кречовскаго меня повезутъ по всей вѣроятности къ коронному гетману Потоцкому и тамъ станутъ судить; а результатъ панскаго суда надо мною я могу и теперь сказать—висѣлица, вотъ что

ждетъ меня. Да и на что-же мнѣ надѣяться, когда паны подберутъ такихъ свидѣтелей, какъ Чаплинскій, Конецпольскій и Барабашъ. Не себя мнѣ жаль,—воскликалъ Хмѣльницкій,—не жизни своей, въ ней мнѣ видно не найти ужъ отрады лично для себя, такъ какъ все дорогое, все милое для меня, уже отнято отъ меня. Жаль мнѣ Украйны!“

Хмѣльницкій сначала не обращалъ никакого вниманія на то, какъ относится къ нему Кречовскій и ничего особеннаго не замѣчалъ въ этихъ отношеніяхъ, но потомъ онъ невольно началъ задумываться надъ нѣкоторыми двусмысленными фразами полковника, изъ которыхъ можно было вывести заключеніе, что Кречовскій согласенъ будетъ на побѣгъ Хмѣльницкаго.

„Такъ-ли только я понимаю его слова?“—думалъ Хмѣльницкій.

Аѳонасъ долго ждалъ Хмѣльницкаго и наконецъ порѣшивъ, что онъ вѣроятно переложилъ лишнее изъ хмѣльного у полковника и остался у него ночевать.

Но Хмѣльницкій не являлся и на второй день, и Аѳонасъ сталъ безпокоиться;

безпокойство это перешло въ отчаяніе, когда Аѳонасъ узналъ, что Богданъ арестованъ.

Аѳонасъ сталъ ходить около дома полковника, стараясь вызнать, гдѣ именно сидитъ Хмѣльницкій, чтобы потомъ попытаться хотя бы увидать его и переговорить съ нимъ, а при случаѣ, конечно, рѣшиться и на попытку къ его освобожденію.

Но сколько ни ходилъ Аѳонасъ около дома Кречовскаго, онъ не могъ высмотрѣть ничего.

„Да попробую я повидать самого полковника, — подумалъ Аѳонасъ, — можетъ быть онъ и разрѣшитъ мнѣ свиданіе съ Хмѣльницкимъ“.

Аѳонасъ увидалъ Кречовскаго и сталъ просить у него разрѣшить свиданіе съ Хмѣльницкимъ.

— Хожу я тутъ, панъ полковникъ, какъ дурманомъ опоенный, — говорилъ Аѳонасъ Кречовскому, — и не знаю, что мнѣ дѣлать: домой-ли ѣхать, или еще тутъ оставаться; дозволь мнѣ видѣть Хмѣльницкаго и узнать его приказанія. У тебя у самого есть

слуги и самъ ты знаешь, что безъ хозяина домъ сирота!

— Молодецъ,—похвалилъ его Кречовскій,—приходи же завтра къ обѣду и ты увидишь Хмѣльницкаго.

— Слышь, Богданъ Михаиловичъ, что твой слуга мнѣ сегодня сказалъ: „безъ хозяина домъ сирота!“—Говорилъ часа два спустя полковникъ, сидя въ комнатѣ Богдана.

Полковникъ при этомъ такъ улыбнулся и подмигнулъ, что Богданъ тотчасъ-же сообразилъ, что онъ намекаетъ о покинутыхъ имъ казакахъ-соумышленникахъ.

— Что правда, то правда, полковникъ!—отвѣчалъ Богданъ, глубоко вздохнувъ.

— Да и птичкѣ-то скучно сидѣть въ клѣткѣ вдали отъ родимаго гнѣздышка; оно положимъ, что клѣтка не очень крѣпка и если бы птичка была подагадливѣе, то и...

— Что? Что? — воскликнулъ Богданъ, схватывая полковника за руки.

— Ничего, Богданъ Михаиловичъ, я вижу, что ты охочъ очень сказки слушать, некогда мнѣ только говорить-то теперь;

завтра къ тебѣ казакъ твой придетъ, такъ подумай-ка, что ему передать надо.

На слѣдующій день Аѳонасъ былъ у Хмѣльницкаго.

Хмѣльницкій просилъ Аѳонаса съѣздить къ товарищамъ и передать имъ по секрету, чтобы они особенно не унывали и не отчаявались, такъ какъ онъ надѣется на скорое освобожденіе.

Аѳонасъ вихремъ полетѣлъ съ этою радостною вѣстію, и дѣйствительно очень обрадовалъ казаковъ, которые совсѣмъ было пріуныли.

Хмѣльницкій-же вскорѣ убѣдился окончательно въ томъ, что добрякъ Кречовскій не только не имѣетъ ничего противъ побѣга, но даже желаетъ его.

— Утекай-ка ты, Богданъ Михаиловичъ, отсюда и помоги тебѣ Богъ въ твоемъ дѣлѣ,—уже напрямикъ говорилъ Кречовскій;—я тутъ уѣду денька на два, а ты въ это время и уходи! Тогда моя хата будетъ съ краю—ничего не знаю!

И Кречовскій разсказалъ Богдану, какъ удобнѣе будетъ ему бѣжать.

Лишь только Богданъ вышелъ изъ тем-

ницы, какъ его встрѣтилъ съ конемъ Аѳонасъ, исполнившій уже порученіе и опять возвратившійся къ Хмѣльницкому.

И вотъ Богданъ былъ снова среди своихъ, воспрянувшихъ духомъ единомышленниковъ, онъ уговаривалъ ихъ дѣятельнѣе проповѣдовать возстаніе и дѣлать къ нему всѣ приготовленія, а самъ приготовился къ поѣздкѣ въ Сѣчь-Запорожскую.

— А тамъ, братцы, видно будетъ, можетъ быть я прямо изъ Сѣчи и въ Крымъ отправлюсь съ татарами уговариваться!— говорилъ Богданъ, уѣзжая въ Сѣчь.

Съ Богданомъ же поѣхали Аѳонасъ и успѣвшій уже совершенно поправиться отъ раны Петрусь.

Потоцкій между тѣмъ, получивъ отъ Кречовскаго донесеніе объ арестѣ Хмѣльницкаго, и не подумалъ вызывать его къ себѣ для судопроизводства, а просто послалъ Кречовскому приказаніе повѣсить Хмѣльницкаго.

Приказаніе это опоздало: Хмѣльницкій съ своими товарищами приближался тогда уже къ Сѣчи.

Потоцкій скрежеталъ зубами, узнавъ о

побѣгѣ Хмѣльницкаго и разослалъ повсюду отряды съ цѣлью снова поймать его.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ, въ которомъ было до пятисотъ человѣкъ казаковъ и до триста человѣкъ поляковъ, настигъ Хмѣльницкаго и готовъ былъ уже схватить его, какъ Хмѣльницкій послалъ въ этотъ отрядъ одного изъ казаковъ, который обратился къ своимъ землякамъ, бывшимъ въ отрядѣ, съ такими словами:

— Для чего вы на своихъ идете? У насъ идетъ дѣло не о себѣ, а о благочестивой вѣрѣ христіанской. Знайте это. Богданъ и мы не станемъ поднимать сабли на единовѣрныхъ и единокровныхъ товарищей. Когда вы идете за одно съ ляхами на благочестивую вѣру, такъ вы за это отдадите отвѣтъ Богу!

Казаки, услышавши такія слова возмутились и присоединились къ Хмѣльницкому.

Добравшись до Сѣчи Хмѣльницкій собралъ около себя казаковъ и обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью, въ которой описывалъ имъ какъ свои бѣды, такъ и бѣды отечества.

— Поругана вѣра святая,—восклицалъ онъ,—у честныхъ епископовъ и иноковъ отнятъ хлѣбъ насущный, надъ священниками ругаются; уніаты стоятъ съ ножемъ надъ шеею, іезуиты съ безчестьемъ преслѣдуютъ нашу вѣру отеческую. Надъ просьбами нашими сеймъ поглумляется, отвѣчая намъ поноснымъ презрѣньемъ къ имени схизматиковъ. Нѣтъ ничего, чего бы не рѣшился сдѣлать съ нами дворянинъ. А что дѣлаетъ войско? Мало того, что заѣдаютъ наши безвинныя головы: подъ предлогомъ укрощенья непокорности, ходятъ по селамъ и часто цѣлыя мѣстечки истребляютъ до тла, какъ будто замыслили истребить весь родъ нашъ!.. Въ довершеніе всѣхъ мучительствъ отдали насъ въ рабство проклятому роду жидовскому! Смотрите на меня, писаря войска запорожскаго, стараго казака: я уже ожидалъ отставки и покоя, а меня гонятъ, преслѣдуютъ только потому, что такъ хочется тиранамъ; сына у меня варварски убили, жену посрамили, достояніе отняли, лишили даже походнаго коня и напослѣдокъ осудили на смерть. Нѣтъ для меня

иной награды за кровь, пролитую для ихъ-же пользы; ничего не остается для тѣла, покрытаго ранами, кромѣ позорной смерти подъ рукою палача. Къ вамъ уношу душу и тѣло: укройте меня, стараго товарища; защищайте самихъ себя: и вамъ то же угрожаетъ.

„*Пріймаемо тебе, Хмѣльницькій пане, хлібомъ-солью и щиримъ сердцемъ!*—отвѣчали казаки Хмѣльницкому.

Молва о томъ, что поднимается возстаніе быстро распространялась и въ Сѣчь стали прибѣгать бѣглые хлопы, жившіе подъ названіемъ лугарей, степовиковъ и гайдамаковъ по берегамъ Днѣпра, Буга, Самары, Конки, въ землянкахъ, одѣтые въ звѣриныя кожи, довольные скудною пищею, но за-то вольные, какъ вѣтеръ.

Изъ Украйны также приходило много охотниковъ.

Польское правительство съ своей стороны принимало мѣры къ тому, чтобы не дать возстанію распространиться: за голову Хмѣльницкаго была назначена большая награда и Потоцкій съ войскомъ подходилъ къ Черкасамъ.

Хмѣльницкій всячески старался усыпить бдительность поляковъ и отклонить ихъ подозрѣнія, чтобы выиграть возможно больше времени.

Онъ показывалъ видъ и распространялъ слухи, что казаки и не думаютъ бунтоваться, а собираются лишь для того, чтобы послать своихъ выборныхъ съ просьбою къ королю Владиславу.

Многимъ панамъ Хмѣльницкій посылалъ письма, въ которыхъ высказывалъ свое миролюбивое настроеніе, между прочимъ онъ писалъ и коронному гетману:

— Я надѣялся доживать вѣкъ спокойно и счастливо, осыпанный благодѣяніями короля и Рѣчи Посполитой, какъ вдругъ явился врагъ моему счастью, Чаплинскій, литовскій подкидышъ, польскій пьяница, украинскій разбойникъ, который, находясь восемь лѣтъ на дозорствѣ у пана Конецпольскаго, многихъ изъ братій нашихъ погубилъ ложными доносами, который, если встрѣтитъ гдѣ-нибудь священника, не оставить его безъ того, чтобы не вырвать волосъ или бороды и добрымъ порядкомъ не посчитать ребръ кіемъ, или обухомъ...

Въ заключеніе же Хмѣльницкій увѣрялъ гетмана, что никакихъ дурныхъ замысловъ у него нѣтъ, кромѣ того какъ отправить депутацію къ королю.

Посланному-же Потоцкаго, уговаривавшему Хмѣльницкаго выѣхать изъ Сѣчи и оставить мятежные замыслы и говорившему, что волосъ не спадетъ съ головы его, если онъ исполнитъ желаніе гетмана, Богданъ отвѣчалъ такъ:

— Я не мятежникъ и замысловъ никакихъ не имѣю, а бью челомъ его милости Краковскому пану: во-первыхъ, чтобъ онъ не выступалъ съ войскомъ изъ Украйны, во-вторыхъ, чтобы онъ смѣнилъ съ начальства надъ казаками ляховъ, которые теперь находятся на урядахъ, ибо ляху не слѣдуетъ старшинствовать надъ казаками; а въ третьихъ, чтобы уничтожилъ постановленія, обидныя для казаковъ, чтобъ они могли свободно пользоваться всѣми правами, дарованными отъ короля и его предшественниковъ. А безъ того, я тоже на волосъ не выйду отсюда.

Убѣждая такимъ образомъ поляковъ въ своемъ полнѣйшемъ миролюбіи и видя,

что въ Украйнѣ и въ Сѣчи имъ вполнѣ приготовлена почва для возстанія, Хмѣльницкій замышлялъ о томъ, какъ бы ему, обманувъ бдительность ляховъ, пробраться въ Крымъ и повести тамъ переговоры съ татарскимъ ханомъ.

Скоро онъ туда и отправился.

ГЛАВА VII.

Въ разлукѣ съ матерью.

Возвратимся теперь къ оставленной нами Марусѣ,

Она была настоящей обузой для дворни Трутинскаго, которая рѣшительно не знала куда дѣвать дѣвушку и какъ съ нею обращаться.

Ее помѣстили пока въ одной ветхой избушкѣ и приставили приглядывать за нею старика Яна, который по своей старости по всегдашнему своему болѣзненному состоянію не былъ способенъ ни на какую работу.

Въ свитѣ и въ дворнѣ Трутинскаго не было ни одной женщины и потому дворня и порѣшила, что Янъ будетъ присматривать за дѣвушкой до тѣхъ поръ, пока въ

Крайнево пріѣдетъ новый управляющій Узловскій, у котораго конечно будетъ и женскій штатъ прислуги и который поэтому найдетъ, кому поручить Марусю.

Въ той избушкѣ, въ которой посилили Марусю, не оказалось даже стола и кровати, и бѣдная дѣвушка первое время спала на голомъ прогнившемъ полу.

Въ столѣ-же не нуждалась Маруся, такъ какъ она подъ вліяніемъ двухъ, такъ скоро постигшихъ ее одно за другимъ несчастій рѣшительно лишилась аппетита.

Старикъ Янъ, къ счастію для Маруси, оказался очень добрымъ и заботливымъ старикомъ.

Онъ съ юности своей служилъ Трутинскимъ, помнилъ онъ не только отца, но и дѣда теперяшняго своего господина; помнилъ также онъ и семью свою, которую онъ очень любилъ и которой лишился въ то время, какъ уходилъ въ походъ противъ татаръ съ отцемъ теперяшняго Трутинскаго.

Это былъ очень продолжительный, очень тяжелый и совсѣмъ неудачный походъ для поляковъ.

Панъ Трутинскій, которому тогда порученъ былъ отдѣльный отрядъ, выступая въ походъ, очень гордился полученнымъ имъ назначеніемъ и мечталъ о такихъ битвахъ съ татарами, въ которыхъ онъ покрылъ бы славою свое оружіе и послѣ которыхъ его соотечественники увѣнчали бы его лаврами.

Но походъ оказался неудачнымъ, отрядъ пана Трутинскаго былъ истребленъ почти что на половину и Трутинскій, мечтавшій о лаврахъ, со стыдомъ возвращался домой съ жалкими остатками вверенаго ему отряда.

Не менѣе былъ печаленъ и слуга пана Янъ; онъ во время похода былъ нѣсколько разъ раненъ и тѣло его во многихъ мѣстахъ чувствовало почти постоянную боль, особенно усиливавшуюся при наступленіи перемѣнной погоды.

Янъ, отправившійся въ походъ совершенно бодрымъ и крѣпкимъ, возвращался домой значительно измѣнившимся и уже нисколько не напоминавшимъ собою прежняго молодца Яна.

Но Яна много радовало возвращеніе

домой уже по одному тому, что онъ надѣялся увидать тамъ свою семью, состоящую изъ жены и двухъ дочекъ.

Какъ только объявлено было возвращеніе отряда на родину, то Янъ уже началъ по нѣскольку разъ въ день рисовать въ своемъ воображеніи картину свиданья съ любимыми дочерьми и женою.

Каковъ-же ударъ былъ для несчастнаго Яна, когда онъ воротившись съ похода, увидалъ свой домъ заколоченнымъ.

Въ отсутствіе его на родинѣ ходила какая-то повальная болѣзнь, отъ которой умерло много народа; этой болѣзнію захворала сначала младшая дочь Яна, а за нею старшая дочь и жена, и не прошло двухъ недѣль, какъ онѣ всѣ три были погребены на кладбищѣ.

Вотъ что могъ услыхать Янъ отъ сосѣдей объ участи, постигшей оставленную имъ семью.

Янъ не могъ перенести такого удара, сначала многіе полагали, что онъ сойдетъ съ ума или умретъ, но кончилось тѣмъ, что онъ провалявшись нѣсколько мѣсяцевъ на своей койкѣ, всталъ, но всталъ уже

совершенно разбитый и тѣломъ и сердцемъ и всѣ тогда же порѣшили, что Янъ уже болѣе не работникъ.

Но не такъ думалъ бывшій управляющій Трутинскаго Цѣлинскій, онъ совсѣмъ не хотѣлъ держать на панскихъ хлѣбахъ дармоѣдовъ и далъ Яну дѣло — кормить охотничьихъ собакъ пана Трутинскаго.

Выдумка Цѣлинскаго доказала, что онъ дѣйствительно былъ очень догадливымъ и практичнымъ человѣкомъ; исполняя свою новую обязанность Янъ оказался совершенно на своемъ мѣстѣ: скоро онъ полюбилъ собакъ, привязались къ нему и собаки.

Долго пробылъ Янъ на этой должности, сначала исполняя ее одинъ, а потомъ ему дали въ помощники парнишку, такъ что, когда Янъ сталъ совершенно уже слабъ, то всѣ дѣла правилъ за него его помощникъ, успѣвшій къ тому времени значительно подрости и окрѣпнуть.

При первомъ же взглядѣ на Марусю старикъ съ сожалѣніемъ вспомнилъ о своихъ умершихъ дочеряхъ.

„Вотъ и мои теперь были бы такія,

—думалъ Янъ глядя на Марусю,—и красавицы были бы, тоже не хуже ея. Да и не въ кого имъ было бы уродиться дурнушками; покойная Тереза (такъ звали жену Яна) славилась своею красотою по всей округѣ, на нее заглядывались даже и панычи, и я тоже въ свое время заставлялъ биться сердце не одной дѣвушки.

Потомъ мысли стараго Яна приняли другое направленіе.

— И что за дурни эти хлопы у нашего пана, у нихъ нѣтъ никакой догадливости, привели сюда дѣвушку и оставили ее здѣсь какъ какую-нибудь скотину, даже хуже скотины; скотинѣ и той даютъ какую-нибудь подстилку, а тутъ нѣтъ ничего!

Скоро старикъ смастерилъ, добывши гдѣ-то досокъ, Марусѣ койку, устроилъ нѣкоторое подобіе стола, принесъ старую скамейку, навалилъ на койку сѣна, а потомъ раздобылся гдѣ-то рядномъ, иглою и нитками и отдалъ все это на руки Маруси, говоря:

— Возьми-ка, красавица, да займись

отъ нечего дѣлать устройствомъ себѣ подстилки и подушки, все покойнѣе будетъ спать, чѣмъ на сѣнѣ прямо.

Марусѣ теперь казалось, что ей рѣшительно все равно, на чемъ бы ни спать, но она, чтобы хотя нѣсколько разсѣять себя и забыться съ удовольствіемъ принялась за работу.

— Родные-то есть у тебя? — спрашивалъ ее Янъ.

— Мать у меня есть!

— Только стало быть по матери и скучаешь?

— Былъ еще и женихъ у меня, что убилъ вашего управляющаго и теперь убѣжалъ съ родины.

— Бѣдная, бѣдная! — съ сожалѣніемъ вслухъ произнесъ Янъ,—что же дѣлать? на все воля Божія, ты много-то не убивайся: можетъ быть Богъ и утѣшеніе тебѣ пошлетъ.

— Какое мнѣ ужъ утѣшеніе! Развѣ что въ могилѣ найду!—отвѣчала Маруся, склонивъ свою головку и заливаясь слезами.

— Полно, полно, глупая, тебѣ въ твои-

то лѣта, да съ твоею красотой говорить о могилѣ; оставь эти мысли, говорю: надѣйся на Бога,—Онъ Всемилостивъ!

Такъ успокаивалъ добрый старикъ Янъ Марусю и ласково проводилъ рукою по ея роскошнымъ, мягкимъ волосамъ.

Обѣдъ и ужинъ Янъ приносилъ Марусѣ изъ общаго котла, но вотъ какъ-то Яну вздумалось осмотрѣть печку, которая стояла въ лачужкѣ и затопить ее для пробы. Печка оказалась совершенно годной; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она дымила, но Янъ замазалъ эти мѣста глиною и печка перестала дымить.

— Вотъ славно, дѣдушка Янъ, — сказала Маруся, которая, видя любовь и ласки къ ней Яна, полюбила его и начала съ нимъ изрѣдка говорить, — вотъ славно, теперь хорошо было бы, если бы мы могли добыть себѣ провизіи, тогда я сама стала бы готовить обѣдъ и для тебя и для себя, и приготовила бы его не хуже, чѣмъ на барской кухнѣ.

— Погоди, дочка, — отвѣчалъ ей Янъ съ улыбкою,—можетъ быть мы добудемъ и провизіи и тогда не надо намъ будетъ

ходить за обѣдомъ на панскую кухню, заживемъ мы съ тобою своимъ хозяйствомъ.

Вскорѣ же дѣдушка Янъ добился того, что ему стали выдавать провизію на руки, и онъ дѣйствительно зажилъ съ Марусею своимъ хозяйствомъ.

Чѣмъ болѣе проходило времени со дня ея похищенія изъ дома, тѣмъ болѣе и болѣе привыкала Маруся къ доброму Яну и наконецъ говорила съ нимъ уже обо всемъ, о чемъ думала сама и не имѣла отъ него никакихъ тайнъ. Неоднократно она говорила Яну, что она очень хотѣла бы сообщить о себѣ какую-нибудь вѣсточку матери.

Янъ какъ-то пообѣщался ей, что если только представится къ этому случай, то онъ его не упуститъ.

Случая однако не представлялось очень долго.

Но вотъ какъ-то Янъ вошелъ въ избушку веселѣе обыкновеннаго и Маруся уже по одному только сіявшему отъ удовольствія лицу его замѣтила, что онъ при-

шелъ съ какимъ-нибудь хорошимъ извѣстіемъ.

— Давай-ка, дочка, обѣдать!—сказалъ Янъ, садясь на скамейку.

— Ты, дѣдушка, сегодня что-то очень веселъ! — говорила дѣвушка, сбирая на столъ обѣдъ.

— А чего же мнѣ скучать-то? — сказалъ старикъ,—я и тебѣ, дочка, скучать не велю, а скажу вотъ что: обдумай-ка лучше, что тебѣ надо передать матери: сегодня въ Васильевкѣ будетъ одинъ вѣрный человѣкъ, его-то я и попрошу, чтобы онъ передалъ твоей матери все, что только ты скажешь; онъ скоро зайдетъ къ намъ, ты и говори ему все безъ стѣсненія такъ же, какъ бы стала говорить и мнѣ. Это человѣкъ очень надежный, мой помощникъ, молодой Янъ, который ходитъ за панскими собаками.

Молодой Янъ дѣйствительно скоро вошелъ въ лачужку одѣтый совершенно по дорожному, онъ долго слушалъ все то, что Маруся желала передать своей матери и выслушавъ ее, распростился обѣщая принести ей отвѣтъ на другой день къ

вечеру, такъ какъ ночевать ему надо было въ Васильевкѣ.

Съ нетерпѣніемъ Маруся поджидала молодого Яна, она выходила даже нѣсколько разъ изъ своей лачужки, чтобы поглядѣть на дорогу, но каждый разъ поспѣшно возвращалась въ лачужку, такъ какъ около лачужки постоянно сновали во всѣхъ направленіяхъ панскіе слуги, встрѣчи съ которыми Маруся не желала.

Только поздно къ вечеру, когда Маруся уже отчаялась было и ждать его, вошелъ молодой Янъ къ ней.

— Здравствуй, красавица, заждалась небось?!

— Ахъ Боже мой, — воскликнула Маруся, — да какъ же не заждаться было, если ты такъ долго не приходилъ, я ужъ чего, чего тутъ не передумала; думала, не случилось ли съ тобою чего-нибудь или не позабылъ ли ты обо мнѣ и о моей просьбѣ.

— Чему же случиться?! дорога тутъ не дальняя и зачѣмъ я позабуду о томъ, о чемъ меня проситъ дѣдушка Янъ, я его за отца почитаю. Если же я и пробылъ

долгонько, такъ во всемъ виновата твоя старая Катерина.

— Ты все-таки видѣлъ ее—съ оживленіемъ воскликнула дѣвушка,—разсказывай же поскорѣе, что съ нею, какъ она живетъ, здорова ли она и почему она виновата въ томъ, что ты долго не приходилъ къ намъ.

— Закормила она меня совсѣмъ, все угощала, да просила подождать пока она приготовитъ тебѣ подарковъ; посмотри: вотъ сколько она напекла и нажарила и прислала тебѣ въ гостинецъ.

Съ этими словами молодой Янъ поставилъ на полъ передъ Марусей большой, биткомъ набитый мѣшокъ.

Къ сожалѣнію Маруси молодой Янъ, постоянно бывавшій въ обществѣ собакъ и рѣдко имѣвшій случаи говорить съ кѣмъ-нибудь, не имѣлъ способности связно передавать свои мысли или слышанное имъ; а потому Маруся, чтобы узнать отъ него подробно все то, что хотѣла передать ей мать, принуждена была предлагать ему одинъ за другимъ массу вопросовъ.

Но вскорѣ Маруся узнала все, что ей

было надо: мать ея была здорова и жила, скучая по ней, скотина ихъ также, какъ будто замѣчала ея отсутствіе; узнала Маруся и всѣ васильевскія новости, а также узнала и о томъ, что о старомъ Тарасѣ и объ Аѳонасѣ нѣтъ пока никакихъ извѣстій.

ГЛАВА VIII.

Новый управляющій.

Положеніе пана Трутинскаго въ новопожалованныхъ ему королемъ владѣніяхъ становилось невыносимымъ, ему приходилось самому заботиться о всякой мелочи, а это ему было совсѣмъ не по душѣ.

„Скоро ли пріѣдетъ новый управляющій? — такъ постоянно думалъ Трутинскій“.

Такая-же мысль была на умѣ у всѣхъ шляхтичей и у всей дворни, такъ какъ пріѣздъ новаго управляющаго долженъ былъ во многомъ измѣнить ихъ положеніе и обстановку.

Всѣ знали, что вскорѣ-же послѣ пріѣзда новаго управляющаго панъ Трутинскій отправится въ Варшаву, а потому многіе

интересовались тѣмъ, будутъ-ли они оставлены здѣсь, или же панъ захватитъ ихъ съ собою, многіе-же хотѣли поскорѣе получить жалованье и поскорѣе оставить заботы о собственномъ пропитаніи, такъ какъ Трутинскій съ трудомъ дѣлая что-нибудь для себя ничего не дѣлалъ для шляхтичей и особенно для слугъ.

Но вотъ наконецъ насталъ давно желанный всѣми день: пріѣхалъ новый управляющій, панъ Узловскій.

Судя по тому, какъ Узловскій приступилъ къ пріемкѣ имѣнія, къ его осмотру, судя по обращенію пана Узловскаго съ жидами-арендаторами и вообще судя по всѣмъ первымъ поступкамъ Узловскаго, можно было заключить, что онъ не только хвалился своими хозяйственными способностями, но и на самомъ дѣлѣ владѣлъ ими и умѣлъ толково и выгодно вести дѣло по управленію имѣніемъ.

Онъ тотчасъ-же сдѣлалъ много новыхъ распоряженій и перемѣщеній, и вошелъ однажды въ избушку, занимаемую Яномъ и Марусею.

Янъ въ послѣднее время сильно зане-

могъ, онъ не могъ уже вставать съ постели, провизію ему приносилъ молодой Янъ, а ухаживала за старикомъ Маруся, которая совершенно привязалась къ нему и любила его, какъ родного.

— Ге, ге!—воскликнулъ панъ Узловскій, узнавши подробно отъ сопровождавшихъ его все объ Янѣ и о Марусѣ, — это не порядки. Гдѣ же это видано, чтобы плѣнницу держать въ такой избушкѣ, которую въ состояніи сломать маленькій ребенокъ и сторожить ее надо не этому Яну, который и самъ-то не двигается!

И вотъ по распоряженію пана Узловскаго Маруся переведена была въ кухню, гдѣ она должна была помогать привезенной Узловскимъ кухаркѣ Терезѣ, старикъ же Янъ, хотя и не получалъ никакого приказанія отъ управляющаго, но также перебрался въ кухню, гдѣ и пріютился на широкой печкѣ.

Маруся, получая отъ Терезы множество приказаній и исполняя ихъ аккуратно, находила въ то же время возможность ухаживать и за старикомъ.

Съ глазами иногда полными слезъ бла-

годарности принималъ старый Янъ эти ухаживанія за нимъ дѣвушки, и ея заботы о немъ не скрылись также и отъ прочихъ изъ дворни, которые поэтому стали глядѣть на нее гораздо ласковѣе, чѣмъ глядѣли въ первое время и стали считать ее какъ бы своею.

Панъ Трутинскій, переговоривъ обо всемъ съ управляющимъ и получивъ отъ него порядочную сумму денегъ, которую тотъ успѣлъ уже выжать съ евреевъ-арендаторовъ, собирался ѣхать въ Варшаву.

Снова въ фантазіи пана Трутинскаго стали мелькать картины встрѣчи его съ варшавскими пріятелями и тѣхъ пировъ и удовольствій, которые предложитъ панъ своимъ пріятелямъ послѣ этой встрѣчи.

Тутъ-то вспомнилъ Трутинскій и о своей охотѣ, такъ какъ охота въ то время была однимъ изъ любимѣйшихъ удовольствій польскихъ пановъ.

„Надо будетъ мнѣ осмотрѣть свою охоту,—подумалъ панъ,—и поглядѣть, нѣтъ-ли тамъ какихъ-нибудь недостатковъ; я такъ давно не охотился“.

И Трутинскій между прочимъ пошелъ на псарню, гдѣ встрѣтилъ его молодой Янъ.

Молодой Янъ такъ же, какъ и старикъ Янъ, его учитель, любилъ собакъ и съ любовію ходилъ за ними, такъ что псарня была найдена Трутинскимъ въ отличномъ состояніи и онъ въ веселомъ расположеніи духа уходилъ изъ нея.

Вдругъ онъ вспомнилъ о старомъ Янѣ.

— А гдѣ-же старый Янъ? — спросилъ онъ.

Трутинскому отвѣчали, что старый Янъ былъ, по его же приказанію, приставленъ караулить дѣвушку взятую изъ Васильевки, а теперь очень слабъ и живетъ въ кухнѣ.

— А кто-же караулитъ дѣвчонку. — спросилъ панъ.

— Панъ управляющій приказалъ ей быть въ кухнѣ и помогать кухаркѣ Терезѣ!

„Эхъ, чортъ возьми, право не одинъ разъ пожалѣешь о смерти Цѣлинскаго, если бы не умеръ онъ, то ужъ навѣрно я ѣхалъ бы теперь въ Варшаву съ цѣлымъ

возомъ красивыхъ дивчатъ. Можетъ быть и Узловскій на это мастеръ да теперь уже некогда: надоѣло мнѣ въ этихъ трущобахъ, хочется поскорѣе на просторъ въ Варшаву,—думалъ Трутинскій,—однако пойти посмотрѣть, что это за дѣвчонка, вѣдь я ни разу еще не видалъ ее, а кстати поглядѣть и на Яна.“

Раздумывая такимъ образомъ Трутинскій незамѣтно приблизился къ кухнѣ и къ удивленію слугъ вошелъ въ нее.

— А гдѣ-же тутъ Терезина помощница?—спросилъ онъ.

Но оказалось, что онъ спрашивалъ напрасно, такъ какъ никто еще не успѣлъ отвѣтить ему на его вопросъ, какъ взглядъ его упалъ на Марусю, стоявшую въ это время около кухоннаго стола.

— А вотъ она! — сказалъ Трутинскій, подойдя къ ней.—Да ты у насъ красавица, и напрасно панъ Узловскій приказалъ тебѣ быть на кухнѣ, ты годишься на что нибудь и другое; собирайся-ка ѣхать съ нами въ Варшаву. А старый Янъ гдѣ? Сказали, что онъ тутъ!

Маруся, услыхавъ приказаніе пана сби-

раться къ отъѣзду въ Варшаву сразу же перемѣнилась въ лицѣ, въ глазахъ ея потемнѣло, ноги ея затряслись, и она съ трудомъ держалась за столъ, чтобы не упасть на полъ.

— Тутъ я, ясновельможный панъ! Помогите, братцы, мнѣ слѣзть съ печки, чтобы поклониться въ ноги моему пану!— старался, какъ можно громче говорить старикъ, пытаясь въ то же время слѣзть съ печки.

Нѣсколько человѣкъ дворни подбѣжали къ печкѣ, схватили съ нея старика и поставили передъ паномъ.

Старый Янъ опустился передъ Трутинскимъ на колѣни,

— Зачѣмъ ты? Зачѣмъ ты?—вскричалъ Трутинскій.

— Просьба есть у меня до тебя, ясновельможный панъ!—отвѣчалъ старый Янъ и затѣмъ началъ излагать Трутинскому свою просьбу.

— Да, панъ, у меня есть до тебя большая просьба. Я служилъ твоему дѣду, отцу и тебѣ, и никогда никто не слыхалъ, чтобы Янъ выпрашивалъ себѣ чего-нибудь

у пана, я всегда былъ доволенъ тѣмъ, что мнѣ давалъ мой панъ и не просилъ ничего; но теперь, собираясь уже умирать, обращаюсь къ тебѣ ясновельможный панъ съ просьбой, которая отъ стараго Яна будетъ первой и послѣдней.

— Говори-же свою просьбу, я исполню ее.

Трутинскій въ это время вспомнилъ, какъ онъ еще мальчикомъ игралъ съ Яномъ и ему стало жаль его.

— Оставь меня панъ тутъ, пусть я тутъ и умру; все равно вѣдь на родинѣ у меня нѣтъ никакихъ родныхъ, а потомъ, умоляю тебя оставь со мною и Марусю...

— Какую Марусю?

— А ту, которой ты сейчасъ отдалъ приказаніе сбираться ѣхать въ Варшаву, я полюбилъ ее, какъ родную, она ходитъ за мною, какъ родная дочь и я умру покойно, если глаза мнѣ закроетъ она!

Старикъ Янъ опустилъ свою сѣдую голову къ ногамъ Трутинскаго и съ покорностью ждалъ отвѣта.

Трутинскій задумался.

„Дѣвчонка мнѣ очень понравилась,—

думалъ онъ,—и я очень жалѣю о томъ, что не обратилъ на нее вниманія ранѣе; она бы разсѣяла здѣсь нѣсколько мою скуку. Надо было бы захватить ее въ Варшаву, да и старика жалко! Онъ, какъ видно, очень любитъ ее и очень слабъ".

Панъ Трутинскій нѣкоторое время колебался и не зналъ, что дѣлать, но ощущеніе въ своемъ карманѣ денегъ, только что полученныхъ имъ отъ новаго управляющаго, сдѣлало его очень добрымъ, къ тому же онъ думалъ, что не стоитъ того везти въ Варшаву только одну Марусю; пріятели засмѣютъ, скажутъ: одну только и нашелъ! Потомъ,—развѣ мало въ Варшавѣ полекъ, съ которыми можно отдохнуть и утѣшиться и которыя, конечно, гораздо красивѣе этой холопки!

— Встань, старикъ! Поднимите его,— торжественно сказалъ Трутинскій, обращаясь къ слугамъ,—знай, старый Янъ, что Трутинскіе не забываютъ своихъ вѣрныхъ слугъ; въ награду за твою службу я оставляю эту холопку для ухода за тобою, а это вотъ тебѣ на табакъ!

И тутъ въ порывѣ неожиданно нашед-

шаго на него великодушія Трутинскій далъ Яну золотую монету. Старый Янъ снова хотѣлъ броситься пану въ ноги; но его поддерживали слуги, а панъ Трутинскій въ это время величественно, въ сознаніи только что оказаннаго имъ благодѣянія выходилъ изъ кухни.

— Дѣдушка, милый дѣдушка!—воскликнула Маруся, тотчасъ по уходѣ пана подбѣгая къ старику и отстранивъ поддерживавшихъ его слугъ, принимая его въ свои объятія.—Спасибо тебѣ, милый, дорогой дѣдушка, я буду цѣлый вѣкъ молить за тебя Бога! Ахъ и подумать страшно о той бѣдѣ, изъ какой ты меня вызволилъ; быть бы мнѣ безъ тебя далеко, далеко на чужой сторонѣ, загоревала бы я тамъ вдвое!

Маруся схватила старика и принялась помогать ему влѣзть на печку; когда же онъ влѣзъ туда, то она укрыла его и сѣла около него.

— Хорошо тебѣ теперь, дочка?—спросилъ Янъ.

— Хорошо, дѣдушка; слава Богу, хорошо! А за все тебѣ дѣдушка спасибо!

— Не за что, дочка! Не за что! И мнѣ теперь вотъ такъ хорошо и тепло стало, и тѣлу тепло и на сердцѣ тепло.

Тереза, бывшая въ это время въ кухнѣ, ворчала:

— Вотъ-то дура, что не захотѣла ѣхать съ паномъ въ Варшаву, сама же отъ своего счастья отказалась. Говоритъ, что тамъ горевать стала бы вдвое; а не понимаетъ того, что тамъ можетъ быть была бы панской наложницей!

Густой румянецъ покрылъ щеки Маруси, когда она, продолжая сидѣть на печкѣ рядомъ со старымъ Яномъ, услыхала эти слова Терезы; но она показывала видъ, что не слышитъ ея ворчанія, перекрестилась и крѣпко прижалась къ старику, цѣлуя его покрытый морщинами лобъ.

— Ну чего тамъ со старикомъ-то усѣлась?—крикнула на Марусю Тереза, пора и сюда сходить помогать мнѣ!

Молча, только посмотрѣвъ, хорошо-ли укутанъ старикъ, слѣзла Маруся съ печки и стала помогать Терезѣ въ ея работѣ.

ГЛАВА IX.

Опять козни Корноухаго.

Панъ Трутинскій наконецъ выѣхалъ изъ своихъ владѣній въ Варшаву, оставивъ пана Узловскаго полновластнымъ хозяиномъ всего того, что только находилось во владѣніяхъ.

Проводивъ своего господина панъ Узловскій заперся въ той комнатѣ, въ которой онъ назначилъ быть своей конторѣ, заперся въ ней и вынувъ различныя бумаги и счета занялся вычисленіями.

Вычисленія эти, какъ было видно, не особенно радовали пана Узловскаго, такъ какъ лобъ его поминутно морщился, а самъ панъ частенько сквозь зубы выпускалъ крѣпкія ругательства.

— Чортъ возьми да если я такъ поведу

дѣло, то у меня не останется и кошкѣ на молоко!—воскликнулъ наконецъ Узловскій.—Не могу-же я наконецъ жить монахомъ и разсчитывать только на одно жалованье Трутинскаго. И чортъ меня дернулъ повѣрить всѣмъ записямъ покойнаго Цѣлинскаго, не провѣряя ихъ. Покойникъ или былъ круглый дуракъ или не зналъ, куда дѣвать денегъ, когда по его же записямъ видно, что онъ оставлялъ на свою долю очень немного. Трутинскій говоритъ, что онъ былъ честенъ!.. Знаю я его честность и всѣмъ извѣстно, какъ онъ грабилъ хозяевъ. Видно чортъ обошелъ меня, что я не провѣрилъ его записей; да все виноватъ Трутинскій: надоѣло ему здѣсь онъ и меня заторопилъ, положимъ, что и мнѣ хотѣлось поскорѣе выпроводить его и оглядѣться на свободѣ. Ну да теперь поздно мнѣ упрекать себя въ промахахъ, а надо подумать, какъ ихъ поправить!

Узловскій подперъ подбородокъ рукою и задумался.

Очень можетъ быть, что этотъ почтенный управляющій и долго бы пробылъ въ

такомъ положеніи, продолжая обдумывать вопросъ объ увеличеніи собственнаго благосостоянія, если бы его не вывелъ изъ задумчивости легкій стукъ въ дверь.

„Кого это чортъ несетъ?“ — подумалъ съ неудовольствіемъ Узловскій и отворивъ дверь, остолбенѣлъ отъ негодованія.

Передъ нимъ стоялъ ни кто другой, какъ Корноухій Грицко въ своей грязной, рваной одеждѣ.

Такая дерзость, такое нахальство со стороны этого грязнаго и рванаго хлопа, осмѣлившагося побезпокоить его стукомъ въ дверь, взбѣсили Узловскаго.

— Гей, — крикнулъ онъ слугамъ, которые должны были находиться въ сосѣдней комнатѣ,—чего же вы смотрите, что позволяете всякому рваному хлопу безпокоить меня и стучаться ко мнѣ. Возьмите его на конюшню и порите тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не потеряетъ сознанія, а если и до смерти запорете, такъ туда ему и дорога, пусть и другіе знаютъ, что нельзя безнаказанно безпокоить меня не во время!

По счастію Грицки никто изъ слугъ не

слыхалъ этого грознаго крика Узловскаго, такъ какъ они, увидѣвъ, что панъ запер-ся, отправились каждый по своему дѣлу, по опыту зная, что Узловскій въ такое время никого не потребуетъ къ себѣ.

— Простите меня, ясновельможный панъ, и выслушайте пока не приходили сюда слуги! Развѣ я такой дуракъ, что не знаю, что къ ясновельможнымъ па-намъ нельзя входить безъ доклада, но я нарочно для пользы пана пришелъ сюда тогда, когда здѣсь нѣтъ слугъ! — громко говорилъ Грицко, не выказывая особой робости.

Панъ Узловскій внимательно посмотрѣлъ на Грицку.

„По харѣ сейчасъ же видно, что этотъ хлопъ величайшій подлецъ, — ду-малъ Узловскій, оглядывая Грицку,—но развѣ иногда и подлецы не помогали мнѣ дѣлать дѣло. Положимъ, онъ хлопочетъ изъ своихъ выгодъ, но чортъ съ нимъ, если онъ и выгадаетъ, была бы только и мнѣ выгода. Поговорю съ нимъ пока, а отпороть-то я его успѣю во всякое время!“

Раздумавъ такимъ образомъ, Узловскій

велѣлъ Грицкѣ войти въ контору и заперъ за нимъ дверь.

— Говори же, поганый хлопъ, что ты хотѣлъ сказать мнѣ; но знай, что если ты пришелъ ко мнѣ съ какими нибудь пустяками, то я прикажу тебя пороть.

— Зачѣмъ же я буду приходить къ пану съ пустяками, когда я знаю, что у пана теперь и такъ занята голова; вѣдь покойный панъ Цѣлинскій оставилъ ему ой, ой какое плохое наслѣдство!

— Ты это почемъ же знаешь?—спросилъ удивленный Узловскій, обращаясь на этотъ разъ къ Грицкѣ уже съ болѣе мягкимъ тономъ.

— Какъ же не знать этого Грицкѣ Корноухому, который съ пеленокъ знаетъ эти мѣста и каждый день бываетъ то тамъ, то тутъ, продавая свои товары. Я знаю, что пану теперь плохіе доходы, а все потому, что покойный панъ Цѣлинскій не думалъ умереть такъ скоро и славно откладывалъ денежки въ свой карманъ.

— Говори же скорѣе все, что ты знаешь!—воскликнулъ Узловскій, а самъ въ то же время подумалъ: по всему видно,

что эта шельма—подлецъ первостепенный, но если съ нимъ держать ухо остро, то изъ него можно извлечь пользу; надо его поимѣть въ виду.

— Я знаю, ясновельможный панъ, прежде всего то, что панъ Цѣлинскій заключилъ со всѣми евреями ложные контракты; въ нихъ поставлена та цѣна, о которой будетъ знать панъ Трутинскій, а евреи еще обязались платить такую же сумму покойнику, и часть ея уже заплатили. Потомъ я знаю, что это Мордухъ, еврей изъ Заполья, Моисейка изъ Новаго и Абрумка изъ Нагорнаго имѣютъ шинки, а свидѣтельствъ отъ пана Трутинскаго не имѣютъ, такъ уговорились они съ покойнымъ паномъ Цѣлинскимъ. Потомъ я знаю много очень богатыхъ хлоповъ, которые обложены такою же податью, какъ и бѣдняки, а это несправедливо.

Говоря короче, въ очень короткое время Грицко указалъ Узловскому массу новыхъ доходовъ; лицо Узловскаго просвѣтлѣло: теперь онъ при помощи указаній этого рванаго хлопа сумѣетъ, какъ выйти изъ затрудненія.

— Ты кто такой? — спросилъ онъ уже совсѣмъ мягко у стоявшаго невозмутимо Грицки.

Грицко назвалъ себя торговцемъ и просилъ Узловскаго, чтобы онъ принялъ его подъ свое покровительство и позволилъ ему поселиться гдѣ нибудь въ Крайневѣ.

— Я еще и тѣмъ могу быть полезенъ ясновельможному пану,—распинался передъ Узловскимъ Грицко,—что ходя повсюду съ своимъ товаромъ я могу знать, кто хвалитъ пана и кто ругаетъ его, мало-ли есть разнаго мужичья!

Узловскій видѣлъ, что Грицко для него въ его положеніи, какъ человѣка новаго въ этихъ мѣстахъ—настоящая находка, а потому съ удовольствіемъ согласился на его просьбу да еще прибавилъ ему обѣщаніе награды за службу.

— Старайся, служи,—говорилъ панъ,—и если ты будешь служить мнѣ вѣрой и правдой, то служба твоя не останется безъ награды съ моей стороны!...

— Радъ служить ясновельможному пану!—отвѣчалъ Грицко и радостнымъ и довольнымъ вышелъ отъ Узловскаго.

Узловскій между тѣмъ торопился скорѣе провѣрить доносъ Грицки на евреевъ и тотчасъ же приказалъ собрать къ себѣ всѣхъ евреевъ-арендаторовъ, а также и тѣхъ евреевъ, которые имѣли шинки безъ законнаго свидѣтельства, а только по соглашенію съ покойнымъ управлющимъ Цѣлинскимъ.

Евреи явились въ назначенный срокъ.

Узловскій принялъ ихъ довольно сухо, покричалъ на нихъ за то, что они мало имѣютъ уваженія къ новому управляющему и въ концѣ-кондовъ огорошилъ ихъ извѣстіемъ, что ему извѣстно все, о чемъ они условились съ Цѣлинскимъ.

— Такъ вы, пархатые, думаете, что тотъ управляющій былъ человѣкъ, а я-то развѣ не человѣкъ?! За кого же вы меня-то тогда считаете свиныя дѣти?! Что же я-то по вашему долженъ жить не какъ панъ, а какъ какой-нибудь монахъ-схизматикъ, а если такъ, то дамъ же я вамъ знать себя. Знайте же теперь, что тѣ контракты, которые вы заключили съ Цѣлинскимъ,—не контракты, и я завтра же найду новыхъ арендаторовъ. Пошли вонъ!

И панъ Узловскій грозно топнулъ ногою.

Евреи однако не уходили, а продолжали стоять въ конторѣ, переминаясь съ ноги на ногу и долгое время ничего не говоря; наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Можетъ быть, ясновельможный панъ будетъ такъ милостивъ къ намъ, бѣднымъ евреямъ, что приметъ отъ насъ подарки, которые мы приготовимъ самому ясновельможному пану, его ясновельможной супругѣ и его ясновельможнымъ дѣткамъ.

— Пошли вы къ чорту, пархатые, съ вашими подарками!—кричалъ на евреевъ разсердившійся Узловскій.

Евреи вступили съ Узловскимъ въ переговоры, которые съ каждымъ словомъ становились откровеннѣе и въ концѣ-концовъ выяснилось, что новый управляющій желаетъ получать съ арендаторовъ такую же плату въ свою пользу, какую выговорилъ себѣ Цѣлинскій.

— Но мы же уже уплатили часть этой платы покойному пану и развѣ мы вино-

ваты въ томъ, что онъ умеръ—пробовалъ запираться одинъ изъ евреевъ.

— А я-то, пархатые, виноватъ что ли въ этомъ? — продолжалъ кричать Узловскій.

Кончилось дѣло тѣмъ, что евреи согласились на всѣ условія, которыя предлагалъ имъ Узловскій, дали ему задатокъ и кряхтя и охая выходили изъ конторы съ пожеланіями ясновельможному пану добраго здоровья и другихъ житейскихъ благъ.

Узловскій-же, провожая евреевъ изъ конторы и похлоповая себя по карману, находился въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, которое не покидало его цѣлый день и вечеромъ онъ ходилъ даже, насвистывая или побѣдоносные военные марши или какіе-нибудь веселенькіе мотивы. Вечеромъ же онъ встрѣтилъ случайно Грицку.

— А это ты?! Ну что, какъ, устроился ты?

— Большое спасибо ясновельможному пану, я теперь устроился вотъ въ этой лачужкѣ!—Съ этими словами Грицко ука-

залъ Узловскому на ту лачужку, въ которой жили прежде старый Янъ и Маруся.
—Прошу пана защитить меня и не дать меня въ обиду; я буду служить пану вѣрою и правдою, а развѣ мало бываетъ враговъ у вѣрныхъ панскихъ слугъ.

— Жалуйся прямо мнѣ на перваго-же твоего обидчика,—сказалъ Узловскій,—и я проучу его такъ, что у тебя обидчиковъ болѣе не будетъ!

Эти слова Узловекаго сказанныя при нѣкоторыхъ слугахъ, сопровождавшихъ пана, мигомъ разнеслись по дворнѣ, а потомъ и по всему Крайневу, и нашлось много такихъ, которые стали бояться Грицку, но еще болѣе было такихъ, которые съ этого дня возненавидѣли его.

Грицко-же былъ наверху своего довольства, но вполнѣ онъ не былъ еще доволенъ, такъ какъ полному довольству мѣшала его неудовлетворившаяся страсть къ Марусѣ. Онъ отъ слугъ узналъ все, что произошло съ нею и началъ выбирать различные предлоги для того, чтобы ходить въ кухню и почаще видѣть Марусю. Сначала онъ заглядывалъ туда обыкно-

венно только на минуту, какъ бы отыскивая тамъ кого-нибудь, потомъ его пребыванія въ кухнѣ стали становиться продолжительнѣе и продолжительнѣе. Когда же онъ познакомился съ Терезой, продавъ ей по очень дешевой цѣнѣ нѣкоторые изъ своихъ товаровъ, то онъ сталъ постояннымъ посѣтителемъ кухни.

Онъ показывалъ видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на Марусю, но не могъ долго выдержать себя и вскорѣ началъ пробовать завести съ ней разговоръ. Но Маруся, которая и прежде не могла глядѣть на него безъ отвращенья, теперь при видѣ его начинала трястись, какъ въ лихорадкѣ и торопилась поскорѣе влѣзть на печку къ старому Яну.

Старый Янъ замѣчалъ иногда ту стремительность, съ какою влѣзала къ нему иногда Маруся и беря ее за руку, онъ чувствовалъ, какъ она трясется. Сначала старикъ упускалъ это изъ виду, потомъ какъ-то спросилъ ея о причинѣ этого.

Маруся отговорилась легкимъ нездоровьемъ и когда онъ еще нѣсколько разъ

спрашивалъ ее о томъ же, то она также отговаривалась нездоровьемъ.

— Что-же это такое съ тобой дѣлается, дочка,—озабоченно говорилъ старикъ, —хворать надо мнѣ, старику, а не тебѣ, ты поговорила бы со знахаркой, а пока напилась бы малины и пропотѣла.

Но скоро положеніе дѣвушки стало гораздо хуже, Грицко чуть-ли не по цѣлымъ днямъ просиживалъ иногда въ кухнѣ, а Маруся не могла же цѣлый день просидѣть на печкѣ около старика Яна, ей надо было помогать Терезѣ и она начиная помогать ей работать, подвергалась различнымъ заискиваніямъ со стороны Грицки, немедленно подходившаго къ ней.

Она кричала на него и онъ какъ бы пристыженный отходилъ отъ нея.

Грицко сталъ пускаться на хитрости, онъ былъ все ласковѣе и ласковѣе по отношенію къ Терезѣ и неоднократно дѣлалъ ей подарки, такъ что пріобрѣлъ себѣ въ лицѣ этой кухарки союзника и друга.

Съ тѣхъ поръ, когда Маруся прогоняла

отъ себя Грицку, Тереза ворчала на нее сначала тихо, а потомъ уже и громче:

— Фу ты, какая недотрога, не принимаетъ никакой ласки! Чего ты кричишь-то? Не убилъ онъ тебя!

Одинъ разъ Маруся не выдержала и со слезами на глазахъ разсказала обо всемъ Яну; она разсказала ему все, что знала о Грицкѣ, а также и объ ухаживаніяхъ его за нею, начавшихся еще въ Васильевкѣ.

Ключомъ закипѣла отъ негодованія кровь стараго Яна и будь онъ нѣсколько помоложе, то, какъ объ этомъ можно было догадаться при взглядѣ на старика, сейчасъ бы вскочилъ онъ съ печки и такъ бы расправился съ Грицкой, что тому навѣрно не поздоровилось бы.

— Какъ? — закричалъ старикъ, какъ только онъ могъ вскрикнуть своимъ ослабшимъ голосомъ.—Какъ? этотъ негодяй осмѣливается обижать тебя тутъ?! Жалко, что я теперь не въ силахъ и что нѣтъ теперь моего бывшаго помощника, молодого Яна, а то проучили бы мы этого негодяя славно!

— Что ты ругаешься, дѣдушка Янъ и слушаешь ее? — вступилась Тереза за Грицку, который, къ слову сказать, убѣжалъ изъ кухни, какъ только услыхалъ голосъ старика.—Не слушай ты ее, она тебѣ много наговариваетъ; Грицко ничего не дѣлаетъ дурного.

— Знаю я, кого мнѣ слушаться,—отвѣчалъ старый Янъ,—и скажи ты теперь этому Корноухому, чтобы онъ на пядь не подходилъ къ Марусѣ, иначе я или пущу въ него съ печки полѣномъ, или упрошу кого нибудь изъ слугъ, чтобы угостили его плетьми; не всѣ еще забыли стараго Яна и найдется такой, что сдѣлаетъ для меня это удовольствіе!

— Старъ ты сталъ, дѣдушка Янъ и не выходишь никуда, а то не сталъ бы такъ говорить,—возражала Тереза,—никто изо всей дворни не поколотитъ по твоей просьбѣ Грицку, за него горой стоитъ самъ управляющій и всѣ знаютъ объ этомъ!

— Управляющій,—воскликнулъ старый Янъ, поднявъ свою сѣдую голову и опершись ее на костлявую руку,—управляющій! Ну тогда за меня встанетъ самъ

ясновельможный панъ Трутинскій, отцу и дѣду котораго я служилъ. Я напомню вашему управляющему о томъ, что Маруся оставлена по моей просьбѣ только для ухода за мною, въ награду за мою долголѣтнюю и честную службу. Самъ панъ по моей просьбѣ отказался увозить ее съ собою въ Варшаву, такъ я не позволю оскорблять ее тутъ никому.

Тереза прикусила языкъ, такъ какъ она знала, что не имѣетъ права даже требовать какой нибудь помощи для себя отъ Маруси, дѣйствительно оставленной панномъ Трутинскимъ только для ухода за старикомъ.

Посѣщенія Грицкою кухни становились все рѣже и рѣже и наконецъ прекратились совсѣмъ.

Грицко порѣшилъ отложить преслѣдованія Маруси до болѣе удобнаго времени, а самъ сталъ ходить по окрестностямъ отчасти для торговли, а отчасти для сбиранія различныхъ слуховъ и свѣдѣній, которые онъ съ пользою для себя и для пана Узловскаго могъ бы передавать послѣднему.

ГЛАВА X.

Побѣгъ.

Дѣла Грицки по отношенію къ количеству свѣдѣній, доставляемыхъ имъ Узловскому и ихъ интереса пошли на этотъ разъ такъ хорошо, какъ того не могъ ожидать и самъ Грицко въ своихъ мечтаніяхъ.

Обстоятельства складывались такъ, что давали обильную пищу для Грицкиныхъ наблюденій и высматриваній.

Слухъ о томъ, что войсковой писарь войска запорожскаго батько Богданъ Хмѣльницкій замышляетъ возстаніе противъ общихъ притѣснителей поляковъ началъ распространяться по Украйнѣ и вскорѣ достигъ и до тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходили описываемыя нами происшествія.

Все начало втихомолку волноваться: шляхта и различные управляющіе, очевидно боявшіеся за свою жизнь и за вверенное имъ имущество, стали посылать одного за другимъ гонцовъ въ Варшаву съ извѣстіями о томъ, что въ краѣ не все благополучно и что можно ожидать всего дурного; простой же народъ, показывавшій при полякахъ видъ, что онъ ничего не слышитъ и не понимаетъ, въ отсутствіи ихъ, сходясь вмѣстѣ, обсуждалъ положеніе дѣлъ, выслушивалъ различныя новости объ успѣхахъ подготавливающагося возстанія и конечно отъ души желалъ всяческихъ успѣховъ батькѣ Богдану. Были и такіе случаи, что изъ многихъ панскихъ имѣній неожиданно и безслѣдно пропадали работники, иногда по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ.

— Убѣгаютъ проклятые хлопы въ гнѣздо, свитое для нихъ этимъ злодѣемъ Хмѣльницкимъ! — предполагали паны-управляющіе.

— Ушли молодцы къ батькѣ Богдану и будутъ биться за украинскую свободу съ поляками!—увѣренно говорили право-

славные, такъ какъ исчезавшіе изъ панскихъ имѣній работники не скрывали своихъ замысловъ отъ своей братіи.

— Дай-то Боже, чтобы удалось дѣло батькѣ Богдану!

Такъ думала вся православная Украйна и много тогда возсылалось на Украйнѣ горячихъ молитвъ къ Господу Богу объ удачѣ предпріятія Хмѣльницкаго.

Всѣ, до которыхъ доходили слухи о возстаніи радовались этому, но вели себя осторожно и только на ухо сообщали другъ-другу свои надежды на освобожденіе.

Все чаще и чаще стали обнаруживаться случаи побѣга православныхъ къ Хмѣльницкому, такъ что коронный гетманъ принужденъ былъ по этому поводу издать воззваніе къ народу русскому. Въ этомъ воззваніи говорилось: „Оповѣщаемъ всѣмъ и приказываемъ, чтобы тѣ, которые бѣжали съ Хмѣльницкимъ, равно и тѣ, которые ушли къ нему послѣ, воротились въ свои жилища въ надеждѣ прощенія своихъ проступковъ; а если кто осмѣлится бѣжать въ Запорожье, тотъ за свою вину

отвѣчаетъ имѣніемъ и жизнью жены и дѣтей.

Но такое возстаніе не оказало такого дѣйствія, какое надѣялись видѣть отъ него; народъ попрежнему продолжалъ валомъ валить къ Хмѣльницкому.

Паны запрещали простому народу ходить толпами по улицамъ или собираться гдѣ-нибудь даже для рѣшенія какихъ нибудь семейныхъ дѣлъ; у народа отнимали оружіе.

Но не бездѣйствовали и сподвижники Хмѣльницкаго, они переодѣвались то нищими, то странниками-богомольцами, ходили по населеннымъ мѣстностямъ и уговаривали невозставшихъ еще казаковъ перейти на сторону Хмѣльницкаго, увѣщавали жителей отворять ворота крѣпостей Хмѣльницкому и насыпать въ польскія пушки песку.

И стало такъ, что не было въ цѣлой Украйнѣ такого поселенія или такой даже самой маленькой деревни, гдѣ бы не таилось огня возстанія. Этотъ огонь всегда готовъ былъ вспыхнуть и освѣтить окрестности яркимъ, кровавымъ заревомъ.

Всѣ только и поджидали, что появленія у казаковъ Хмѣльницкаго.

Что же въ это время дѣлали и какъ поступали по отношенію къ своимъ православнымъ подданнымъ польскіе паны и ихъ управляющіе.

Казалось, что паны и управляющіе должны были въ это время принять всѣ мѣры къ тому, что бы успокоить духъ народа и по возможности кроткимъ обращеніемъ съ нимъ стараться не давать возможности къ пробужденію его страстей. Но совсѣмъ не такъ поступили паны; они озлобившись за возстаніе Хмѣльницкаго, усилили свои тиранства надъ народомъ и тѣмъ ухудшили свою же собственную будущую участь.

Узловскій, несмотря на свою довольно внушительную наружность и вообще на свой воинственный видъ оказался трусомъ не послѣднимъ; при первомъ же извѣстіи о возстаніи онъ увѣдомилъ объ этомъ своего хозяина и просилъ его о высылкѣ оружія, которое онъ думалъ раздать наиболѣе приверженнымъ къ нему и наиболѣе испытаннымъ изъ дворни.

Онъ назначилъ у себя постоянныя ночныя дежурства и приказывалъ также и днемъ имѣть неослабное наблюденіе за всѣми, появляющимися въ Крайневѣ, и наиболѣе подозрительныхъ изъ нихъ приводить къ нему въ контору для допросовъ.

Вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ и пригодился особенно Грицко Узловскому; теперь Корноухій былъ для пана неоцѣнимымъ и незамѣнимымъ человѣкомъ.

Всегда замѣчавшаяся въ Грицкѣ страсть къ подслушиванію, подглядыванію и къ доносамъ, теперь разрослась въ высшей степени. Грицко почти что совсѣмъ прекратилъ свою торговлю и сталъ заниматься исключительно только доносами; правда и теперь, удаляясь изъ Крайнева, онъ постоянно захватывалъ съ собою свои товары, но дѣлалъ это совсѣмъ не съ цѣлью торговать ими, а только для отвода глазъ тѣмъ лицамъ, у которыхъ онъ хотѣлъ что нибудь выпытать или за которыми хотѣлъ послѣдить.

Вообще Грицко сдѣлался наперстни-

комъ Узловскаго; каждый вечеръ, когда только Грицко бывалъ въ Крайневѣ, онъ приходилъ въ контору управляющаго и они заперевшись по долгу сидѣли вдвоемъ.

Въ кухню Грицко заглядывалъ теперь очень рѣдко, но за то очень часто можно было видѣть въ той лачужкѣ, въ которой жилъ Грицко, Терезу.

Грицко всегда очень гостепріимно принималъ Терезу и у него кромѣ другихъ угощеній частенько появлялось на столѣ и винцо изъ лучшихъ панскихъ погребовъ.

— Такъ ты, Тереза, говоришь, что только въ этомъ одномъ и препятствіе? —спрашивалъ какъ-то Грицко Терезу, сидѣвшую у него и порядкомъ покраснѣвшую отъ нѣсколькихъ пропущенныхъ ею рюмокъ вина.

— Конечно-же, что только въ этомъ; не будь этого старика Яна, то я давно бы уже помогла бы тебѣ обдѣлать дѣльцо, и птичка была бы въ твоей клѣткѣ.

— Неужели же онъ такъ опасенъ, этотъ старый Янъ?—Удивлялся Грицко.

— Очень опасенъ, а все потому, что

самъ панъ Трутинскій отдалъ ему дѣвченку какъ бы въ полную собственность за его долголѣтнюю службу. Ну что тутъ подѣлаешь? Потомъ, еще можно было бы что нибудь сдѣлать, благодаря его слабости, если бы онъ былъ одинъ; но онъ здѣсь не одинъ, съ нимъ оставлено паномъ Трутинскимъ еще нѣсколько человѣкъ изъ дворни, которые съ дѣтства знаютъ стараго Яна, любятъ его и готовы сдѣлать для него все.

— И чего только не умираетъ этотъ старый дьяволъ? Хоть отравить бы его! —со злобою сказалъ Грицко.

— Нѣтъ, отравить его нельзя, онъ никого къ себѣ не подпускаетъ кромѣ этой дѣвченки, и пьетъ и ѣстъ только изъ ея рукъ. Да по моему, не къ чему его и травить, все равно, онъ скоро издохнетъ!

— Правду ты говоришь?—оживился Грицко.

— Да онъ въ послѣднее время чуть дышетъ, кажется ужъ и ѣсть пересталъ, а только пьетъ молоко.

Посидѣвъ еще нѣсколько у Грицки и

потолковавъ объ интересующемъ его предметѣ, Тереза удалилась, а Грицко, оставшись одинъ, глубоко задумался.

„Эхъ,—думалъ онъ,—надо поскорѣе кончать мнѣ это дѣло, неужели же мнѣ такъ и не суждено владѣть Марусею? Ужъ если и тутъ она вырвется изъ моихъ рукъ, то стало быть не суждено и впрямь. Тутъ всѣ удобства на моей сторонѣ и одна только помѣха—этотъ старикъ, которому пора бы умереть; я, право, далъ бы хорошія деньги тому, кто согласился бы отравить его и очень жалѣю о томъ, что самъ не могу сдѣлать этого.

Но напрасно Грицко такъ безпокоился тѣмъ обстоятельствомъ, что старый Янъ еще живетъ, и даромъ бы пропали тѣ деньги, которыя Грицко отдалъ бы какому-нибудь негодяю за отравленіе старика.

Дни стараго Яна были сочтены.

Онъ въ послѣднее время день-ото-дня становился слабѣе, такъ что Маруся почти что не отходила отъ него, постоянно ухаживая за нимъ.

Однажды Тереза попробовала было прикрикнуть на ее:

— Да что это тебя около дѣла-то не видать? Ты теперь ужъ какой день съ печки не сходишь.

— Тереза,—вдругъ громко вскрикнулъ Янъ, отъ котораго никто и не ожидалъ, чтобы онъ могъ такъ громко вскрикнуть, —Тереза, стыдись приставать къ дѣвушкѣ и дай мнѣ умереть спокойно. Она и такъ у своего дѣла: она ходитъ за мной, а это только и есть ея дѣло, никто не приказывалъ ей помогать тебѣ; если она и помогала тебѣ, то это ея добрая воля была!

Тереза принуждена была замолчать и только про себя шептала: „погоди, старый дьяволъ, дождемся вѣдь наконецъ мы и того дня, когда ты умрешь и тогда ужъ расправимся съ этой дѣвченкой по своему!“

— Охъ, Маруся, дочка моя милая, чувствую я, что уже недолго я буду надоѣдать тебѣ, недолго ты будешь ухаживать за мною; скоро распрощаюсь я съ

бѣлымъ свѣтомъ и съ тобою,—частенько началъ говорить старый Янъ Марусѣ.

Маруся тогда обыкновенно заливалась слезами.

— Охъ, дѣдушка, твоя смерть и моя тоже!

— Зачѣмъ ты такъ говоришь, дочка?

— Какъ же, дѣдушка, мнѣ не говорить? Вѣдь чувствую я, что будетъ со мною, какъ ты умрешь.

— Никто изъ дворни не обидитъ тебя.

— Не про дворню и говорю я; не о ней я и думаю.

— А о комъ же ты думаешь?

— Все о томъ-же Грицкѣ.

— Охъ, память-то у меня слаба стала, —проговорилъ старый Янъ,—не вижу я теперь этого негодяя больше въ кухнѣ и совсѣмъ было забылъ о немъ. Надо мнѣ будетъ подумать о томъ, какъ бы укрыть тебя отъ него и послѣ моей смерти!

И старый Янъ задумался.

— Вотъ что надумалъ я,—сказалъ онъ наконецъ сидѣвшей около него Марусѣ, —завтра же ты попробуй отвести меня къ пану управляющему; а если я не въ со-

стоянiи буду дойти до него, то мы попросимъ тогда пана на минуту ко мнѣ. Я скажу пану управляющему, что панъ Трутинскiй отдалъ тебя мнѣ и что вольна ты послѣ моей смерти итти, куда тебѣ угодно. Если же панъ управляющiй не согласится на это, то я упрошу его, чтобы онъ отдалъ тебя подъ надзоръ сторожу Юзефу, онъ мой старый товарищъ и не дастъ тебя никому въ обиду.

Долго еще потомъ говорилъ по этому же вопросу старый Янъ съ Марусей, и не подозрѣвая того, что враги ихъ не дремлютъ.

Тереза бала уже въ лачужкѣ Грицки.

— Бѣда приходитъ тебѣ!—сказала она, входя въ лачужку.

— Какая же бѣда? Неужели старикъ Янъ поправился и хочетъ еще прожить долго?

— Поправился! Нѣтъ, уже не поправиться теперь старому Яну и если не сегодня, то завтра или послѣзавтра онъ умретъ непремѣнно; только задумалъ онъ

передъ смертью устроить такую штуку, которая очень не понравится тебѣ.

— Что такое?

Тогда Тереза разсказала Грицкѣ о томъ, что старый Янъ думаетъ передъ смертью итти къ управляющему и просить его или отпустить Марусю или отдать ее подъ надзоръ сторожу Юзефу.

— Одно другого стоитъ,—добавила Тереза отъ себя:—Юзефъ—страшнѣе самого чорта, и я право не рѣшаюсь сказать, кто изъ нихъ нелюдимѣе и злѣе: Юзефъ ли или его старая цѣпная собака, съ которой онъ постоянно ведетъ разговоры.

— Что же тутъ дѣлать? Какъ быть?

— А ужъ объ этомъ ты самъ подумай; мое дѣло было только передать тебѣ то, что я слышала, а больше я тебѣ не могу помочь ни въ чемъ!—отвѣчала Тереза.

Грицко призадумался.

Онъ нѣкоторое время сидѣлъ, что-то соображая, потомъ вскочилъ со скамейки и радостно вскрикнулъ:

— Спасибо тебѣ, Тереза за то, что ты предупредила меня; я надумалъ теперь

какъ устроить такъ, чтобы эта старая лиса Янъ не могъ повредить мнѣ.

— А что-же ты такое придумалъ?— спросила Тереза.

— Ну ужъ, милая Тереза, этого я до поры до времени не открою никому даже и тебѣ; придетъ время, ты догадаешься сама и будешь хвалить меня за догадку.

Вечеромъ этого же дня Грицко былъ въ конторѣ управляющаго и доносилъ ему, что положеніе дѣлъ въ одномъ мѣстечкѣ требуетъ непремѣнно присутствія самого пана Узловскаго.

Неизвѣстно, что за причины выставлялъ Грицко къ непремѣнному отъѣзду Узловскаго въ какое-то очень отдаленное отъ Крайнева мѣстечко, но только Узловскій на другой день рано утромъ выѣхалъ въ сопровожденіи множества слугъ и Грицки изъ Крайнева.

Старый Янъ, совсѣмъ было собравшійся съ Марусей итти къ управляющему, узналъ отъ дворни, что управляющій чуть свѣтъ выѣхалъ изъ Крайнева.

— Выѣхалъ, такъ подождемъ, пока

пріѣдетъ,—хладнокровно сказалъ старикъ, укладываясь на печкѣ.

Но не сбылись надежды старика Яна, ни пришлось ему дождаться возвращенія управляющаго.

Грицко повелъ свое дѣло очень умѣло и вызвалъ Узловскаго изъ дома только на нѣкоторое, очень короткое, какъ онъ говорилъ, время сумѣлъ сдѣлать такъ, что управляющій около недѣли не возвращался въ Крайнево.

Много воды утекло въ эту недѣлю, много народилось и много умерло людей; умеръ и старый Янъ, закрыла старику глаза Маруся.

По пріѣздѣ Узловскаго съ его поѣздки ему доложили о смерти Яна и о томъ, что кухарка Тереза оставляетъ Марусю у себя для помощи ей въ работахъ.

— Ладно!—сказалъ Узловскій, по всей вѣроятности хорошо и не разслышавшій того, о чемъ ему докладывали, поѣздка по селамъ и хуторамъ, какъ видно, сильно разстроила его, и онъ сидѣлъ задумавшись о чемъ-то.

Маруся очутилась такимъ образомъ окон-

чательно въ рукахъ Грицкина пріятеля—Терезы.

Грицко торжествалъ чуть-ли не полную побѣду; онъ теперь уже безвыходно находился въ кухнѣ и бѣдная Маруся не знала, какъ избавиться отъ его приставаній, которыя съ каждымъ часомъ становились смѣлѣе и нахальнѣе.

Грицко почувствовалъ свою власть и торопился воспользоваться ею.

Маруся хотя и попрежнему была неприступной по отношенію къ Грицкѣ и всячески старалась отвадить его отъ себя, но что-же могла она сдѣлать, когда противъ нея была сила, а за нее—никого?!

Грицкѣ наконецъ надоѣла роль ухаживателя и онъ рѣшился сразу-же приступить къ дѣлу и одинъ разъ навсегда овладѣть Марусей.

Онъ выбралъ такое время, когда панъ Узловскій былъ въ веселомъ настроеніи духа и попросилъ у него позволенія жениться на Марусѣ.

— Это какая же такая Маруся? —спросилъ Узловскій.

— Та, которая ходила за старикомъ Яномъ и теперь помогаетъ Терезѣ.

— Ахъ, Грицко, Грицко,—укоризненно качая головою, произнесъ Узловскій,— а я вѣдь и не подозрѣвалъ, что ты съ своею рожей можешь влюбляться. Я позволилъ бы тебѣ жениться, да боюсь, что женившись ты перестанешь служить мнѣ такъ, какъ служилъ до сихъ поръ, а станешь проводить время только съ молодою женою.

— Зачѣмъ же, панъ! Развѣ я не могу сдѣлать такъ, что жена будетъ у меня женою, а дѣло дѣломъ?! Если панъ только позволитъ мнѣ жениться, то я въ благодарность за это долженъ еще усерднѣе служить пану.

Кончилось тѣмъ, что Узловскій далъ Грицкѣ свое согласіе на бракъ его съ Марусей.

Скоро извѣстіе это проникло и въ кухню, куда явился сіяющій отъ удовольствія Грицко и объяснивъ тамъ дворнѣ о согласіи, полученномъ имъ отъ управляющаго, сталъ угощать дворню и Терезу.

Подошелъ было Грицко съ угощеніемъ

и къ Марусѣ, сидѣвшей на лавкѣ и отъ отчаянія потерявшей даже способность плакать, но Маруся съ сердцемъ толкнула Грицку и вино разлилось по полу.

— Ха-ха-ха!—загоготали въ дворнѣ,— Вотъ такъ невѣста!

— Къ ней не подходи!

— Точно лошадь съ норовомъ!

— Тебѣ, Грицко, ее учить придется еще долго.

— Ничего, — отвѣчалъ невозмутимо Грицко,—вытирая рукавомъ замоченное виномъ платье; если вино пролилось, то это, говорятъ къ счастливой жизни; а что мнѣ молодую придется проучить, такъ на то еще будетъ время, и у насъ за этимъ дѣло не станетъ!

Съ этими словами Грицко кинулъ на Марусю взглядъ, полный ненависти и злобы.

Маруся затряслась отъ этого взгляда.

Кончилось угощеніе и Грицко выйдя изъ кухни, насильно поцѣловалъ Марусю при общемъ хохотѣ дворни.

Поцѣлуй этотъ не только обжегъ Марусю, но заставилъ ее поминутно отирать

губы какъ бы отъ прикосновенія къ чему нибудь очень нечистому.

Ушла изъ кухни и дворня и тамъ остались только Маруся и Тереза, порядкомъ уже подвыпившая.

Тереза сама не сбирала со стола и не давала объ этомъ приказанія Марусѣ; она молча и не раздѣваясь повалилась на свою постель и скоро крѣпко уснула.

„Убѣжать, — давно уже думала Маруся,—теперь только въ одномъ бѣгствѣ мое и спасеніе. Убѣгу, а тамъ видно будетъ: поймаютъ, или нѣтъ; да если и поймаютъ, то хуже не будетъ, чѣмъ теперь.

Маруся одѣлась и выждавъ время, когда все стихло, вышла изъ кухни, захвативъ съ собою на всякій случай большой кухонный ножъ.

ГЛАВА XI.

Пріютилась.

Бодро шла Маруся по двору; кругомъ всѣ спали, и никто не могъ замѣтить ее; собакъ она не боялась; онѣ всѣ знали ее, такъ какъ она ежедневно кормила ихъ кухонными остатками и отбросами.

Въ ворота она не пошла, чтобы не столкнуться въ нихъ со сторожемъ, но обойдя нѣсколько по двору, перелѣзла черезъ плетень и вышла на улицу Крайнева.

Тихо было и въ Крайневѣ и ни въ одной хатѣ не виднѣлось огонька.

Это радовало Марусю, такъ какъ она теперь боялась встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь даже и не изъ поляковъ. Бойкими шагами подходила она въ глубокой темнотѣ къ крайневскому храму.

„Что мнѣ дѣлать? Куда итти теперь?— думала Маруся и рѣшила прежде всего подойти къ храму, помолиться тамъ и попросить благословенія на дальнѣйшій путь у Пресвятой Богородицы.—А тамъ видно будетъ!—размышляла дѣвушка,— пойду съ Божьей помощью, куда глаза глядятъ!

Она подошла къ храму и опустилась передъ нимъ на колѣни. Горячо молилась она, собираясь навсегда покинуть родину; вспомнила она и о томъ, что покидаетъ свою мать, единственнаго дорогого теперь для нея человѣка и залилась горючими слезами.

Эти слезы мало-по-малу перешли въ рыданія; Маруся начала рыдать громко, совершенно не сознавая той опасности, которой она себя подвергала этимъ громкимъ рыданіемъ.

— Дочь моя, утѣшься! О чемъ ты неутѣшно плачешь? — услыхала Маруся тихій, мягкій голосъ. Она обернулась и въ темнотѣ едва могла разглядѣть, что передъ ней стоитъ крайневскій священникъ.

— Батюшка, благослови меня въ путь!

— Успокойся, дочь моя, и разскажи мнѣ, на какой путь просишь ты у меня благословенія?

Священникъ въ Крайневѣ былъ очень старый и очень набожный старичекъ; онъ поступилъ въ Крайнево, будучи еще молодымъ человѣкомъ и помнилъ лучшія времена для крайневскаго храма. Живо припоминалось ему, какъ храмъ этотъ процвѣталъ и какъ его воскресныя и праздничныя проповѣди слушала масса народа, всегда приходившаго въ храмъ по праздникамъ. Старикъ совершенно сжился съ храмомъ, и теперь крайне больно было для старца видѣть его въ рукахъ евреевъ. Часто въ ночной тишинѣ входилъ онъ въ церковную ограду, смотрѣлъ глазами, полными слезъ на свой храмъ, молился и плакалъ объ его запустѣніи. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ услыхалъ рыданія Маруси и подошелъ къ ней.

Онъ посадилъ ее на скамейку и выслушалъ разсказъ ея о своихъ несчастіяхъ.

— Куда же ты думаешь итти теперь?— Къ матери?

— О нѣтъ!—воскликнула Маруся;—они, какъ только хватятся меня, такъ станутъ допрашивать мою бѣдную мать!—И снова она начала рыдать, проговоривъ сквозь рыданія:—Я и сама не знаю, куда пойду теперь.

— Я могу пріютить тебя, дочь моя, только на эту ночь, такъ какъ ты сама знаешь, что держать тебя болѣе будетъ опасно для насъ обоихъ; а завтра, какъ только стемнѣетъ, я отправлю тебя въ такое мѣсто, гдѣ ты найдешь себѣ вѣрный пріютъ. Пойдемъ со мною!

Старичекъ-священникъ привелъ ее въ свой домъ и указалъ ей итти въ подполье.

— Можетъ быть, ты хочешь ѣсть, красавица? — спросила Марусю матушка-попадья, провожая ее со свѣчей въ теплое подполье.

— Спасибо! Я пока не хочу ничего!

— Ну а завтра утромъ мы тебя провѣдаемъ!

Маруся оставшись одна, скоро совершенно успокоилась и почувствовала себя

въ полной безопасности въ этомъ темномъ и тепломъ подпольѣ.

„Батюшка говоритъ, что онъ найдетъ мнѣ такое мѣсто, гдѣ я могу быть совершенно покойной; дай Богъ ему за это всего хорошаго. Жалко только, что я, не могу передъ уходомъ изъ здѣшнихъ мѣстъ побывать у матери. Поляки и Грицко прямо же кинутся туда, какъ только узнаютъ о моемъ побѣгѣ; они перевернутъ вверхъ дномъ весь домъ и станутъ меня тамъ искать во всѣхъ щеляхъ. Станутъ, пожалуй, еще пытать и мучить мать!“

И она опять было предалась рыданіямъ, но утомленіе и всѣ треволненія, перенесенныя ею сегодня, взяли свое и она наконецъ крѣпко уснула...

Тереза подъ вліяніемъ выпитаго ею на Грицкиномъ угощеніи вина, спала болѣе обыкновеннаго. Она проснулась съ сильною головною болью и не поднимая головы замѣтила, что со стола не убраны слѣды вчерашняго пиршества; это озлило Терезу.

— Эй,—крикнула она,—невѣста паршн-

вая! ты что же нѣжишься-то? Или видишь, что я не встаю, такъ плохо тебѣ будетъ, если встану я и начну будить тебя.

Но на этотъ крикъ не было никакого отвѣта.

Тереза вскочила съ своей постели и посмотрѣла на постель Маруси, на постели никого не было.

„Что же это значитъ, — подумала Тереза, протерла глаза и подошла къ Марусиной постели; тутъ она убѣдилась, что постель не была даже помята.

„Эге!—смекнула Тереза,—да птичка-то улетѣла“.

Сейчасъ же она увѣдомила объ этомъ Грицку, который позеленѣвъ отъ злости, побѣжалъ къ Узловскому и попросилъ у него слугъ для погони за бѣглянкой.

— Въ Васильевку пусть не ѣдетъ никто,—говорилъ Грицко,—тамъ побываю я самъ аккуратнѣе.

Пока происходило все это и пока разсылалась погоня въ разныя стороны, Маруся, которой матушка-попадья сообщала обо всемъ, сидѣла въ подпольѣ ни жива

ни мертва, боясь, какъ бы ни стали дѣлать повальнаго обыска въ крайневскихъ домахъ, тогда, конечно, не обошли бы и дома священника.

Но день прошелъ благополучно.

Вечеромъ же къ Марусѣ въ подполье спустились священникъ и жена его.

— Вотъ что, дочь моя,—говорилъ священникъ,—какъ только стемнѣетъ окончательно, мы тебя отправимъ къ племянницѣ моей жены; мужъ у этой племянницы, хотя и полякъ, но очень добрый человѣкъ. Опасно тебѣ давать какое-нибудь письмо, мы даемъ тебѣ вотъ этотъ платокъ, который ты отнесешь къ племянницѣ въ подарокъ отъ насъ и по которому она повѣритъ тебѣ, что ты послана къ ней нами. Мужъ ея завѣдуетъ конюшней у пана Чаплинскаго, ты будешь тамъ среди поляковъ и слѣдовательно въ полнѣйшей безопасности. Иди, конечно, только ночью и ранѣе, какъ въ двѣ ночи, ты доберешься туда!

Потомъ батюшка разсказалъ ей подробно о дорогѣ, по которой она должна была итти и благословилъ ее въ путь.

Съ сжимающимся сердцемъ вышла Маруся изъ дома священника и торопилась поскорѣе дойти до лѣса, чтобы продолжать свой путь лѣсомъ, а не дорогою.

Лѣсомъ Маруся пошла гораздо спокойнѣе; она очень торопилась, такъ какъ ей хотѣлось въ эту ночь уйти какъ можно далѣе отъ Крайнева.

Тихо было въ лѣсу, такъ тихо, что Маруся пугалась даже собственныхъ шаговъ, но мало-по-малу она успокоилась и пошла безъ боязни.

„Вотъ,—подумала Маруся,—всего въ какой-нибудь верстѣ отъ того мѣста, гдѣ я теперь, наша Васильевка, и я не могу зайти къ матери, чтобы проститься съ нею“.

Вдругъ Маруся услыхала какой-то подозрительный звукъ; она стала прислушиваться и ясно разобрала чьи-то стоны.

„Кто это стонетъ? Не помогу ли я ему?“—подумала она и пошла по направленію стоновъ.

Она увидала, что въ лѣсу горитъ огонекъ, со стороны котораго и неслись стоны.

Осторожно подползла Маруся къ огоньку и остолбенѣла отъ того, что представилось ея глазамъ.

На травѣ около маленькаго костра лежала связанной ея мать, около нея стоялъ на колѣняхъ Грицко и, прижигая ей въ различныхъ мѣстахъ тѣло, допытывался у нея, гдѣ скрывается ея дочь.

Маруся крѣпко сжала въ рукахъ тотъ ножъ, который она унесла изъ кухни и какъ пантера кинулась на Грицку; въ одинъ мигъ перерѣзала она горло Грицки и освободила потомъ мать.

Мать и дочь застыли въ обоюдныхъ объятіяхъ.

Катерина разсказала дочери, что Грицко пробрался къ ней въ домъ тайкомъ сегодня ночью, заткнулъ ей глотку и обыскалъ весь домъ.

Не найдя ничего въ домѣ, онъ пыталъ ее и тамъ, а потомъ вытащилъ въ лѣсъ.

— Никто не видалъ васъ съ нимъ?— спросила Маруся.

— Никто; было ужъ поздно!

— Такъ ты и не говори никому, что

было. Иди теперь домой, ты будешь тамъ въ безопасности.

— А ты куда же?

Маруся разсказала ей все.

— Благослови тебя Господь,—сказала Катерина, благословляя дочь, и онѣ разстались.

Маруся благополучно добралась до владѣній Чаплинскаго, гдѣ ее подъ видомъ своей родственницы пріютила племянница матушки-попадьи.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Глава I. Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій. 119

„ II. Казацкія права 129

„ III. Слѣдъ Аѳонаса 142

„ IV. Къ оружію 157

„ V. Въ плѣну у поляковъ . . . 171

„ VI. Въ Запорожской Сѣчи . . . 183

„ VII. Въ разлукѣ съ матерью . . 195

„ VIII. Новый управляющій 208

„ IX. Опять козни Корноухаго . . 219

„ X. Побѣгъ. 235

„ XI. Пріютилась. 254

ГЕРОЙ МАЛОРОССІИ

Зиновій-Богданъ

ХМѢЛЬНИЦКІЙ

ИЛИ

ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ КЪ РОССІИ.

„Да будетъ едино стадо и единъ пастырь".

„Валимъ подъ царя восточнаго".

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Въ 4-хъ частяхъ.

Ев. Горѣлова.

ЧАСТЬ III.

ГЛАВА I.

У Крымскаго хана.

Хмѣльницкій убѣжалъ изъ Украйны къ Крымскому хану Исламъ-Гирею на-легкѣ, захвативъ съ собою своего сына Тимошу, нѣсколько человѣкъ знатнѣйшихъ казаковъ изъ приставшихъ къ нему изъ Украйны и съ нѣсколькими простыми казаками, которые составляли какъ бы его конвой; въ числѣ этихъ казаковъ, находился и Аѳонасъ, котораго Богданъ очень скоро полюбилъ и сдѣлалъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ себѣ лицъ, такимъ же какимъ былъ у него и Петрусь, который также былъ въ Крыму и у котораго остался только незначительный шрамъ отъ удара, полученнаго имъ въ памятную

ночь похищенія казачьихъ привилегій— отъ пана-пріятеля Барабаша.

— Что, Аѳонасъ, надоѣло тебѣ небось таскаться со мною,—шутливо говаривалъ Хмѣльницкій; — ты чай спишь и видишь, что идешь подъ вѣнецъ съ своей ненаглядной?!

— Не до того теперь православнымъ, чтобы думать о своихъ дѣлахъ: надо думать объ общемъ нашемъ дѣлѣ, объ освобожденіи нашей матери-Украйны. Помоги тебѣ Богъ въ этомъ, батько, а потомъ пусть каждый казакъ и о себѣ думаетъ. Тогда и я пойду отыскивать свою невѣсту и, если только Богъ благословитъ меня найти ее, то тогда уже не будетъ никакихъ препятствій къ нашему браку.

— Молодецъ ты у меня, Аѳонасъ,— говорилъ тогда Богданъ, хлопая Аѳонаса по плечу,—а такихъ молодцовъ въ Украйнѣ много и, Богъ дастъ, Украйна будетъ свободна!

Татарскій ханъ Исламъ-Гирей, занимавшій тогда престолъ крымскаго царства, отличался склонностью къ веденію военныхъ дѣйствій. Ему когда-то прин-

лось испытать гостепріимство поляковъ, у которыхъ онъ находился въ плѣну.

Прибывъ къ хану въ мартѣ мѣсяцѣ 1648 года, Хмѣльницкій остановился со своей свитой въ столицѣ царства, Бахчисараѣ, и сталъ хлопотать черезъ ближайшихъ вельможъ ханскихъ, чтобы они достали ему право входа къ ихъ хану и бесѣды съ нимъ.

Увидать хана Хмѣльницкому, который, кстати сказать былъ извѣстенъ хану и прежде, было не такъ легко, какъ это могло казаться съ перваго раза.

Для достиженія своей цѣли Хмѣльницкій долженъ былъ дѣлать ханскимъ приближеннымъ богатые подарки и даже унижаться передъ ханскими вельможами. Но Хмѣльницкій для блага Украйны готовъ былъ на все; онъ дѣйствительно перетерпѣлъ все и получилъ наконецъ позволеніе пріѣхать во дворецъ.

Представившись хану, который сидѣлъ окруженный чисто восточной роскошью, Хмѣльницкій послѣ обычныхъ привѣтствій заговорилъ и о дѣлѣ.

— До сихъ поръ, — началъ говорить

Хмѣльницкій,—мы были врагами вашими, но единственно оттого, что находились подъ ярмомъ ляховъ. Знай же, свѣтлѣйшій ханъ, что казаки воевали съ тобою поневолѣ, а всегда были и будутъ друзьями подвластнаго тебѣ народа. Мы теперь рѣшились низвергнуть постыдное польское иго, прервать съ Ляхистаномъ всякое соединеніе, предложить вамъ дружбу, вѣчный союзъ и готовность сражаться за мусульманскую вѣру. Враги наши поляки — враги ваши; они презираютъ силу твою, свѣтлѣйшій ханъ, отказываются платить тебѣ должную дань и еще подущаютъ насъ нападать на мусульманъ; но да вѣдаешь, что мы поступаемъ искренно: мы извѣщаемъ тебя о ихъ замыслахъ и предлагаемъ тебѣ помогать намъ противъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ.

Хану нельзя было не повѣрить словамъ Хмѣльницкаго, такъ какъ онъ подтверждалъ свои слова имѣвшеюся у него въ рукахъ королевской привилегіей, въ которой говорилось о постройкѣ казаками чаекъ для веденія войны съ бусурманами.

Но крымскій ханъ, по обычаю тогдаш-

нихъ восточныхъ дипломатовъ, не далъ пока Хмѣльницкому никакого опредѣленнаго отвѣта, а ограничился только нѣсколькими двусмысленными, малопонятными любезностями.

Отпустивъ Хмѣльницкаго, ханъ собралъ знатнѣйшихъ своихъ вельможъ на совѣтъ и на совѣтѣ этомъ предложилъ обсудить просьбу Хмѣльницкаго.

— Хмѣльницкій,—говорилъ ханъ, обѣщаетъ намъ вѣчный миръ и вѣчную дружбу со стороны казаковъ и проситъ у насъ помощи противъ поляковъ, отъ ига которыхъ они хотятъ освободиться. Одного боюсь я, не подосланъ ли Хмѣльницкій къ намъ самими поляками, чтобы испытать насъ или выманить въ поле.

— Трудно вѣрить и казакамъ и полякамъ; и тѣ и другіе не разъ уже обманывали насъ!—сказали мурзы (вельможи).

— Тогда попытайтесь изъ частныхъ разговоровъ съ нимъ вывѣдать отъ него правду, а я пока не буду принимать его къ себѣ!

Хмѣльницкій сталъ жить въ Бахчисараѣ и вести бесѣды съ алчными татар-

скими вельможами, съ которыми безъ подарковъ нельзя было вести никакого дѣла съ пользою для себя.

Въ бесѣдахъ съ мурзами Хмѣльницкій между прочимъ узналъ о томъ, что ханъ, несмотря на предъявленную ему королевскую привилегію, сомнѣвается въ искренности увѣреній казаковъ и склоненъ предполагать съ ихъ стороны какую-нибудь ловушку.

— Когда такъ, — воскликнулъ Хмѣльницкій,—если только ханъ сомнѣвается въ искренности моихъ словъ, то я присягну передъ нимъ, что прошу помощи безъ всякаго обмана или хитрости. Если же для хана будетъ мало моей присяги, то я готовъ оставить ему заложникомъ моего сына, который пріѣхалъ со мною.

Такія завѣренія со стороны Хмѣльницкаго, а тѣмъ болѣе щедрые его подарки убѣдили ханскихъ вельможъ въ искренности его словъ и они въ такомъ духѣ и отвѣчали хану, который, получивъ такой отвѣтъ отъ своихъ вельможъ, позволилъ Хмѣльницкому вторично явиться передъ собою.

— Поклянись мнѣ въ искренности твоихъ словъ передъ моими вельможами на моей саблѣ.

Хмѣльницкій согласился, и ему подали ханскую саблю; тогда онъ, поцѣловавъ поданную ему саблю и ставъ въ кружокъ вельможъ, произнесъ слѣдующую клятву:

— Боже, всей видимой и невидимой твари Содѣтель! Вѣдатель помышленій человѣческихъ! Клянусь Тебѣ, чего ни потребую, чего ни попрошу у его ханской милости—все буду дѣлать безъ коварства и измѣны, и если-бъ съ моей стороны вышло что нибудь ко вреду его ханской милости, то допусти, Боже, чтобъ этой саблею отдѣлилась моя голова отъ тѣла!

Ханъ отвѣчалъ Хмѣльницкому, что онъ теперь вѣритъ ему и подалъ ему свою руку; подали также въ знакъ дружбы и союза Хмѣльницкому руки и мурзы.

Увѣривъ Хмѣльницкаго въ своемъ довѣріи и расположеніи къ нему, ханъ между тѣмъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій къ открытію военныхъ дѣйствій, и когда Хмѣльницкій намекнулъ ему объ

этомъ, то получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

— Поляки не платятъ мнѣ дани — это правда, однако я еще не могу начать войны, потому что дѣло не рѣшено въ Диванѣ (Турціи). Впрочемъ, кажется, въ Диванѣ будетъ объявлена война. Начинайте вы, потомъ и я пойду и разорю всю Польшу. Теперь же вы можете пригласить моего перекопскаго мурзу Тугай-Бея; пусть онъ пойдетъ съ вами на поляковъ.

Поступая такимъ образомъ, ханъ очевидно хитрилъ и хотѣлъ на всякій случай оставить себя въ сторонѣ.

Давая казакамъ на помощь войско Тугай-Бея, ханъ сдерживалъ свое обѣщаніе; если же Польша задумала бы обвинить его въ сообщничествѣ съ казаками, то онъ отвергъ бы это обвиненіе, сказавъ, что Тугай-Бей дѣйствовалъ самовластно, безъ его повелѣнія.

Что ханъ хитрилъ можно было видѣть и изъ того, что онъ въ то же время отправилъ къ полякамъ письмо съ увѣреніями въ союзѣ.

И Пасху 1648 года пришлось Хмѣльницкому съ пріѣхавшими съ нимъ вмѣстѣ казаками провести въ Бахчисараѣ.

Казаки разговѣвшись, стали по обычаю свому стрѣлять изъ ружей.

— Что такое это значитъ?—спросилъ встревоженный ханъ.

— А это казаки справляютъ свой великій байрамъ (байрамъ по-татарски значитъ праздникъ!)—отвѣчали мурзы.

— А если такъ,—отвѣчалъ ханъ,—тогда надо угостить ихъ, вѣдь они теперь наши друзья! И тотчасъ-же приказалъ выдать казакамъ на праздникъ три бочки вина, пять быковъ и пятнадцать барановъ.

Вообще Исламъ-Гирей сталъ очень ласковъ и добръ по отношенію къ Хмѣльницкому и прочимъ казакамъ.

Когда Хмѣльницкій уѣзжалъ изъ Бахчисарая, то ханъ подарилъ ему въ знакъ любви и дружбы черкесскій панцырь, колчанъ, лукъ и стрѣлы, розовый кафтанъ изъ златоглава, кунтушъ темнозеленаго французскаго сукна и позолоченую саблю. Казакамъ-же при ихъ отъѣздѣ изъ

Бахчисарая ханъ приказалъ выдать на дорогу мяса, хлѣба и вина.

Но несмотря на такія внѣшнія проявленія любви и дружбы, сынъ Хмѣльницкаго Тимоѳей все-таки былъ оставленъ въ Бахчисараѣ въ качествѣ заложника.

Одаренный ханомъ Хмѣльницкій поѣхалъ къ Тугай-Бею, котораго ему пришлось уже самому задаривать и упрашивать исполнить приказаніе хана—присоединиться вмѣстѣ съ своимъ войскомъ къ казакамъ.

Перекопскій мурза Тугай-Бей имѣлъ значительное войско и не особенно-то торопился исполнить волю хана.

— Вотъ какъ!— говорилъ мурза. Недавно вы не давали намъ покоя, а теперь просите помощи. Вы враги наши, и мы же должны проливать за васъ кровь.

— Да развѣ мы по своей охотѣ нападали на васъ и безпокоили васъ,—оправдывался Хмѣльницкій; мы дѣлали такъ по приказанію и по наущенію поляковъ, которые есть и наши и ваши враги. Вотъ освободимся отъ нихъ и тогда будемъ въ

вѣчной дружбѣ съ вами! Только помогите намъ теперь, чтобы мы освободились!

Затѣмъ Хмѣльницкій сталъ описывать алчному и хищному Тугай-Бею всѣ выгоды войны съ поляками, если онъ выступитъ съ своимъ войскомъ не медля.

Тугай-Бей былъ дикій наѣздникъ, человѣкъ свирѣпый, привыкшій къ грабежу и войнѣ. Онъ въ то самое время, когда къ нему пріѣхалъ Хмѣльницкій, съ четырьмя тысячами своей орды кочевалъ въ степи и готовился даже и безъ просьбы Хмѣльницкаго ворваться въ пограничныя польскія области.

Но вотъ пріѣхалъ Хмѣльницкій и сталъ просить его сдѣлать то, что онъ уже думалъ сдѣлать и самъ по себѣ, безъ просьбы Хмѣльницкаго и Тугай-Бей рѣшилъ, что ему надо будетъ поломаться и не сразу давать свое согласіе, хотя бы для того, чтобы потомъ дороже оцѣнить при случаѣ это согласіе.

Да татарамъ и дѣйствительно не ради только просьбы и обѣщаній Хмѣльницкаго необходимо было сдѣлать набѣгъ на польскія области: въ предъидущемъ году

во всемъ Крыму былъ сильный неурожай и страшный падежъ скота, приближалась весна, а у нихъ не было ни хлѣбныхъ запасовъ, ни скота въ достаточномъ количествѣ; въ подобныхъ же случаяхъ для татаръ единственнымъ исходомъ была война съ сосѣдями.

ГЛАВА II.

Хмѣльницкій гетманомъ.

Что же подѣлывалъ и подѣлываетъ теперь старый Тарасъ, отпустившій сына въ Сѣчь, а вскорѣ почти-что по его слѣдамъ и самъ отправившійся туда.

Старый Тарасъ былъ хитеръ, онъ не поѣхалъ прямо въ Сѣчь, послѣ того какъ выѣхалъ изъ дома; а отправился сначала къ одному изъ знакомыхъ своихъ казаковъ, жившему на хуторѣ недалеко отъ Васильевки. Старый Тарасъ при этомъ думалъ такъ:

„Съ какой стати я уѣду тотчасъ же въ Сѣчь, можетъ быть все, что слышалъ я отъ Маруси одна только брехня. Лучше поживу-ка я немного невдалекѣ отъ Васильевки и посмотрю, что будетъ!“

Но сомнѣнія Тараса, какъ мы видѣли, были излишни; на другой же день онъ съ своимъ товарищемъ увидали надъ Васильевкой клубы дыма, а потомъ товарищъ Тараса, съѣздившій въ Васильевку, пріѣхавъ оттуда, разсказалъ Тарасу, въ чемъ дѣло.

— Эге,—сказалъ тогда Тарасъ,—стало быть мнѣ и впрямь надо поторапливаться въ Сѣчь!

— А что же ты думаешь дѣлать въ Сѣчи?—спросилъ товарищъ.

— Да что и всѣ тамъ дѣлаютъ; сначала буду спать да горилку пить, а потомъ, когда придетъ нужда, то отправлюсь вмѣстѣ съ другими бить проклятыхъ ляховъ или поганую татарву. Вѣдь я только ожирѣлъ, а не ослабъ еще настолько, чтобы сабля вывалилась изъ моихъ рукъ.

— А коли драться хочешь, то можно и не въ Сѣчь; поѣзжай тогда къ батькѣ Богдану!

— А что такое у Богдана?

— Да сбираетъ онъ большое ополченіе противъ поляковъ, хочетъ вести всю

Украйну противъ нихъ, и много теперь народа идетъ къ нему отовсюду.

— Зачѣмъ мнѣ къ Богдану? Поѣду въ Сѣчь и тамъ увижу своихъ старыхъ друзей, а Богдану все равно, если онъ хочетъ дѣло дѣлать, не миновать въ Сѣчь же приходить; тамъ мы съ нимъ и встрѣтимся.

— Когда же ты ѣдешь?—спросилъ Тараса товарищъ.

— Да что-жъ мнѣ думать? Завтра и ѣду!

— Тогда вотъ что, тогда и я съ тобой поѣду, а то скучно становится дома сидѣть, когда видишь, что всѣ начинаютъ подниматься. Ѣдемъ вмѣстѣ!

Рано утромъ оба товарища подъѣзжали къ Сѣчи. Сѣчь представляла собою собраніе удальцовъ, она пользовалась своими особыми законами и жила своею жизнью. Очень часто въ Сѣчи были пированья, задаваемые казаками, пропивавшими свою добычу.

Около шинковъ тамъ всегда можно было встрѣтить только казаковъ, которыхъ угощалъ какой-нибудь подгулявшій собратъ;

тутъ же были бродячіе музыканты и бандуристы, всегда готовые къ услугамъ подгулявшихъ запорожцевъ.

Такую-же картину встрѣтилъ и Тарасъ при въѣздѣ въ Сѣчь и на такія картины онъ наталкивался не разъ, отыскивая своего знакомаго сотника Косулю.

Найдя его и поздоровавшись съ нимъ, Тарасъ сказалъ:

— А я пріѣхалъ сюда сынка повидать, да кстати и самъ думаю здѣсь остаться!

— Дѣло доброе!—замѣтилъ Косуля.

— Ну какъ онъ у тебя тутъ поживаетъ?

— Кто?

— Да мой-же сынъ!

— Такъ я теперь-же только и узналъ, что у тебя есть сынъ,—невозмутимо говорилъ Косуля.

— Какъ-же такъ? Конечно, у меня есть сынъ, его Аѳонасомъ звать, онъ поѣхалъ въ Сѣчь, и я сказывалъ ему, чтобы онъ непремѣнно розыскалъ тебя и у тебя и остался бы.

— Ну стало быть онъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Стало быть, что такъ!—согласился Тарасъ и рѣшилъ принять потомъ всѣ мѣры, чтобы найти въ Сѣчи Аѳонаса.

Въ Сѣчи въ это время только и разговоровъ было, что о тѣхъ притѣсненіяхъ, какія творятся на Украйнѣ поляками и о томъ, какъ издѣваются надъ православными евреи. Всякій прибывающій туда приносилъ какую-нибудь новость въ этомъ родѣ, даже бродячіе музыканты и бандуристы не столько пѣли и играли, сколько разсказывали о жестокостяхъ, производимыхъ поляками въ Украйнѣ, свидѣтелями которыхъ имъ часто приходилось быть во время ихъ странствованій.

Всеобщее негодованіе въ Сѣчи противъ поляковъ усилилось послѣ того, какъ тамъ побывалъ Хмѣльницкій и теперь въ Сѣчи многіе съ нетерпѣніемъ ожидали его возвращенія изъ поѣздки въ Крымъ.

Хмѣльницкій, пріѣхавши въ Сѣчь, явился къ войсковымъ старшинамъ и представилъ имъ четырехъ татаръ, какъ свидѣтелей ханской помощи; Туганъ-же Бей со всею своею ордою остановился недалеко отъ Сѣчи на рѣкѣ Бузулукѣ.

Войсковые старшины, переговоривъ съ Хмѣльницкимъ, порѣшили собрать на другой день раду и оповѣстили объ этомъ обитателей Сѣчи тремя пушечными выстрѣлами вечеромъ и тремя утромъ.

Собралась рада и кошевой, который во всемъ раздѣлялъ воззрѣнія Хмѣльницкаго, изложилъ народу обиды и притѣсненія, претерпѣваемыя украинцами отъ поляковъ и сообщилъ, что Хмѣльницкій, задумавъ поднять Украйну противъ поляковъ, ѣздилъ за помощью въ Крымъ, получилъ тамъ обѣщаніе отъ хана въ помощи казакамъ и привелъ уже съ собою орду Тугай-Бея, которая стоитъ наготовѣ около Сѣчи.

Всѣ внимательно выслушали кошевого и послѣ его рѣчи раздались крики благодарности Хмѣльницкому за его дѣятельность.

— Пусть Хмѣльницкій будетъ нашимъ головою,—восклицало собраніе,—а мы всѣ, сколько насъ тутъ есть, всѣ готовы итти противъ пановъ и помогать Хмѣльницкому до послѣдняго дыханія!

И тутъ-же, по распоряженію кошевого, принесли въ собраніе клейноты, то-есть

знаки гетманскаго достоинства: королевскую хоругвь, которую пожаловалъ казакамъ король Владиславъ, бунчукъ съ позолоченымъ шаромъ, позолоченую булаву съ каменьями и серебряную войсковую печать.

Старшины войсковые въ присутствіи всего запорожскаго товарищества вручили Хмѣльницкому эти печатные знаки и провозгласили его гетманомъ запорожскаго войска.

Послѣ совершенія этихъ церемоній былъ отслуженъ молебенъ, и въ Сѣчи въ ожиданіи похода начался разгулъ.

Хмѣльницкій сталъ добывать свѣдѣнія о томъ, какія мѣры противъ него принимаетъ коронный гетманъ Потоцкій, казаки ѣздили на развѣдки и повсюду добывали языковъ. Между прочимъ татары, которые стояли на дорогѣ, ведущей въ Сѣчь изъ Переволочны, привели къ Хмѣльницкому девять человѣкъ, которые показались всѣмъ очень подозрительными.

На допросѣ приведенные татарами плѣнники показали, что коронный гетманъ Потоцкій выслалъ въ Сѣчь противъ Хмѣль-

ницкаго два отряда: одинъ водою, другой сухимъ путемъ.

Начавъ получать отовсюду свѣдѣнія, что Потоцкій дѣйствительно думаетъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ и Хмѣльницкій рѣшилъ съ своей стороны не медлить; въ концѣ апрѣля онъ выступилъ съ войскомъ изъ Запорожья.

„Пойду сначала на Чигиринъ,—думалъ Хмѣльницкій,—надо тамъ мнѣ повидаться съ этимъ проклятымъ Чаплинскимъ и свести съ нимъ свои счеты. И поплатится-же мнѣ эта собака за все то, что онъ сдѣлалъ для меня: всѣ мои обиды и кровь сына моего вопіютъ о самомъ безпощадномъ мщеніи!“—Со скрежетомъ зубовъ думалъ Хмѣльницкій. „А можетъ быть,—продолжалъ онъ думать,—мнѣ еще придется вырвать изъ его поганыхъ рукъ Ольгу. Гдѣ-то она теперь у него и жива-ли еще?!“

Но обстоятельства складывались такъ, что Хмѣльницкому приходилось отложить желанное мщеніе Чаплинскому и пожертвовать на нѣкоторое время своимъ личнымъ дѣломъ для общаго дѣла—освобожденія Украйны.

Слѣдя по донесеніямъ посылаемыхъ на развѣдки казаковъ и по свѣдѣніямъ, добываемымъ отъ языковъ за движеніями польскихъ войскъ, Хмѣльницкій не могъ не замѣтить, что непріятель намѣревается подойти къ городу Кодаку. Хмѣльницкому-же очень не хотѣлось, чтобы непріятель привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, такъ какъ въ Кодакѣ сидѣлъ запершись польскій отрядъ, съ которымъ и думали соединиться войска, посланныя Потоцкимъ.

Хмѣльницкій рѣшилъ принять всѣ мѣры, чтобы не допустить этого соединенія поляковъ. Онъ обошелъ Кодакъ и пошелъ по направленію къ устью рѣки Тясмина, гдѣ и остановился при потокѣ Желтыя воды, прозваннномъ такъ по причинѣ глинистой почвы.

За войскомъ Хмѣльницкаго слѣдовала орда Тугай-Бея, который и тутъ продолжалъ хитрить и поступалъ съ крайней осторожностью и осмотрительностью.

Тугай-Бей шелъ медленно и нарочно уклонялся отъ слишкомъ скораго соединенія съ казаками. Хитрый татаринъ

боялся, какъ бы ему не попасть въ просакъ и разсчитывалъ вступить въ дѣло, только тогда, когда казаки начнутъ его и доведутъ до половины съ удачею для себя.—Казаки же подошедши къ потоку Желтыя воды стали таборомъ и укрѣпились въ четвероугольникѣ, составленномъ изъ возовъ.

ГЛАВА III.

Въ польскомъ лагерѣ.

Войско Потоцкаго собранное еще при началѣ распространенія слуховъ о возстаніи стояло пока въ полнѣйшемъ бездѣйствіи.

Надъ польскимъ войскомъ оправдывалась поговорка, „что у семи нянекъ дитя обыкновенно бываетъ безъ глаза“. Начальство надъ собраннымъ войскомъ было поручено двумъ гетманамъ: коронному—Потоцкому и польному—Калиновскому. Характеры обоихъ этихъ гетмановъ представляли разительную противоположность между собою: Потоцкій отличался своею мнительностью и нерѣшительностью, а Калиновскій былъ человѣкъ

энергичный, дѣятельный, такъ и рвавшійся поскорѣе сразиться съ казаками.

Польскіе паны, собравшіеся къ войску, совсѣмъ не хотѣли подвергать себя опасности выступленіемъ противъ казаковъ и проводили время, предаваясь лѣни или пиршествамъ и другимъ удовольствіямъ.

— Надо выступать противъ казаковъ!— говорили Калиновскій и его единомышленники.

— Зачѣмъ мы будемъ безпокоить себя, выступая въ походъ, когда еще и не видимъ и не знаемъ ничего про непріятеля,—настаивалъ Потоцкій, а вмѣстѣ съ нимъ и множество собравшихся къ нему пановъ.--Говорятъ, что гдѣ-то собираются и волнуются казаки, а еще пока неизвѣстно, противъ кого они собираются, можетъ быть и противъ татаръ.

Но скоро Потоцкому и его единомышленникамъ пришлось разочароваться въ справедливости своихъ взглядовъ.

Изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ получены были свѣдѣнія, что Хмѣльницкій отрѣзалъ отъ поляковъ Кодакъ и сталъ съ большимъ войскомъ укрѣплен-

нымъ таборомъ въ треугольникѣ образуемомъ рѣками: Днѣпромъ и Тясминомъ. Было донесено также и о томъ, что Хмѣльницкій привлекъ на свою сторону татаръ и что большая орда Тугай-Бея находится при войскѣ казаковъ.

При полученіи столь важныхъ и столь неутѣшительныхъ извѣстій у поляковъ былъ собранъ военный совѣтъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, мнѣнія на этомъ совѣтѣ раздѣлились на двое, сообразно мнѣніямъ двухъ предводителей войска, гетмановъ—Калиновскаго и Потоцкаго.

— Надо сейчасъ же двинуть войско на казаковъ, — предлагалъ Калиновскій и тѣ, которые были за него,—надо постараться запереть казаковъ въ этомъ треугольникѣ или разбить ихъ, вызвавъ въ поле.

Но Потоцкій и друзья говорили другое.

— Войско наше мало,—говорили они, —а непріятельскаго мы не видѣли, каково оно. Неблагоразумно выводить всѣ силы въ пустыню, въ отдаленіе отъ крѣпостей, безъ надежды на скорое пособіе. Вѣрность здѣшняго народа сомнительна, по-

тому что онъ русскаго вѣроисповѣданія; Марсъ (богъ войны у древнихъ язычниковъ) непостояненъ: въ случаѣ неудачи всѣ жители, сколько ихъ тутъ ни есть, станутъ нашими непріятелями; да если мы ихъ не приласкаемъ, то хотя бы и не сражались, такъ пришлось бы намъ опустить руки и потерять силы. Всего лучше стоять намъ гдѣ нибудь въ Украйнѣ, а между тѣмъ увѣдомить короля и пановъ, что хотя мятежниковъ никакихъ еще не нашли, но молва носится—и есть вѣрное доказательство, что скопище собрано; а вмѣстѣ просить, чтобы король формально приказалъ выступить въ походъ войску, назначенному оборонять Украйну. А что бы народъ здѣшній, пристально поглядывая на насъ, не забралъ себѣ въ голову, что у насъ не достаетъ присутствія духа, то мы пошлемъ въ степь сильный отрядъ, хорошо устроенный, подъ надежною командою, и прикажемъ ему не возвращаться до тѣхъ поръ, пока не отыщутъ непріятеля и не захватятъ плѣнниковъ, отъ которыхъ панъ гетманъ вывѣ-

даетъ, какова сила у мятежника и что онъ замышляетъ.

Такое мнѣніе было у большинства и потому оно взяло верхъ, при чемъ хвастливые паны не преминули похвастаться и здѣсь и среди ихъ слышались крики:

— Зачѣмъ много думать о разномъ сбродѣ?!

— Мы плетьми разгонимъ всю эту сволочь!

— Да,—говорилъ и Потоцкій,—стыдно посылать большое войско противъ какой-нибудь презрѣнной шайки отверженныхъ подлыхъ хлоповъ; чѣмъ меньше будетъ отрядъ, который истребитъ эту сволочь, тѣмъ больше славы!

Военный совѣтъ поляковъ кончился тѣмъ, что постановили собрать небольшой отрядъ, который по надеждамъ, возлагаемымъ на него поляками, долженъ былъ не только произвести развѣдки о казачьемъ войскѣ, но даже и истребить его.

Отрядъ, который долженъ былъ выступить противъ казаковъ былъ раздѣленъ на двѣ части. Одна изъ этихъ частей состояла изъ реестровыхъ казаковъ и на-

ходилась подъ начальствомъ Ильяша и Барабаша; эта часть отряда должна была плыть по Днѣпру на большихъ обитыхъ судахъ, называемыхъ байдаками.

Вмѣстѣ съ казаками на такихъ же байдакахъ ѣхала нѣмецкая пѣхота, которая называлась только по костюму нѣмецкою, на самомъ же дѣлѣ эти воины были такіе же русскіе, какъ и казаки, но только они были одѣты въ платье, схожее съ нѣмецкимъ, такъ какъ въ Польшѣ тогда господствовала привязанность къ иноземному.

Отпуская такимъ образомъ такую часть отряда, которая состояла изъ однихъ русскихъ, драться съ русскими же, поляки относились къ отправляемымъ ими воинамъ не особенно довѣрчиво и передъ отправленіемъ заставили ихъ поклясться въ вѣрности Польшѣ.

Другой отрядъ, или часть отряда, которой надо было отправляться сухимъ путемъ, состоялъ изъ поляковъ, хотя и въ немъ были русскіе, одѣтые въ форму драгуновъ; и съ этихъ драгуновъ передъ

отправленіемъ въ походъ также была взята присяга въ вѣрности.

Поляки и особенно молодежь польская ликовали, многіе молодые люди изъ знатныхъ польскихъ фамилій старались попасть въ этотъ отрядъ, въ полной надеждѣ покрыть славою свое оружіе въ битвахъ съ подлыми хлопами.

Общее увлеченіе коснулось и сына Потоцкаго, который сталъ просить отца, чтобы онъ назначилъ его начальникомъ отправляемаго отряда.

— Помилуй, отецъ,—говорилъ молодой Потоцкій,—мнѣ уже двадцать шесть лѣтъ, я называюсь воиномъ, но до сихъ поръ не участвовалъ ни въ походахъ, ни въ битвахъ! Долженъ же и я съ своей стороны прибавить сколько нибудь славы нашей фамиліи, хотя она славна и безъ моихъ подвиговъ.

— Хорошо, сынокъ, хорошо!—отвѣчалъ коронный гетманъ,—меня радуетъ твоя забота объ увеличеніи славы имени Потоцкихъ и твое желаніе послужить Польшѣ, я назначаю тебя начальникомъ отря-

да. Иди съ нимъ и пусть исторія напишетъ тебѣ славу!

Но хотя гетманъ Потоцкій и назначилъ своего двадцати-шестилѣтняго сына начальникомъ отряда, желая дать ему возможность увѣнчать свое чело марсовымъ вѣнкомъ, какъ принято было тогда говорить у поляковъ, тѣмъ не менѣе старикъ не могъ вполнѣ положиться на сына и потому далъ ему въ качествѣ руководителя и наставника казацкаго комиссара Шемберга, которому и былъ порученъ главный надзоръ за всѣми войсками.

Призвавъ къ себѣ сына Потоцкій взялъ съ него слово, что онъ во всемъ будетъ поступать согласно указаніямъ опытнаго Шемберга и слушаться его совѣтовъ.

Въ этомъ отрядѣ отправилось много особъ знатныхъ фамилій такъ же, какъ и молодой Потоцкій, думавшихъ увѣнчать свое чело марсовымъ вѣнкомъ.

Хвастливые и самонадѣянные поляки устроили цѣлый рядъ пиршествъ передъ отправленіемъ отряда въ походъ и чуть-ли не заранѣе поздравляли другъ друга

съ успѣхами и отличіями; такой легкою казалась имъ побѣда надъ казаками.

Не менѣе другихъ былъ самонадѣянъ и самъ коронный гетманъ Потоцкій, который передъ оправленіемъ отряда въ походъ между прочимъ говорилъ съ присущею ему гордостью и хвастливостью:

— Пройдите степи и лѣса, разорите Сѣчь, уничтожьте до тла презрѣнное скопище и приведите зачинщиковъ на праведную казнь!

Отрядъ наконецъ выступилъ.

На восьмой день своего пути отрядъ прибылъ къ Желтымъ водамъ, гдѣ уже находились казаки.

Замѣтивъ непріятельское войско, Потоцкій велѣлъ своему отряду остановиться и отрядъ остановился такъ, чтобы враждебныя другъ другу войска могли видѣть другъ друга и свободно наблюдать за движеніями каждый своего противника.

Потоцкій, а съ нимъ вмѣстѣ и другіе, опытные въ военномъ дѣлѣ поляки, предполагали, что казаки тотчасъ же нападутъ на нихъ и приняли всѣ мѣры къ отраженію этого нападенія.

Но къ большому удивленію поляковъ казаки не бросились съ дикими криками на враговъ, какъ это они дѣлали постоянно въ другое время.

Теперь казаки стройно и тихо стояли въ устроенномъ ими четвероугольникѣ, по всему было видно, что они вполнѣ готовы выдержать нападеніе; но сами они не выказывали никакихъ признаковъ того, что они начнутъ бой первыми: никто не выскакивалъ изъ ихъ рядовъ, никто не вызывалъ поляковъ на бой ни выстрѣломъ, ни насмѣшкою, что у казаковъ также примѣнялось. Какая-то невольная боязнь появилась среди поляковъ, какой-то невольный страхъ овладѣлъ ими при видѣ такого спокойствія казаковъ.

— Что бы это такое значило?—говорили одни.

— Вѣрно Хмѣльницкаго нѣтъ въ лагерѣ; ужъ не поѣхалъ ли онъ куда нибудь сбирать новое войско или не готовитъ ли намъ гдѣ нибудь засады?

— Да намъ же лучше, если казаки медлятъ и не начинаютъ битвы; мы дож-

демся прибытія того отряда, который поѣхалъ Днѣпромъ и тогда усилимся!

Дождались дѣйствительно поляки и пріѣзда тѣхъ, которыми начальствовалъ Барабашъ и которые ѣхали по Днѣпру; только не на радость себѣ дождались поляки прибытія этихъ войскъ.

4-го мая поляки увидали вдали пыль и замѣтили, что какіе-то люди спѣшно ѣдутъ на коняхъ; радость охватила тогда сердца поляковъ и они, думая, что къ нимъ спѣшатъ присоединиться Барабашевцы, заранѣе торжествовали свою побѣду и восхищались ею.

„Теперь, — говорили хвастливые паны, —ничего не стоитъ намъ побѣда; враги будутъ разбиты, и мы приведемъ къ пану гетману самого предводителя!“

Но слишкомъ рано начали торжествовать ляхи, не знали они той бѣды, какая готовилась имъ и той участи, какую они потомъ потерпѣли.

ГЛАВА IV.

Желтоводская битва.

Тѣ изъ поляковъ, которые удивлялись спокойствію и неподвижности казаковъ, предполагали, что Хмѣльницкаго нѣтъ въ лагерѣ были правы.

Хмѣльницкаго не было съ казаками; устроивъ ихъ, онъ поѣхалъ приводить въ исполненіе другое, задуманное имъ предпріятіе, удачное исполненіе котораго грозило полякамъ неминучею бѣдою.

Узнавъ, что отрядъ, отправленный поляками по Днѣпру, состоитъ почти что исключительно изъ однихъ русскихъ, Хмѣльницкій задумалъ привлечь этотъ отрядъ на свою сторону.

Еще до прибытія своего къ Желтымъ водамъ онъ разставилъ по надъ Днѣпромъ

на-сторожѣ казаковъ и татаръ и приказалъ имъ войти въ сношенія съ тѣми казаками, которые будутъ плыть съ Барабашемъ. Долго слѣдили разставленные по Днѣпру для наблюденій казаки и, наконецъ, замѣтили, что по рѣкѣ плыветъ одинъ байдакъ, который случайно, на очень значительное разстояніе опередилъ прочіе суда. Кромѣ той случайности, что этотъ байдакъ опередилъ другіе, была здѣсь и другая счастливая для Хмѣльницкаго случайность: этимъ байдакомъ начальствовалъ пріятель Хмѣльницкаго Кречовскій, тотъ самый полковникъ, который схватилъ его по приказанію Потоцкаго, подстрекаемый къ этому Чаплинскимъ и потомъ далъ своему другу ввзможность бѣжать.

Казаки оставленные Хмѣльницкимъ на берегу, дали знакъ остановиться казакамъ, ѣхавшимъ на байдакѣ. Байдакъ остановился.

— И не стыдно вамъ, братцы, ѣхать къ проклятымъ ляхамъ на помощь, воевать противъ православныхъ?!—закричали съ берега казаки Хмѣльницкаго.

— А вы кто такіе? — спросилъ ихъ Кречовскій.

— А насъ поставилъ тутъ батько Хмѣльницкій, чтобы мы образумливали православныхъ и отговаривали ихъ итти за поляковъ противъ своей же братіи.

Кречовскій узнавъ, что Хмѣльницкій недалеко, очень обрадовался; казаки же, бывшіе подъ начальствомъ Кречовскаго выказывали ясное желаніе соединиться съ запорожцами, но хотѣли лично видѣть Хмѣльницкаго и переговорить съ нимъ.

Лишь только узналъ объ этомъ Хмѣльницкій, какъ тотчасъ же на всѣхъ рысяхъ поскакалъ къ тому мѣсту, гдѣ остановился байдакъ.

Какъ самъ Кречовскій, такъ и подначальные ему казаки радостными криками встрѣтили приблизившагося къ нимъ Хмѣльницкаго.

Казаки тотчасъ же дали обѣщаніе соединиться съ Хмѣльницкимъ.

— Даемъ тебѣ обѣщаніе, — говорили они,—что мы склонимъ всѣхъ плывущихъ за нами казаковъ соединиться съ тобою; всѣ пойдемъ войною на поляковъ, а при-

сяга—намъ не присяга; ее насильно произнести заставилъ насъ коронный гетманъ. И Барабаша съ единомышленниками принудимъ, хоть онъ теплѣйшій пріятель ляхамъ.

Получивъ такое обѣщаніе отъ казаковъ Кречовскаго, Хмѣльницкій отправился обратно въ лагерь, а вмѣсто себя оставилъ увѣщевать барабашевцевъ одного казака, по имени Ганжу, человѣка ловкаго и расторопнаго.

Ганжа дождался прибытія остальныхъ барабашевцевъ и дѣйствительно началъ дѣйствовать очень умно и энергично, уговаривая казаковъ отстать отъ ляховъ.

— Мы идемъ за вѣру и за казачество, и за весь народъ русскій—кричалъ Ганжа, держа въ рукахъ знамя.—Силы наши не малы; позади насъ идетъ Тугай-Бей, мурза татарскій, всему свѣту извѣстный богатырь, съ своею ордою. Что это значитъ? вы будете проливать кровь своей братьи! Развѣ не одна мать Украйна породила васъ? За чѣмъ лучше вамъ стоять: за костелами, или за церквами Божіими? Коронѣ ли польской пособлять станете,

которая заплатитъ вамъ неволею, или матери своей Украйнѣ?

Слова Ганжи нашли себѣ подтвержденіе Кречовскаго и его казаковъ.

— О, до какого стыда дожили мы,— кричали казаки,—мы стали помогать нашимъ недругамъ противъ нашей братіи.

И вотъ, какъ передаетъ лѣтописецъ: *вспыхнулъ огонь ярости и гнѣва, и у всѣхъ шести тысячъ сталъ одинъ умъ, одно сердце.* Русскій, одѣтый по догдашнему обычаю поляковъ, въ нѣмецкое платье, бросилъ и началъ топтать знамя своей роты, вслѣдъ за нимъ послѣдовали и другіе казаки, тутъ же покидавшіе значки.

Тотчасъ началась расправа казаковъ съ тѣми начальниками, которые или были сами поляки или прежде слишкомъ потакали полякамъ. Во время этой расправы погибъ и гетманъ Барабашъ, его прокололъ копьемъ и бросилъ въ воду одинъ казакъ изъ крещеныхъ татаръ, по имени Джеджалыкъ.

Хмѣльницкій, лишь только получилъ извѣстіе о присоединеніи къ нему всѣхъ

барабашевцевъ, какъ тотчасъ же увѣдомилъ объ этомъ Тугай-Бея, а самъ отправился ко вновь присоединившемуся войску.

Онъ встрѣчалъ барабашевцевъ, сидя на бѣломъ конѣ и держа въ рукахъ бѣлое знамя, на которомъ было написано: „покой христіанству!“

— Кланяемся тебѣ,—кричали барабашевцы,—и приходимъ служить вѣрою и правдою церкви святой и матери нашей Украйнѣ!

— Братья, рыцари-молодцы!—отвѣчалъ Хмѣльницкій,—пусть будетъ вамъ вѣдомо, что мы взялись за сабли не ради одной славы и добычи, а ради обороны живота, женъ и дѣтей нашихъ. Всѣ народы защищаютъ жизнь свою и свободу; звѣри и птицы то же дѣлаютъ: на то Богъ далъ имъ зубы и когти. Или намъ оставаться невольниками въ собственной землѣ своей? Поляки отняли у насъ честь, вольность, вѣру — все это въ благодарность за то, что мы проливали кровь, обороняя и расширяя польское королевство! Не насъ ли они называютъ хлопами? Не они ли за-

мучили гетмановъ вашихъ и старшину? Бѣдные мученики, погибшіе отъ злодѣевъ, просятъ васъ отомстить за нихъ и за всю Украйну!

Съ громкими и торжественными криками вошли барабашевцы въ запорожскій лагерь.

Замѣтили и поляки измѣну барабашевцевъ и смутились тогда польскіе начальники, не зная, что дѣлать.

Одинъ изъ нихъ, Чарнецкій не потерялся и сказалъ:

— Измѣна лишила насъ надежды побѣдить—это правда; но сражаться мы еще можемъ; намъ нельзя съ малыми силами выбить казаковъ изъ лагеря, но можно ихъ удерживать; мѣсто, гдѣ они стали не совсѣмъ удобно: будемъ вести съ ними перестрѣлку, не допускать, чтобы пришли къ нимъ подобные бездѣльники изъ Украйны; а тѣмъ временемъ пошлемъ къ гетману извѣстить, что непріятеля нашли, но казаки намъ измѣнили; поэтому надобно больше войска, а особенно пѣхоты для штурма казацкаго лагеря. Пока мы

будемъ здѣсь сражаться противъ нихъ, подойдетъ коронное войско.

Такъ разсуждалъ Чарнецкій, къ мнѣнію котораго присоединились многіе, но не знали поляки, или, говоря словами современника „объ этомъ никому тогда не приснилось въ польскомъ лагерѣ,—что сзади ихъ стояли уже татары, перешедшіе Желтыя воды.

Хмѣльницкій еще утромъ послалъ гонца къ татарамъ съ просьбою, чтобы они поспѣшили и татары воспользовавшись ночною темнотою и неровнымъ мѣстоположеніемъ, зашли полякамъ въ тылъ и стали такъ, что поляки ихъ не примѣтили.

Хмѣльницкій же былъ своевременно увѣдомленъ о столь удачномъ передвиженіи татарской орды.

Теперь казаки уже не сохраняли своего прежняго оборонительнаго положенія, они заиграли въ трубы, забили въ котлы и приготовились къ наступленію.

Хмѣльницкій обратился къ войску съ такою рѣчью:

— Рыцари-молодцы! Славные казаки-запорожцы! Пришелъ теперь часъ за вѣ-

ру христіанскую постоять грудью.. Самъ Господь намъ поможетъ! Стойте смѣло противъ гордостной ляшской силы. Что-жъ, развѣ вы устрашитесь этихъ пугалъ въ въ леопардовыхъ кожахъ. Чѣмъ они васъ запугаютъ? — перьями на шапкахъ, что ли? Развѣ отцы наши не били ихъ? Вспомните славу дѣдовъ нашихъ, что разнеслась по всему свѣту! И вы одного съ ними дерева вѣтви! Покажите-жъ свое завзятье; добудьте славы и рыцарства вѣчнаго.—Кто за Бога, за того Богъ!

Началась кровавая битва, въ самомъ разгарѣ которой драгуны, бывшіе въ польскихъ войскахъ, неожиданно измѣнили полякамъ и перешли на сторону казаковъ. Такая измѣна произвела сильное смущеніе въ рядахъ поляковъ, и многіе изъ шляхтичей обратились было въ бѣгство.

Молодой Потоцкій,—надо отдать ему справедливость,—не растерялся и бросился уговаривать бѣжавшихъ шляхтичей. „Неужели, кричалъ Потоцкій,—вы хотите быть похожими на овецъ, разогнанныхъ волками? Лучше умереть въ битвѣ, чѣмъ

обратиться въ гнусное бѣгство и все-таки достаться въ пищу звѣрямъ!“

Польскіе ряды пришли въ нѣкоторый порядокъ, но теперь сами поляки приняли уже оборонительное положеніе и принялись отстрѣливаться, забравшись за свои обозы.

Начались переговоры о сдачѣ поляковъ.

— Что хотятъ казаки потребовать отъ нашего войска?—спрашивали поляки.

— Я ничего не требую отъ вашего войска,—отвѣчалъ Хмѣльницкій,—и нѣтъ мнѣ никакой необходимости дѣлать вамъ какія бы то ни было уступки; толковать же о нашихъ дѣлахъ мы съ вами не можемъ, потому что у васъ въ лагерѣ нѣтъ ни сенатора, ни уполномоченнаго, которому бы мы могли объяснить, что заставило насъ взяться за оружіе. А предложилъ я войти съ нами въ сношенія только потому, что мнѣ васъ жаль: отдайте намъ ваши пушки и идите себѣ спокойно домой!

Поляки собрали совѣтъ для обсужденія требованія Хмѣльницкаго.

— Надо пробиваться!—говорило меньшинство.

Большинство же, состоящее преимущественно изъ трусовъ, радо было отдѣлаться отъ казаковъ и сохранить свою жизнь уступкой орудій.

— Не для насъ только, но и для всего отечества будетъ выгодно, если мы уступимъ казакамъ какія-нибудь пушки, а сами потомъ своимъ присоединеніемъ къ главной арміи усилимъ ее!

Мнѣніе большинства взяло верхъ, и казаки получили пушки и старыхъ своихъ заложниковъ.

Поляки же пошли въ обратный путь въ Украйну, провожаемые почти по пятамъ казаками, которые не преслѣдовали ихъ, но какъ будто слѣдили за ними.

И тутъ поляки сдѣлались жертвою или хитрости со стороны казаковъ или собственнаго недоразумѣнья.

Поляки совершали договоръ съ казаками, которые и держали свое слово, не нападали на нихъ, но упустили поляки изъ виду, что у казаковъ были союзники—та-

тары, которые могли признавать и не признавать договоръ.

Такимъ образомъ поляки, провожаемые казаками, благополучно прошли около трехъ миль и достигли до покрытаго лѣсомъ урочища, называемаго Княжьими Байраками. Тутъ случилось нѣчто, совершенно неожиданное для поляковъ, заставившее содрогнуться и самыхъ храбрыхъ изъ нихъ. Неожиданно и въ высшей степени стремительно съ потрясающими воздухъ дикими криками: „Алла! алла!“ напала на поляковъ татарская орда.

Стрѣлы тучами полетѣли въ лицо плехтѣ, пробивали насквозь и калѣчили людей и лошадей; поляки ускорили походъ, но вошли въ яръ и не могли сдѣлать шагу; путь лежалъ черезъ буераки, покрытые мелкимъ лѣсомъ; казаки, забѣжавъ впередъ, порыли землю, набросали дерева и каменьевъ и сдѣлали дорогу совершенно непроходимою; свернуть въ сторону было невозможно; кони падали, возы съ колесами уходили въ илистую землю.

Къ довершенію такого отчаяннаго положенія поляковъ Тугай-Бей взялъ у ка-

заковъ пушки, отданныя имъ поляками и началъ стрѣлять въ поляковъ изъ ихъ же собственныхъ орудій.

Молодой Потоцкій, уже тяжело раненый, старался удержать поляковъ и поднять ихъ упавшій духъ.

— Ужъ такова судьба наша,—говорилъ Потоцкій,—мы пропали, но не отъ собственной вины. Гнусная измѣна лишила насъ побѣды; осталась намъ честная смерть. Я рѣшаюсь лучше пасть подъ оружіемъ, чѣмъ подлою сдачею показать ничтожность души передъ гордымъ врагомъ, или раздраженнымъ отцомъ.

Самыя отчаянныя усилія поляковъ не повели ни къ чему; всѣ они или были перебиты, или же взяты въ плѣнъ.

Попались въ плѣнъ и раненый Потоцкій съ другими военачальниками: Шембергомъ, Сапѣгою и Чарнецкимъ.

Молодой Потоцкій умеръ на другой же день отъ ранъ, а Шамбергъ, Сапѣга и Чарнецкій были отправлены въ занятый тогда уже казаками Чигиринъ, гдѣ Хмѣльницкій приказалъ обращаться съ плѣнни-

ками человѣколюбиво, такъ какъ рѣшеніе ихъ судьбы онъ хотѣлъ предоставить радѣ.

Въ народныхъ пѣсняхъ украинскаго народа между прочимъ такъ говорится о пораженіи поляковъ у Желтыхъ водъ и у Княжьихъ-Байраковъ: „Отъ Желтыхъ водъ до Княжихъ-Байраковъ зеленое поле зарябилось не цвѣтами, весенними а тѣлами панскими; лежали паны, *выцеривши* зубы, и ѣли ихъ собаки и сѣрые волки; не по-одномъ заплакали дѣти сироты. Высыпался хмѣль изъ мѣшка, надѣлалъ бѣды панамъ; напились они желтой водицы, да, видно, хмѣлю было много наложено: не устояли паны на ногахъ, когда бѣжать пустились“.

Казаки торжествовали, но въ лагерѣ короннаго гетмана не знали еще о пораженіи отряда, отправленнаго подъ начальствомъ молодого Потоцкаго.

ГЛАВА V.

Мрачное предчувствіе.

Чаплинскій совершенно успокоился, когда, по его-же указанію, полковникъ Кречовскій арестовалъ Хмѣльницкаго.

Простившись съ Кречовскимъ и заранѣе поздравивъ его съ наградою, которую онъ долженъ получить за поимку столь важнаго государственнаго преступника, какъ Хмѣльницкій, нарушающій покой всей Польши, Чаплинскій поторопился возвратиться домой.

Послѣ долгихъ опасеній за свою жизнь Чаплинскій могъ наконецъ вздохнуть свободно; одно только смущало его—это упорное нерасположеніе и даже ненависть къ нему Ольги.

„И что я сдѣлалъ этимъ бракомъ съ

Ольгою?—разсуждалъ самъ съ собою Чаплинскій,—поторопился я тогда сгоряча и мнѣ надо-бы было подождать вѣнчаться съ нею; а то я теперь ни холостъ, ни вдовъ, ни женатъ. Думаю однако, что Ольга одумается, узнавъ о томъ, что Хмѣльницкій теперь схваченъ; вѣдь его ждетъ висѣлица.

По пріѣздѣ домой Чаплинскій не зналъ, съ кѣмъ бы ему раздѣлить свою радость объ арестѣ Хмѣльницкаго: не съ слугами-же ему толковать объ этомъ, а равныхъ себѣ у Чаплинскаго подъ рукою не было.

Чаплинскій, благодаря тому обстоятельству, что онъ между прочимъ завѣдывалъ и богатыми погребами Конецпольскаго былъ очень гостепріименъ и потому не могъ пожаловаться на ровнодушное отношеніе къ нему со стороны окрестныхъ шляхтичей.

Очень часто домъ Чаплинскаго былъ полонъ этими гостями, которые, пользуясь гостепріимствомъ хозяина и смакуя вина конецпольскихъ погребовъ, разсуждали подолгу о величіи и значеніи Рѣчи Посполитой и нерѣдко воинскія пѣсни огла-

шали домъ гостепріимнаго хозяина. Но въ послѣднее время посѣщенія шляхтичами Чаплинскаго становились все рѣже и рѣже и наконецъ совсѣмъ прекратились.

Чаплинскому, не привыкшему къ одиночеству, приходилось привыкать къ нему.

Мрачный ходилъ онъ тогда по комнатамъ своего дома и бранилъ въ душѣ, а иногда и вслухъ своихъ сосѣдей, не казавшихъ къ нему глазъ.

„Трусы, право, трусы, отговариваются дѣлами и будто изъ-за дѣлъ не могуть посѣтить меня. Знаю я, что это такое за дѣло! Говорили бы прямо: боимся, молъ, Хмѣльницкаго и потому не высовываемъ носа изъ своихъ берлогъ и не ѣдемъ къ тебѣ. И какъ не стыдно имъ называться польскими шляхтичами, если они боятся какого-нибудь презрѣннаго хлопа!“

Панъ Чаплинскій такъ обрадовался аресту Хмѣльницкаго, что позабылъ о томъ какъ онъ трепеталъ въ послѣднее время даже тогда, когда при немъ называлъ кто-нибудь Богдана по имени, позабылъ и о томъ, что изъ болзни мести со

стороны Хмѣльницкаго онъ обратилъ свой домъ въ укрѣпленный замокъ и ложился спать не иначе, какъ осмотрѣвъ весь домъ и свое оружіе, съ которымъ онъ не разставался даже и по ночамъ.

Но вѣдь теперь Хмѣльницкій арестованъ и не сегодня, такъ завтра будетъ повѣшенъ; отчего-же тогда не похрабриться и не назвать трусами сосѣдей!

„Однако скучно одному, чортъ возьми! и не съ кѣмъ подѣлиться этою пріятною новостью объ арестѣ подлаго хлопа Богдана,—мечталъ Чаплинскій,—надо будетъ послать къ сосѣдямъ приглашенія, чтобы они посѣтили меня, да не забыть упомянуть въ приглашеніяхъ о томъ, что Хмѣльницкій схваченъ, а то пожалуй изъ этихъ храбрецовъ опять никто не посмѣетъ высунуть носа изъ берлоги!“

Приглашенія къ окрестнымъ шляхтичамъ были посланы, и Чаплинскій сталъ дѣятельно готовиться къ пирушкѣ, разсчитывая этою пирушкою вознаградить себя за долгое время уединенія и одиночества.

„Все равно, какъ подъ арестомъ

былъ,—съ улыбкою думалъ про себя Чаплинскій,—но вотъ и конецъ моему глупому аресту. Теперь арестованъ мой врагъ, но и ему не долго придется томиться въ одиночествѣ, ясновельможный панъ Потоцкій не замедлитъ прислать полковнику Кречовскому приказаніе вздернуть Богдана на первой-же осинѣ. Давно бы пора такъ! Если подумаешь, сколько хлопотъ и безпокойства доставилъ мнѣ этотъ презрѣнный хлопъ съ тѣхъ поръ, какъ судьбѣ угодно было столкнуть меня съ нимъ, то вся кровь ключемъ закипаетъ въ жилахъ. Ахъ, какъ жаль, что Хмѣльницкій теперь не въ моихъ рукахъ! Дорого бы я далъ за это! Развѣ повѣшеніе—казнь, достойная Хмѣльницкаго? Нѣтъ, если бы онъ былъ въ моихъ рукахъ, то я не побаловалъ бы его повѣшеніемъ, я бы вытянулъ одну за другою всѣ его жилы, все тѣло его я жегъ бы на медленномъ огнѣ; о, я придумалъ бы ему такія пытки, что онъ, не смотря на все свое упрямство, сталъ бы пресмыкаться у моихъ ногъ и вымаливать у меня пощады и прощенія! Вѣдь онъ, одинъ только

онъ виноватъ въ томъ, что я до сихъ поръ не могу добиться сочувствія къ себѣ Ольги!“

Окрестные шляхтичи очень обрадовались, получивъ приглашеніе Чаплинскаго; они, конечно, радовались не самому приглашенію, такъ какъ знали, что они всегда и безъ приглашенія будутъ желанными гостями въ домѣ гостепріимнаго Чаплинскаго; шляхтичей обрадовало увѣдомленіе Чаплинскаго объ арестѣ Хмѣльницкаго.

Лишь только поднялись слухи о возстаніи, какъ всѣ живущіе въ Украйнѣ паны, шляхтичи и арендаторы сильно призадумались и поджали хвосты.

Имъ надо было быть готовымъ ко всему, такъ какъ было рѣшительно неизвѣстно, гдѣ и когда могла появиться какая-нибудь шайка хлоповъ; а поляки по примѣру прежнихъ возстаній знали, какъ расправлялись возставшіе украинцы съ своими притѣснителями.

Шляхтичи - сосѣди Чаплинскаго укрѣпили свои дома, вооружили слугъ и то и дѣло разсылали въ разныя стороны развѣдчиковъ, которые должны были преду-

преждать ихъ въ случаѣ появленія казаковъ гдѣ-нибудь поблизости.

Собственныя-же свои поѣздки они прекратили окончательно и выѣзжали развѣ только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ и то, если поѣздка была не дальняя, да и ѣхали они не иначе какъ днемъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ и вооруженныхъ слугъ, на всякій случай.

Нѣкоторымъ изъ шляхтичей приходилось въ это время встрѣчаться съ Чаплинскимъ, который горячо упрекалъ ихъ за то, что они совсѣмъ позабыли дорогу къ его дому.

„Эге,—думали шляхтичи, оправдываясь дѣлами по хозяйству,—насъ, братъ, ты теперь не дозовешься. Смѣшно будетъ опасаться волка и ѣхать туда, гдѣ положена для него приманка. А вѣдь ты теперь для Хмѣльницкаго то-же, что для волка приманка: волкъ такъ скоро не подойдетъ къ приманкѣ, какъ Хмѣльницкій налетитъ на тебя. Не такіе у васъ съ Хмѣльницкимъ счеты, чтобы онъ могъ позабыть ихъ. Спасибо, панъ, за угощеніе, а мы у тебя не гости до тѣхъ поръ, пока живъ и поль-

зуется свободой Хмѣльницкій. Спора нѣтъ, что вина Конецпольскаго очень хороши, но мы предпочтемъ не отвѣдывать ихъ, чемъ подвергать опасности свою шкуру!“

Такъ думали одни изъ сосѣдей Чаплинскаго, но между ними находились и такіе, которые отъ души желали, чтобы Хмѣльницкій скорѣе нападалъ бы на владѣнія Чаплинскаго и свелъ бы съ нимъ свои счеты.

„Хоть бы скорѣе навѣстилъ своего пріятеля, сосчитался бы съ нимъ, какъ онъ хочетъ,—думали эти сосѣди,—и, отправился бы далѣе, тогда мы были бы покойны!“

И вотъ въ такое-то время они получаютъ отъ Чаплинскаго извѣстіе объ арестѣ Хмѣльницкаго.

Какъ тяжкое бремя скатилось съ души у шляхтичей: теперь уже не надо такъ безпокоиться о собственной шкурѣ, теперь отчего-же не посѣтить и гостепрімнаго Чаплинскаго, не посмаковать у него винъ изъ погребовъ Конецпольскаго и не потолковать о храбрости поляковъ и о величіи Рѣчи Посполитой.

Къ назначенному Чаплинскимъ дню почти всѣ сосѣди были въ его домѣ.

Чаплинскій послѣ долгаго поста собрался угостить своихъ пріятелей на славу; всего было наготовлено вдоволь и одно только обстоятельство омрачало торжественное настроеніе Чаплинскаго: Ольга не смотря ни на какія, даже на самыя униженныя просьбы его не соглашалась выдти къ гостямъ и принять участіе въ пирѣ, какъ хозяйка.

Постоянное отсутствіе на пирахъ хозяйки очень смущало Чаплинскаго передъ гостями, которымъ онъ и виду не подавалъ, что Ольга ненавидитъ его и передъ которыми выставлялъ себя за счастливаго мужа.

— А что-же, панъ, не выйдетъ къ намъ хозяйка и не освѣтитъ нашу компанію своимъ присутствіемъ?—спрашивалъ иногда у Чаплинскаго кто-нибудь изъ гостей.

— Увы,—отвѣчалъ Чаплинскій,—моя Ольга сама горитъ желаніемъ имѣть счастье познакомиться съ панами моими товарищами, но къ сожалѣнію она больна.

— Какъ жаль, что прелестная панна столь долгое время терпитъ отъ недуга; ей-бы побывать въ Варшавѣ и обратиться тамъ къ извѣстнѣйшимъ докторомъ.

— Я самъ уже давно думаю объ этомъ,— лгалъ Чаплинскій,—и какъ только позволятъ обстоятельства, то и поѣду въ Варшаву, гдѣ надѣюсь пробыть до ея излѣченія.

Чаплинскій пока ничего не говорилъ Ольгѣ объ арестѣ Хмѣльницкаго, онъ зналъ, какъ поразитъ ее это извѣстіе и потому приберегалъ его къ тому времени, когда ему понадобится сильнѣе уколоть Ольгу.

— Умоляю тебя, Ольга, выдти сегодня къ намъ!—упрашивалъ Чаплинскій Ольгу, когда уже всѣ съѣхались.

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣчала Ольга,—такъ и знай, что никогда я не буду выставлять себя за хозяйку этого дома, который мнѣ такъ-же противенъ, какъ и ты.

— Но вѣдь ты меня позоришь передъ гостями!—едва могъ произнести Чаплинскій, губы котораго посинѣли и тряслись отъ злобы.

— Я? Позорю тебя? И ты смѣешь мнѣ говорить это? Да что-же и кто-же можетъ опозорить презрѣннаго вора, грабителя чужихъ имѣній?!—воскликнула Ольга.

Злоба Чаплинскаго не поддавалась описанію и неизвѣстно, какъ-бы онъ отомстилъ Ольгѣ, если бы въ сосѣдней комнатѣ не было гостей.

— Такъ знай-же!—придя нѣсколько въ себя, сказалъ Чаплинскій,—такъ знай-же, ради чего мы собрались сегодня сюда: мы празднуемъ арестъ подлаго хлопа Богдана и его скорую смерть. Хмѣль теперь привязанъ къ тычинкѣ и скоро, по приказанію короннаго гетмана будетъ качаться на висѣлицѣ. Ха-ха-ха!

И Чаплинскій съ дикимъ, злобнымъ хохотомъ вышелъ изъ комнаты Ольги, оставивъ ее, какъ пораженную громомъ, извѣстіемъ объ арестѣ Богдана его врагами—поляками.

Придя нѣсколько въ себя, Ольга сначала предположила, что слухъ объ арестѣ Богдана—простая выдумка, которую Чаплинскій нарочно передалъ ей со злости, чтобы напугать и помучить ее.

„Не можетъ быть, чтобы Богданъ былъ схваченъ,—разсуждала Ольга,—вѣдь идетъ же слухъ о томъ, что онъ поднимаетъ возстаніе и что къ нему со всѣхъ сторонъ Украйны стекается и простой народъ и казаки. Какъ же могутъ схватить его теперь поляки, когда онъ постоянно окруженъ народомъ?“

Такъ думала Ольга, стараясь успокоить себя; но успокоить себя ей не удавалось, такъ какъ вслѣдъ за такими мыслями у нея появлялись и другія, которыя заставляли обливаться кровью ея сердце.

„Да всегда-ли Богданъ бываетъ окруженъ народомъ, — продолжала думать она,—онъ такой безстрашный и иногда даже любитъ оставаться однимъ. Вотъ тутъ-то и могутъ схватить его поляки!“

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ собрались всѣ приглашенные Чаплинскимъ шляхтичи, становилось все шумнѣе и шумнѣе: слышны были веселые возгласы, а иногда кто-нибудь изъ гостей начиналъ пѣсни.

„Вотъ самый лучшій способъ рѣшить мое недоумѣніе относительно судьбы Богдана: подслушать, что говорятъ между

собою эти пьяницы; если они могутъ лгать нарочно для меня и при мнѣ, то между собою-то они навѣрно говорятъ правду.“

И Ольга, подойдя къ двери, стала прислушиваться.

Нѣкоторое время о Богданѣ не упоминалъ никто изъ гостей; но вотъ кто-то сиплымъ басомъ обратился къ Чаплинскому:

— Панъ Чаплинскій, а за тобой вскорѣ будетъ другое угощеніе, получше этого!

— Когда же и за что?

— А когда этого бездѣльника вздернутъ.

— Ха-ха-ха!—захохоталъ Чаплинскій.

— Надо же намъ будетъ справить поминки о Богданѣ Хмѣльницкомъ!

Теперь Ольга поняла, что извѣстіе объ арестѣ Хмѣльницкаго не было ложно; она, шатаясь отошла отъ двери, съ трудомъ дошла до дивана и упала на него почти что безъ чувствъ.

„Неужели же Богданъ теперь пропалъ для свѣта и для меня? Тогда для чего же мнѣ остается жить на свѣтѣ и терпѣть приставанія Чаплинскаго; изъ-за

этихъ приставаній я давно-бы лишила себя жизни, если-бы меня не привязывала къ ней какая-то необъяснимая надежда, что рано или поздно, а я все-таки увижусь съ Богданомъ.“

А шляхтичи продолжали говорить о предполагаемой казни Хмѣльницкаго.

— Мало эту собаку только повѣсить, сначала бы, его надо было попытать чуть-ли не до смерти,—кричалъ Чаплинскій возбужденнымъ отъ вина голосомъ.

— Ха-ха-ха!—смѣялся сиплый басъ,—тебѣ бы его дать теперь въ руки, ты бы съ нимъ раздѣлался.

— О, я-бы...—вскрикнулъ Чаплинскій и не докончилъ, а только грозно потрясъ приподнятымъ кулакомъ.

— Ты-бы, ты-бы!—кричалъ также порядкомъ подвыпившій панычъ, съ женоподобнымъ лицомъ.—Намъ дѣла нѣтъ до того, чтобы тогда ты сдѣлалъ, хотя мы увѣрены въ томъ, что хлопу Хмѣльницкому тогда бы не поздоровилось и что онъ не имѣетъ никакого желанія попасть въ твои руки. Съ тебя пусть будетъ довольно и того, что его повѣсятъ. Приго-

товляйся-ка лучше къ его поминкамъ и скажи намъ, когда пріѣзжать къ тебѣ поминать его?

— Я всегда радъ видѣть у себя ясновельможныхъ пановъ,—началъ затронутый нѣсколько Чаплинскій,—я всегда для нихъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; но для меня очень странно, что всѣ говорятъ о томъ только, что смерть этого хлопа Богдана будетъ пріятна для меня. Какъ будто-бы этотъ презрѣнный хлопъ только мой личный врагъ? Какъ будто бы онъ не врагъ всей Рѣчи Посполитой? Какъ будто бы онъ не врагъ и вамъ, паны, и какъ будто бы для васъ все равно, живъ ли этотъ хлопъ или качается на висѣлицѣ?

— Про это никто не говоритъ,—кричалъ кто-то изъ гостей:—всѣ знаютъ, что этотъ хлопъ былъ врагомъ всей Рѣчи Посполитой; но всѣ мы знаемъ и про то, что Богданъ глядѣлъ на тебя, какъ котъ на сало; и будь онъ на свободѣ, то конечно пожаловалъ бы къ тебѣ къ первому!

— А посмотрѣли бы вы тогда, какъ бы я принялъ его,—началъ храбриться Чаплинскій, подергивая съ воинственнымъ

видомъ свои длинные усы,—посмотрѣли бы вы, какой пріемъ сдѣлалъ бы я этому хлопу и всей сволочи, которая около него. Развѣ у меня мало слугъ или оружія? О, я разметалъ бы ихъ орду!....

— Радуюсь, что можетъ быть въ очень скоромъ времени панъ Чаплинскій докажетъ свои слова на дѣлѣ,—вдругъ раздался голосъ Ольги, совершенно неожиданно вошедшей въ комнату, гдѣ находились пирующіе.

Увидавъ ее, они поднялись съ своихъ мѣстъ и въ смущеніи глядѣли то другъ на друга, то на нее.

Нѣкоторое время въ комнатѣ царило молчаніе, которое прервала опять Ольга.

— Радуюсь,—повторила она,—что пану Чаплинскому быть можетъ въ очень скоромъ времени придется доказать на дѣлѣ справедливость своихъ словъ о томъ, какой пріемъ онъ сдѣлаетъ Хмѣльницкому!

Смущеніе и недоумѣніе гостей увеличилось.

— Объясни намъ, что значатъ твои слова, мы совершенно не понимаемъ ихъ?—воскликнулъ Чаплинскій, удивленный бо-

лѣе всѣхъ гостей такимъ неожиданнымъ появленіемъ Ольги и ея словами.

— Объясненій не надо никакихъ,—громкимъ голосомъ сказала Ольга,—достаточно двухъ словъ: Хмѣльницкій на свободѣ, теперь каждый изъ васъ можетъ ожидать его появленія около своихъ владѣній!

Сказавъ это, Ольга отодвинулась нѣсколько въ уголъ комнаты и наблюдала за тѣмъ эффектомъ, который произвели ея слова на пирующихъ.

ГЛАВА VI.

Подруга по несчастію.

А эффектъ, произведенный ея заявленіемъ о свободѣ Хмѣльницкаго былъ чрезвычайный.

Онъ сразу же прогналъ хмѣль у всѣхъ собравшихся шляхтичей. Вскочили даже двое тѣхъ изъ нихъ, которые были пьяны на столько, что не могли подняться при появленіи Ольги въ комнату.

Гости стояли въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, но на лицахъ всѣхъ ихъ было видно одно и то-же чувство испуга и страха.

— Этотъ хлопъ удралъ? — спросилъ, наконецъ, полякъ, говорившій сиплымъ басомъ.

— Какой-же хлопъ?—вспылила Ольга,—

развѣ онъ не такой-же панъ, какъ и всѣ прочіе? Развѣ и самъ король не знаетъ его, какъ войсковаго писаря войска запорожскаго?!

Въ комнатѣ, въ которой еще такъ недавно было оживленіе и веселіе, наступило неловкое, тяжелое молчаніе: у всѣхъ пирующихъ на языкѣ были совершенно готовыя сорваться слова ругательства по адресу Хмѣльницкаго, но всѣ они въ то же время знали о тѣхъ отношеніяхъ, которыя были ранѣе между хозяйкою дома и Хмѣльницкимъ и потому молчали изъ нежеланія сказать непріятное для Ольги. Молчалъ и не нашелся, что отвѣчать Ольгѣ и тотъ полякъ съ сиплымъ басомъ, который при ней назвалъ Хмѣльницкаго хлопомъ; онъ стоялъ опустивъ голову и оттягивалъ внизъ свои длинные усы.

— Быть не можетъ, чтобы онъ убѣжалъ!—воскликнулъ Чаплинскій.—Кречовскій очень хорошо знаетъ, какую птицу онъ поймалъ и навѣрно слѣдитъ за нимъ въ оба. Тебѣ кто передалъ объ этомъ?—спросилъ онъ у Ольги.

— Тѣ-же люди, которые и тебѣ скоро

передадутъ объ этомъ,—отвѣчала Ольга; —они сюда нарочно и пріѣхали съ цѣлью передать тебѣ эту новость.

— Ну, какъ ты могла узнать объ этомъ ранѣе?

Ольгѣ не пришлось отвѣчать на этотъ вопросъ, такъ какъ вниманіе Чаплинскаго и другихъ было отвлечено двумя лицами, одѣтыми въ костюмъ польскихъ всадниковъ, которые позвякивая оружіемъ вошли въ комнату.

— Э-э, да у васъ тутъ идетъ знатная пирушка!—сказалъ одинъ изъ вошедшихъ всадниковъ,—а у насъ, чортъ возьми, во рту пересохло.—Здравствуй, хозяинъ, что ты стоишь, какъ окаменѣлый и не встрѣчаешь меня; встрѣчай же и поскорѣе постарайся промочить мое горло и горло моего товарища!

— Панъ Казимиръ! Вотъ неожиданность! — воскликнулъ Чаплинскій.—Откуда тебя занесло ко мнѣ?

— Горло, горло промочить прежде!— настаивалъ тотъ, кого Чаплинскій назвалъ Казимиромъ.

Чаплинскій налилъ два вмѣстительныхъ

бокала и поднесъ ихъ пану Казимиру и его товарищу.

— Здоровье хозяйки дома! — воскликнулъ панъ Казиміръ и вскинулъ глазами на то мѣсто, гдѣ стояла Ольга, но къ удивленію своему не увидалъ ее уже тамъ.

Ольга, воспользовавшись тѣмъ, что вниманіе всѣхъ было обращено на двухъ вошедшихъ въ комнату всадниковъ, незамѣтно вышла изъ комнаты.

— Ба! Да ея ужъ и нѣтъ, — воскликнулъ Казиміръ,—ну тогда вѣдь можно пить и за отсутствующихъ.

Выпивъ бокалъ и крѣпко крякнувъ Казиміръ сказалъ собранію, очевидно ждавшему отъ него чего-то.

— А я, паны, къ вамъ съ недоброю вѣстью: Хмѣльницкій бѣжалъ и теперь того и гляди, что появится со своею сволочью гдѣ-нибудь въ вашихъ окрестностяхъ. Панъ Чаплинскій, ты прикажи-ка приготовить мнѣ съ товарищемъ гдѣ-нибудь ночлегъ; мы сейчасъ же ляжемъ, а завтра чуть свѣтъ выѣдемъ!

Шляхтичи, бывшіе въ гостяхъ у Чап-

линскаго, стали одинъ за другимъ прощаться съ Чаплинскимъ.

„Трусы, — подумалъ Чаплинскій:—едва только услыхали о томъ, что Хмѣльницкій на свободѣ, то уже и торопятся покинуть меня".

— Вотъ что, панъ-куманекъ,—сказалъ одинъ шляхтичъ, невысокаго роста съ сѣдыми усами, отводя при прощаніи Чаплинскаго нѣсколько въ сторону,—прими-ка ты къ свѣдѣнію мой добрый совѣтъ, находи себѣ мѣстечко гдѣ-нибудь около главной арміи Потоцкаго: тамъ тебѣ будетъ куда безопаснѣе, чѣмъ тутъ!

— Ну вотъ еще!—хвастливо отвѣчалъ Чаплинскій, а самъ между прочимъ благодарилъ въ душѣ старика-пана за добрый совѣтъ.

Скоро всѣ покинули Чаплинскаго, онъ одинъ стоялъ среди остатковъ пиршества и думалъ, чтобы ему предпринять въ виду слуха объ освобожденіи его врага.

Но какимъ же образомъ вѣсть о побѣгѣ Хмѣльницкаго могла дойти до Ольги скорѣе, чѣмъ до самого Чаплинскаго.

Для того чтобы отвѣтить на этотъ воп-

рось, намъ надо сказать нѣсколько словъ о томъ, что случилось съ Марусей, послѣ того какъ она вошла въ домъ Чаплинскаго.

Анна, такъ звали племянницу попадьи, была очень рада увидѣть Марусю и потому что она принесла ей извѣстіе объ ея теткѣ и дядѣ, а еще и потому, что находясь постоянно въ кругу полекъ, она съ удовольствіемъ встрѣчала каждый случай побесѣдовать съ русской.

— Оставайся, Маруся, у насъ и помогай мнѣ по хозяйству, намъ обѣимъ будетъ хорошо: мнѣ веселѣе и охотнѣе съ тобою, а тебѣ безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Мужъ мой Болеславъ, тебѣ понравится, это очень славный человѣкъ, ему бы русскимъ быть, а не полякомъ!

Маруся, оставшись у Анны, стала совершенно свободно ходить повсюду и вскорѣ, увидавъ, что ей не грозитъ никакой опасности, а также, вспомнивъ и о томъ, что теперь и мать ея въ совершенной безопасности, такъ какъ нѣтъ уже въ живыхъ ихъ врага, Грицки, совершенно по-

веселѣла и частенько можно было слышать ея звонкій голосъ, напѣвавшій грустныя украинскія пѣсни, въ которыхъ дѣвушка вспоминала о своей разлукѣ съ Аѳонасомъ.

— Кто это такое тутъ поетъ? — спросила однажды Ольга у Чаплинскаго.

— Это къ управляющему конюшней пріѣхала одна родственница; душу она вымотала всѣмъ своими пѣснями. Если и тебя онѣ безпокоятъ, то я прикажу, чтобы она молчала,—сказалъ Чаплинскій.

— Мнѣ нравятся ея пѣсни, пусть поетъ, — возразила Ольга,—да пусть она придетъ ко мнѣ!

Маруся въ тотъ же день явилась къ Ольгѣ, разсказала ей о своей разлукѣ съ Аѳонасомъ и вообще о своей горькой судьбѣ; сразу же она понравилась Ольгѣ, которая разсказала ей о себѣ и съ тѣхъ поръ Маруся почти что постоянно находилась при Ольгѣ.

Панъ Казимиръ, пріѣхавъ на дворъ Чаплинскаго, прежде всего зашелъ къ Болеславу, которому и упомянулъ въ разговорѣ о побѣгѣ Хмѣльницкаго; Маруся

была тутъ же и услыхавъ эту новость, тотчасъ же бросилась къ Ольгѣ, думая порадовать ее.

Къ Ольгѣ она пришла, какъ нельзя больше во-время: Ольга, убѣдившись изъ подслушанныхъ ею разговоровъ пирующихъ шляхтичей, что Хмѣльницкій дѣйствительно схваченъ, лежала безъ чувствъ на диванѣ и нуждалась въ посторонней помощи.

— Боже мой, что такое съ панной!— воскликнула Маруся, увидавъ Ольгу, лежавшую безъ чувствъ.

Сейчасъ же она принесла воды, растегнула платье Ольги и начала приводить ее въ чувство.

— Голубушка, панна, а я-то торопилась было къ тебѣ съ радостной вѣсточкой!—говорила Маруся.

— Съ какою же?—спросила нѣсколько оправившаяся Ольга.

— Да вѣдь батько-то Богданъ, сказываютъ, въ тюрьмѣ былъ, а теперь онъ изъ тюрьмы-то бѣжалъ, и опять гуляетъ на просторѣ по Украйнѣ!

— Что ты? Да отъ кого ты это слы-

хала—воскликнула Ольга и вскочила съ дивана, какъ ни въ чемъ не бывала.

Тогда Маруся разсказала Ольгѣ о разговорѣ Болеслава съ Казимиромъ; Ольга же поторопилась войти въ комнату пирующихъ, чтобъ отомстить Чаплинскому, нанесшему ей злобный ударъ извѣстіемъ объ арестѣ Хмѣльницкаго и объявить ему и его товарищамъ извѣстіе о побѣгѣ Хмѣльницкаго изъ тюрьмы.

ГЛАВА VII.

Забота о спасеніи.

Мы видѣли уже, какъ скоро прекратили свое пиршество шляхтичи бывшіе у Чаплинскаго, когда до нихъ дошло извѣстіе о побѣгѣ Хмѣльницкаго и съ какою поспѣшностью они начали прощаться съ гостепріимнымъ хозяиномъ, говоря, что имъ пора ѣхать.

Собственно говоря, никому изъ нихъ не предстояло необходимости торопиться своимъ отъѣздомъ и многіе изъ нихъ не прочь бы были и переночевать въ домѣ Чаплинскаго, если бы не извѣстіе, привезенное паномъ Казимиромъ и еще ранѣе переданное имъ Ольгою. Всѣ они считали себя у Чаплинскаго, какъ бы сидящими на бочкахъ съ порохомъ и по-

тому торопились поскорѣе выбраться изъ столь опаснаго мѣста.

Чаплинскій также, проводивъ гостей и улегшись на своей постели, почувствовалъ, что къ нему воротился прежній страхъ за свою жизнь.

Онъ ворочался съ бока на бокъ и долго не могъ уснуть, хмѣль окончательно вышелъ у него изъ головы и онъ теперь обдумывалъ, какія бы мѣры принять ему противъ нападенія Хмѣльницкаго, и самое лучшее куда бы ему скрыться подалѣе отъ своего врага, который опять такъ неожиданно очутился на свободѣ.

„Да что же я за болванъ!“—воскликнулъ Чаплинскій, вскакивая съ постели,—думаю, какія предпринять мѣры противъ Хмѣльницкаго, а самъ пока не предпринялъ и не предпринимаю ничего. Я не сдѣлалъ никакихъ распоряженій на всякій случай по хозяйству и по дому. Вѣдь этотъ чортъ Хмѣльницкій рыскаетъ небось теперь съ своею сволочью повсюду и его надо ждать не только каждый день, но каждый часъ, каждую минуту. Онъ можетъ и теперь нагрянуть на насъ! Пойти

сейчасъ же разбудить дворецкаго и сказать ему, чтобы онъ выслалъ разъѣзды, которые бы ѣздили около дома, да поставилъ бы однихъ слугъ на стражѣ, а другимъ бы велѣлъ вооружиться и быть наготовѣ".

Чаплинскій всталъ, накинулъ на себя кунтушъ и торопливо прошелъ въ помѣщеніе, занимаемое дворецкимъ и разбудивъ его, объяснилъ ему въ чемъ дѣло.

— А я ужъ думалъ, что этого безпокойнаго хлопа повѣсили, — сказалъ дворецкій, съ неудовольствіемъ одѣваясь, чтобы итти исполнять приказаніе Чаплинскаго.—Живучъ же однако этотъ дьяволъ!

— До тѣхъ поръ живучъ,—сказалъ Чаплинскій, старавшійся казаться храбрымъ въ глазахъ дворецкаго,—до тѣхъ поръ живучъ, пока не нарвался на насъ!

— Ну, панъ, избави Богъ насъ отъ него; чортъ съ нимъ, пусть онъ тамъ гдѣ нибудь безобразничаетъ, только не появлялся бы къ намъ.

— Эге! Ты—трусъ, какъ я погляжу,— сказалъ Чаплинскій и захохотавъ при этомъ покровительственно, прибавилъ.—А

я думалъ назначить тебя начальникомъ всѣхъ нашихъ въ случаѣ схватки съ Хмѣльницкимъ; ошибся я въ тебѣ, ха-ха-ха!

— Куда мнѣ, панъ, на старости лѣтъ воинствовать, когда у меня и у молодого-то ни ружья, ни сабли въ рукахъ не было. Начальствовать надъ вооруженными людьми это ваше, панское дѣло, вы будете начальствовать надъ нами и тогда, когда, дай Богъ, что бы отъ слова худа не было на насъ нападетъ и Хмѣльницкій.

„Самъ чортъ не пойметъ этого хитраго старика,—подумалъ про себя Чаплинскій,—искренно ли говоритъ онъ, или желаетъ кольнуть меня.“

— О, конечно,—поторопился отвѣчать онъ дворецкому,—я самъ приму тогда начальство надо всѣми, и когда мы схватимъ этого подлаго хлопа живьемъ, то я прикажу сначала выпороть его на нашемъ дворѣ да попытать хорошенько, а потомъ уже отправлю его въ распоряженіе его ясновельможности пана короннаго гетмана. Да, я не опростоволосюсь такъ, какъ позволилъ себѣ опростоволоситься полковникъ Кречовскій; нѣтъ, я самъ буду со-

провождать ту клѣтку, въ которую прикажу запереть этого злодѣя.

Отдавъ приказанія дворецкому, Чаплинскій опять пошелъ къ себѣ въ спальню и опять попытался было уснуть; но напрасны были всѣ его усилія: сонъ убѣгалъ отъ глазъ его и картины одна другой ужаснѣе рисовались его воображеніемъ, сильно разстроеннымъ извѣстіемъ о побѣгѣ Хмѣльницкаго.

„И чортъ, только одинъ чортъ могъ дернуть меня связаться съ этимъ проклятымъ Хмѣльницкимъ и увидать его Ольгу. Придется мнѣ и на самомъ дѣлѣ принять совѣтъ, данный мнѣ паномъ кумомъ, и искать для себя мѣсто гдѣ-нибудь поближе къ главной арміи Потоцкаго. А съ Ольгой надо поговорить также когда нибудь окончательно и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; довольно я съ нею нѣжничалъ, придется въ случаѣ надобности употребить и мѣры строгости; онѣ-то ужъ навѣрное подѣйствуютъ на строптивую“.

Положеніе Чаплинскаго ухудшалось еще и тѣмъ, что въ очень скоромъ времени поляки стали обвинять и его и пана Ко-

нецпольскаго въ томъ, что они были главными виновниками возстанія, поднимаемаго теперь Хмѣльницкимъ. Нѣкоторые изъ пановъ смѣясь замѣчали: оправдалъ панъ Конецпольскій свою фамилію; ужъ не задумалъ, ли онъ и на самомъ дѣлѣ начать конецъ польскій этимъ глупымъ дѣломъ съ Хмѣльницкимъ!—Не хотѣли понять эти недальновидные паны, что причиною возстанія служитъ совсѣмъ не нападеніе Чаплинскаго на хуторъ Хмѣльницкаго; истинную причину возстанія надо было отыскивать въ другомъ мѣстѣ, она заключалась, какъ мы уже говорили, въ тѣхъ угнетеніяхъ и притѣсненіяхъ, которыми поляки давили народъ украинскій и казаковъ. Конечно, очень можетъ быть, что нападеніе Чаплинскаго на хуторъ Хмѣльницкаго, затѣмъ несправедливые приговоры судей и самого сейма по дѣлу Хмѣльницкаго вынудили его скорѣе приняться за дѣло, которое имъ было давно уже задумано; но не будь и этого нападенія, возстаніе Украйны противъ Польши было бы непремѣнно, только, быть можетъ, началось бы оно позднѣе.

Ни для кого не было неизвѣстностью положеніе Чаплинскаго послѣ того, какъ Хмѣльницкій вновь очутился на свободѣ. Слуги, находившіеся при Чаплинскомъ состояли отчасти изъ украинцевъ, отчасти изъ поляковъ, но всѣ они сходились въ одномъ и томъ же мнѣніи, что если Хмѣльницкій свободенъ, то имъ надо поджидать его съ часу на часъ къ себѣ.

— Не забудетъ онъ нападенія нашего пана на его Суботово и припретъ къ намъ, только вѣдь и мы примемъ его не съ пустыми руками: гостинцы для него и для его сволочи у насъ давно готовы!—горделиво покрикивали поляки, ударяя себя по саблямъ.

— Поскорѣе бы приходилъ батько Богданъ,—шептались между собою слуги-украинцы,—посадили бы мы тогда нашего пана на колъ или вздернули бы его на висѣлицу, а сами пошли бы съ Богданомъ сражаться за Украйну и бить ляховъ.

Однако время шло и шло, а Хмѣльницкій и не думалъ появляться поблизости къ владѣніямъ Чаплинскаго.

Быть не можетъ, что бы онъ забылъ

про меня, или не хочетъ отомстить мнѣ! —думалъ Чаплинскій и попрежнему старался подыскать себѣ какое нибудь безопасное мѣстечко.

Наконецъ его развѣдчики донесли ему, что можно будетъ пріобрѣсти одинъ хуторъ, находившійся въ ближнемъ сосѣдствѣ съ арміей короннаго гетмана, то есть въ такомъ мѣстѣ, куда, по мнѣнію поляковъ, Хмѣльницкій никакъ не осмѣлился бы показаться и гдѣ поэтому Чаплинскій могъ бы считать себя въ полнѣйшей безопасности.

Чаплинскій радъ былъ такой находкѣ; онъ немедленно пріобрѣлъ для себя указанный ему хуторъ и сталъ спѣшно готовиться къ перевозкѣ туда своего имущества.

— Ты опять задумавшись,—сказалъ какъ-то Чаплинскій, наблюдавшій за приготовленіями къ перевозкѣ и вошедшій въ комнату Ольги, чтобы поглядѣть, готовится-ли она.—Я вижу, что ты и не думаешь готовиться къ переѣзду, такъ какъ не укладываешь совершенно никакихъ своихъ вещей!

— Нѣтъ у меня здѣсь никакихъ своихъ

вещей,—отвѣчала Ольга,—а ѣхать я готова, когда угодно.

— Ольга,—началъ очень мягкимъ голосомъ уговаривать ее Чаплинскій,—до которыхъ поръ ты будешь упрямиться? Вѣдь должна же ты наконецъ понять, что тебѣ никогда не придется увидать Богдана; онъ теперь не мой только врагъ, но врагъ цѣлой Польши и рано или поздно, а потерпитъ должное возмездіе. Это ровно ничего не значитъ, что ему удалось одинъ разъ бѣжать отъ этого дурака Кречовскаго; вѣдь какъ онъ ни будетъ хитрить и прятаться, его все-таки поймаютъ снова и тогда ему не миновать уже самой жестокой казни.

—Ха-ха-ха!—засмѣялась Ольга.—Панъ Чаплинскій должно быть съ перепугу потерялъ разсудокъ и самъ не знаетъ, что говоритъ. Да развѣ такой характеръ у моего Богдана, чтобы онъ сталъ прятаться отъ кого нибудь? Нѣтъ, мой Богданъ всегда смѣло пойдетъ на встрѣчу какой угодно опасности и сумѣетъ и другихъ повести за собою. Ужъ не про себя ли думалъ панъ Чаплинскій, когда

говорилъ о томъ, что Богданъ прячется?! Меня очень удивляетъ этотъ поспѣшный и неожиданный отъѣздъ поближе къ Потоцкому, подъ крылышко его арміи.

— Я—полякъ,—горделиво сказалъ Чаплинскій и не преминулъ дернуть въ это время свои длинные усы;—а всякій полякъ долженъ стараться быть поближе къ арміи, чтобы помочь ей въ нужную минуту.

— Хороша-же должно быть и армія у Потоцкаго, если онъ нуждается въ такихъ помощникахъ!

Кровь прилила къ лицу Чаплинскаго и онъ хотѣлъ было отвѣтить какой-то дерзостью, но превозмогъ себя и сталъ говорить прежнимъ-же мягкимъ тономъ.

— Ольга, зачѣмъ всѣ эти оскорбленія, не стыдно ли тебѣ оскорблять меня при каждомъ свиданіи съ тобою, когда тебя тутъ не смѣетъ оскорблять никто?!

— Не смѣть стыдить меня,—вспылила Ольга,—я и сама терплю тутъ постоянныя оскорбленія!

— Отъ кого-же?

— Конечно, отъ тебя!

— Отъ меня? Но, кажется, что нико-

гда ничего не видала отъ меня кромѣ ласки и постояннаго желанія угодить тебѣ во всемъ.

— Твои ласки. Онѣ-то и оскорбляютъ меня; онѣ и противны и оскорбительны мнѣ, какъ противна и оскорбительна та неволя, въ которой я тутъ нахожусь!

— Чѣмъ-же виноватъ я, что тебѣ противны мои ласки?! И не могу-же я, безумно любя тебя, дать тебѣ полную свободу чтобы ты, воспользовавшись ею, ушла къ этому бродягѣ Хмѣльницкому.

— Не смѣть называть бродягою войскового писаря войска Запорожскаго,—съ горячностью воскликнула Ольга:—Богдана знаетъ лично король, не онъ бродяга, а тотъ бродяга, кто изъ-за страха за свою презрѣнную жизнь перекочевываетъ съ мѣста на мѣсто, боясь мести со стороны Хмѣльницкаго.

Опять кровь прилила къ лицу Чаплинскаго, но онъ опять сумѣлъ удержать себя и опять началъ говорить съ Ольгою въ примирительномъ духѣ.

— Что-же,—говорилъ онъ,—мнѣ не привыкать уже переносить оскорбленія отъ

тебя, и за что? только за мою горячую любовь къ тебѣ. Посмотрѣлъ бы я, найдется-ли еще одинъ мужчина, который позволилъ бы такъ оскорблять себя женщинѣ. Неужели-же ты совершенно отвергла любовь мою? Неужели-же я никогда не дождусь отъ тебя взаимности?

— Никогда! никогда! никогда!

— Ольга,—говорилъ Чаплинскій, подходя къ ней ближе,—Ольга, пожалѣй-же наконецъ меня!

— Прочь отъ меня! Не смѣй подходить ко мнѣ; я призираю, ненавижу тебя, и нечего тебѣ думать о моей взаимности! Прочь-же отъ меня,—кричала Ольга, отодвигаясь отъ наступавшаго на нее Чаплинскаго.

Но тотъ былъ уже отуманенъ страстью и не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что дѣлалъ. Раскраснѣвшаяся отъ возбужденія Ольга казалась ему прелестнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и онъ поднялъ руки, надѣясь, сдѣлавъ еще одинъ рѣшительный шагъ, обнять ее.

— Прочь, гадина!—вскрикнула Ольга, сразу-же подвинувшись въ самый уголъ

комнаты и Чаплинскій, не смотря на свое возбужденіе, замѣтилъ, что что-то свѣтлое блеснуло въ рукахъ ея.

Онъ присмотрѣлся и тотчасъ же отступилъ отъ Ольги: въ рукахъ ея былъ кинжалъ.

— Ха-ха-ха!—злобно захохоталъ онъ, а ты однако предусмотрительна, уже и кинжалъ имѣешь. Интересно было бы знать, гдѣ ты могла добыть эту совсѣмъ не женскую игрушку.

— Развѣ мало въ этомъ домѣ оружія, —отвѣчала Ольга;—тутъ только нѣтъ людей, которые умѣютъ владѣть имъ. Ты такъ и знай, презрѣнный воръ, что я скорѣе соглашусь пронзить свое сердце, чѣмъ позволю тебѣ взять меня въ свои гадкія объятія. Смерть мнѣ лучше безчестія!

— Смерть!—уже закричалъ Чаплинскій, —нѣтъ, не смерть? Ты погоди торопиться: до твоей смерти еще далеко. Дай только перебраться намъ на новое мѣсто и тамъ я приму другія мѣры; до смерти ты у меня еще успѣешь познакомиться съ заключеніемъ въ темномъ, вонючемъ подвалѣ, наполненномъ крысами, жабами, ящерицами,

и другими гадами. До смерти я предамъ тебя еще жесточайшимъ пыткамъ и изуродую твое лицо и все тѣло, и только тогда, когда отъ тебя останется только остовъ твой, ты получешь смерть! Ты не хотѣла знать моихъ ласкъ, теперь узнай, насколько я могу быть жестокъ.—Чаплинскій круто повернулся и направился къ выходу изъ комнаты.

— Знакомо мнѣ твое жестокосердіе, но знай, что я не боюсь его!—крикнула ему вслѣдъ Ольга.

И дѣйствительно Ольга нисколько не пугалась угрозъ со стороны ненавистнаго ей пана Чаплинскаго; да и могли ли эти угрозы устрашить Ольгу, которая не боялась въ настоящемъ своемъ положеніи даже и самой смерти, которая была для нея съ одной стороны даже очень желательна, такъ какъ прекратила бы ея житье у ненавистнаго Чаплинскаго.

Ольга была рѣшительная, горячая, страстная натура и неоднократно задумывалась о томъ, чтобы во избѣжаніе противныхъ ей ласкъ и ухаживаній Чаплинскаго самой покончить съ собою, и она

конечно по своей страстности и рѣшительности давно бы привела въ исполненіе свою мысль о самоубійствѣ, если бы въ ней не жила еще какая-то смутная надежда на то, что она рано или поздно, но увидится наконецъ съ своимъ милымъ Богданомъ; эта надежда предавала ей новыя силы, укрѣпляла ее въ борьбѣ съ ухаживаніями и льстивыми заискиваніями Чаплинскаго, эта-же надежда могла заставить ее перенесть терпѣливо и жесточайшія мученія.

ГЛАВА VIII.

Подъ крыломъ арміи.

Марусѣ въ послѣднее время было очень много работы, такъ какъ она во всемъ помогала пріютившей ее семьѣ въ заботахъ по переѣздкѣ на новое мѣсто жительства, укладывая различный домашній скарбъ и зорко приглядывая за тѣмъ, чтобы не оставить и не забыть на старомъ мѣстѣ чего-нибудь такого, что потомъ могло бы пригодится на новоселье.

Для жены Болеслава Анны, такъ привѣтливо пріютившей у себя Ольгу, этотъ отъѣздъ на какое-то новое совершенно незнакомое для нея мѣсто былъ не только непріятенъ, но представлялся въ ея глазахъ настоящимъ несчастіемъ, и она хо-

дила по своей квартирѣ совершенно разстроенной, не принимаясь ни за какое дѣло; если-же она и принималась за какое-нибудь дѣло, то дѣлала все не впопадъ, такъ что и для самаго дѣла, для нея самой, а всего болѣе для Маруси было бы гораздо выгоднѣе, если бы разстроенная и опечаленная отъѣздомъ на новое мѣсто Анна совсѣмъ не принималась бы ни за какое дѣло.

Приходилось такимъ образомъ по всему хозяйству управляться одной только Марусѣ, такъ какъ и мужъ Анны Болеславъ не только не помогалъ нисколько Марусѣ въ хлопотахъ по приготовленію къ переѣздкѣ, но въ послѣднее время даже очень рѣдко заглядывалъ и на свою квартиру.

У Болеслава было занятій по-горло; онъ, положимъ, завѣдывалъ только конюшней и переправить лошадей на новый пріобрѣтенный Чаплинскимъ по сосѣдству съ главной арміей хуторъ ничего бы не стоило, такъ что нельзя было бы и подумать, что переѣздка на новое мѣсто доставила бы много хлопотъ Болеславу,

но на бѣду свою Болеславъ пользовался особымъ расположеніемъ со стороны Чаплинскаго, который и завалилъ его теперь различными болѣе или менѣе важными, но всегда спѣшными порученіями. Между прочимъ Чаплинскій призвалъ какъ-то къ себѣ Болеслава и сталъ совѣтоваться съ нимъ, что ему дѣлать со множествомъ экипажей, въ числѣ которыхъ находились и богатые, парадные экипажи самого Конецпольскаго. Брать такую обузу съ собою показалось для Чаплинскаго очень опаснымъ и потому онъ, посовѣтовавшись съ Болеславомъ, рѣшилъ продать экипажи кому-либо изъ окрестныхъ пановъ, своихъ собутыльниковъ.

Болеслава и послалъ Чаплинскій по окрестнымъ панамъ, чтобы онъ предложилъ имъ сдѣлать эту покупку на очень выгодныхъ для нихъ условіяхъ.

Это было очень опасное и очень непріятное порученіе.

Приходилось Болеславу часто проѣзжать такими мѣстами, около которыхъ разгуливали партіи возставшихъ, отъ которыхъ ни одному поляку, попавшемуся

къ нимъ въ руки не надо было ждать пощады.

Но нечего было дѣлать Болеславу, и онъ какъ честный слуга, скрѣпя сердце, поѣхалъ, подвергаясь постоянно опасностямъ исполнять порученіе, полученное имъ отъ Чаплинскаго, хотя и заранѣе зналъ, что едва-ли выйдетъ какой-нибудь толкъ изъ этого порученія.

„До того-ли теперь всѣмъ здѣшнимъ панамъ,—размышлялъ самъ съ собою Болеславъ,—чтобы думать о покупкѣ богатыхъ, роскошныхъ экипажей. Словъ нѣтъ, что паны очень тщеславны и любятъ блескъ и мишуру, но не такое теперь для нихъ время, чтобы имъ заботиться объ удовлетвореніи своего тщеславія: они теперь небось и заняты только одною мыслію о спасеніи себя отъ возставшихъ и въ скоромъ времени, когда возстаніе усилится, того и гляди, всѣ они или послѣдуютъ примѣру Чаплинскаго и начнутъ собираться подъ крылышко главной арміи Потоцкаго, или же удерутъ для полной безопасности со всѣми своими пожитками на отдыхъ и на покой въ Варшаву.

Болеславъ объѣхалъ всѣхъ окрестныхъ пановъ, большинство которыхъ были очень хорошіе знакомые и собутыльники Чаплинскаго, и всѣ эти паны не только не изъявили никакого желанія совершить предлагаемую имъ очень выгодную покупку, но всѣ еще выразили свое изумленіе, что панъ Чаплинскій настолько наивенъ, что думаетъ найти покупателя для экипажей въ такое смутное время.

Одни изъ пановъ, честнѣйшіе и скромнѣйшіе изъ нихъ ограничивались тѣмъ, что выслушивали предложеніе Болеслава, едва сдерживая улыбку и потомъ отвѣчали ему отказомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что столь богатые экипажи имъ не нужны, или что они не имѣютъ въ настоящее время свободныхъ денегъ для покупки. Но и эти скромнѣйшіе паны удерживали свою улыбку только до тѣхъ поръ, пока въ комнатѣ находился Болеславъ; лишь только-же Болеславъ выходилъ изъ комнаты, какъ они разражались неудержимымъ хохотомъ и говорили, не стѣсняясь своихъ слугъ:

— Нечего сказать хорошенькое дѣль-

це задумалъ Чаплинскій; онъ еще думаетъ передъ отъѣздомъ продать здѣсь экипажи! Разсчетливъ панъ, очень разсчетливъ и не хочетъ, какъ видно, чтобы что-нибудь изъ его добра пропадало даромъ!. Чего добраго онъ пожалуй скоро захочетъ продать тутъ и весь скарбъ, который ему совсѣмъ не стоитъ захватывать съ собою въ дорогу; одна бѣда Чаплинскому, что не найдетъ онъ себѣ здѣсь покупателя, а если онъ позасидится тутъ немного, занимаясь такими распродажами, то, чего добраго, дождется такого покупателя, который сразу возьметъ у него все не торгуясь, возьметъ пожалуй въ придачу и умную разсчетливую голову пана Чаплинскаго.

Другіе паны, къ которымъ обращался Болеславъ съ предложеніемъ Чаплинскаго, были не такъ скромны, какъ первые и смѣясь отвѣчали Балеславу:

— А недурно придумалъ это панъ Чаплинскій: онъ самъ думаетъ удрать отъ Хмѣльницкаго налегкѣ, а намъ предлагаетъ купить его хвостъ; скажи только пану, что бы онъ не жалѣлъ хвоста-то,

мы и сами думаемъ оставить при случаѣ свои хвосты здѣсь, лишь бы самимъ намъ добраться живыми до Потоцкаго или до Варшавы; время теперь лютое!

Третьи, наконецъ, къ которымъ обращался Болеславъ, были настолько нахальны, что, забывая свое знакомство съ Чаплинскимъ и то гостепріимство, которымъ они всегда пользовались съ его стороны, давали Болеславу отвѣты, уже прямо оскорбительные для Чаплинскаго.

— Ха-ха-ха! — смѣялись эти паны, схватившись за животы,—у Чаплинскаго отъ страха передъ Хмѣльницкимъ умъ за разумъ заходитъ и онъ думаетъ найти въ насъ дураковъ, думаетъ, что мы глупѣе его. Только напрасно такъ думаетъ Чаплинскій, такъ какъ у него у самого не только теперь нѣтъ ума, но пожалуй не было его и прежде, иначе онъ не сталъ бы входить въ распри съ такимъ безпокойнымъ хлопомъ, какъ этотъ Хмѣльницкій и не подвелъ бы подъ бѣду себя съ Конецпольскимъ, а потомъ пожалуй и всю Рѣчь Посполитую. Нечего сказать, зава-

рилъ онъ кашу и все изъ-за какой-то проклятой схазматички. Скажи своему пану, чтобы онъ не дурилъ тутъ болѣе и поскорѣе уѣзжалъ бы подъ охрану Потоцкаго, пока еще хлопъ Хмѣльницкій не накрылъ его и не расправился съ нимъ по своему. А намъ даромъ не надо ни каретъ его и даже его красавицы Ольги, если бы задумалъ продать и ее! Гдѣ-же теперь Чаплинскій найдетъ такихъ дураковъ, которые купили бы у него то, что скоро придетъ отыскивать сюда Хмѣльницкій со своею ордою.

Съ такими неутѣшительными отвѣтами и вернулся Болеславъ къ пану Чаплинскому.

Но отвѣты эти не только были неутѣшительны, а они еще болѣе нагнали страху на и безъ того уже постоянно трясшагося отъ страха Чаплинскаго.

— Ну, а какъ въ окрестностяхъ, спокойно?—спрашивалъ Чаплинскій у Болеслава.

— Не очень-то покойно, панъ, такъ что я право не былъ увѣренъ въ томъ,

что буду имѣть счастье видѣть пана и принести ему отвѣтъ на его порученіе.

— Ну, а что-же другіе паны: очень безпокоятся они?—продолжалъ Чаплинскій допрашивать своего слугу.

— Да изъ пановъ кто еще храбрится и показываетъ видъ, что не боится ничего, а кто и совсѣмъ опустилъ голову; но только по очень вѣрнымъ признакамъ, какіе замѣтилъ я, всѣ они только и думаютъ о томъ, какъ бы поскорѣе и поблагополучнѣе улизнуть отсюда или къ Потоцкому или въ Варшаву. Многіе не особенно безпокоятся даже и о добрѣ своемъ, заботясь лишь о собственныхъ шкурахъ.

Такіе отвѣты Болеслава такъ напугали Чаплинскаго, что онъ тутъ-же отдалъ приказъ немедленно выѣзжать, причемъ все оставшееся предано было огню, чтобы не досталось въ руки поганыхъ хлоповъ.

Особенно много хлопотъ при столь неожиданномъ отъѣздѣ было для дворецкаго, на котораго Чаплинскій возложилъ обязанность вооружить съ ногъ до голо-

вы всѣхъ слугъ и хранить во время пути боевые припасы.

Скоро длиннымъ цугомъ поѣхали экипажи, нагруженные добромъ Чаплинскаго и сопровождаемые отрядомъ вооруженныхъ слугъ, впереди которыхъ въ богатомъ убранствѣ, на превосходномъ скакунѣ ѣхалъ, какъ предводитель, панъ Чаплинскій.

Панъ Чаплинскій былъ очень красивъ въ своемъ уборѣ польскаго всадника и представлялъ изъ себя очень воинственный видъ, когда вооруженный блестящимъ оружіемъ, онъ гарцовалъ на лихомъ скакунѣ, то и дѣло подергивая свои длинные усы.

Видъ Чаплинскаго былъ очень воинственень; но если кто-нибудь заглянулъ бы въ душу этого кажущагося героя, тотъ понялъ бы, что герой не столько надѣется на слугъ, которыми онъ взялся предводительствовать и на свою съ дорогими украшеніями саблю, какъ на своего скакуна, къ помощи котораго онъ давно ужъ порѣшилъ прибѣгнуть при встрѣчѣ съ какою нибудь серьезною опасностью.

Къ счастію для Чаплинскаго его геройство по дорогѣ не подверглось никакому искушенію, и онъ счастливый и довольный добрался до новаго своего хутора, находившагося почти около самого мѣста расположенія арміи короннаго гетмана Потоцкаго.

Скоро Чаплинскій совершенно устроился на новомъ мѣстѣ и такъ какъ онъ не смотря на весь страхъ, охватившій его тогда, когда ему приходилось выѣзжать изъ своего стараго дома, не растерялся еще настолько, чтобы забыть о боченкахъ, во множествѣ стоявшихъ въ погребахъ, то и на новомъ мѣстѣ онъ очень скоро зарекомендовалъ себя за гостепріимнаго и хлѣбосольнаго пана.

Прежде всего онъ, окончательно устроившись, справилъ великолѣпное новоселье, на которое были приглашены не только всѣ его новые сосѣди, но и многіе паны изъ арміи, а послѣ новоселья домъ Чаплинскаго, какъ и прежде въ Субботовѣ, всегда былъ открытъ для гостей.

ГЛАВА IX.

Извѣстіе о пораженіи.

Между тѣмъ коронный гетманъ, отправивъ войско подъ начальствомъ своего сына совершенно успокоился, такъ какъ онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ томъ, что сынъ его, разбивъ мятежниковъ, явится къ нему, покрывъ себя и свое оружіе неувядаемою славою.

То же самое думало и большинство шляхтичей, собравшихся въ главной арміи, они попрежнему только и занимались тѣмъ, что принимали участіе въ попойкахъ, на которыхъ всегда много тратилось вина, но того болѣе выходило изъ устъ пановъ хвастливыхъ рѣчей.

— А что это долго не возвращается сынъ нашего ясновельможнаго гетмана и

ничего не слыхать о немъ?! —говорилъ кто-нибудь изъ пановъ и тотчасъ-же на это замѣчаніе раздавалось множество хвастливыхъ отвѣтовъ въ родѣ слѣдующаго:

— Молодой панъ Потоцкій съ своими войсками, вѣрно хорошо загостился у казаковъ, когда не спѣшитъ къ войску; они къ намъ не воротятся до тѣхъ поръ, пока не привезутъ съ собою нагруженныхъ возовъ и не привезутъ сколько-нибудь плѣнниковъ и штукъ скота?

Однако не всѣ-же паны только и дѣлали, что бражничали да расточали хвастливыя рѣчи, находились среди нихъ и благоразумные, которые сильно безпокоились за судьбу отряда, посланнаго съ молодымъ Потоцкимъ и которыхъ отсутствіе какихъ-либо свѣдѣній объ этомъ отрядѣ наводило на мрачныя размышленія; эти совѣтовали сняться съ лагеря и итти впередъ по слѣдамъ посланнаго отряда.

Такіе совѣты очень не нравились панамъ, привыкшимъ только бражничать, и они кричали:

— Куда намъ итти, когда казаковъ еще нигдѣ не видно!

— Зачѣмъ тащить большое войско за Днѣпръ, если тамъ только небольшой мятежъ?!

Неизвѣстно, чье бы мнѣніе взяло перевѣсъ, если бы не пришло королевскаго повелѣнія оставить военныя дѣйствія внутри Украйны и выйти оттуда.

„Король (такъ писалъ къ войску канцлеръ) заботится о безопасности войска и боится неудачи, на которую отваживаются гетманы въ странѣ, имъ мало знакомой, а казакамъ слишкомъ извѣстной. Король самъ пріѣдетъ въ Русь, гдѣ надѣется безъ кровопролитія усмирить волненіе между казаками, которыхъ предводитель Хмѣльницкій покорится предъ своимъ монархомъ и благодѣтелемъ“.

Эти слова канцлера были какъ нельзя болѣе, на руку тѣмъ панамъ, которые по привычкѣ къ кутежамъ и попойкамъ не хотѣли двигаться далѣе.

Какъ эти любители попоекъ, такъ и остальные, бывшіе въ лагерѣ, на нѣкото-

рое время было поуспокоились, но потомъ опять начались волненія среди военачальниковъ и самаго войска.

Да и нельзя было не волноваться даже и самымъ хладнокровнѣйшимъ изъ поляковъ, такъ какъ черезъ-чуръ ужъ тревожныя извѣстія приходили къ нимъ о судьбѣ отряда, посланнаго подъ начальствомъ молодого Потоцкаго.

Нѣсколько дней спустя послѣ желтоводской битвы въ польскій лагерь прибѣжалъ одинъ драгунъ, которому какъ-то посчастливилось пробраться до этого лагеря.

Драгунъ этотъ разсказалъ начальству объ измѣнѣ реестровыхъ казаковъ и драгунъ и о переходѣ ихъ на сторону возставшихъ.

Это извѣстіе сильно возмутило поляковъ, но они не повѣрили бѣжавшему драгуну, который къ тому-же былъ православнаго исповѣданія и посадили его въ тюрьму.

„Не можетъ этого быть (говорили паны); какъ такъ могъ одинъ этотъ драгунъ уйти изъ всѣхъ? Очевидная нелѣпость; тамъ

есть такіе, которые скорѣе, чѣмъ онъ могли бы спастись съ хорошими лошадями. Это больше ничего, какъ хитрость враговъ; драгунъ, видно, къ нимъ передался, и они его послали, чтобы внушить намъ страхъ и заставить насъ выйти отсюда.

Но все-таки большая тѣнь сомнѣнія запала и къ панамъ и къ самому Потоцкому, который отправилъ нѣсколько партій во всѣ стороны; на обязанности этихъ партій лежало наблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ народѣ и донести обо всемъ видѣнномъ.

Партіи вернулись и доносили, что Украйна повсюду пустѣетъ, что во многихъ мѣстахъ они встрѣчались съ вооруженными людьми и что на Руси настоящій бунтъ.

Призадумались тогда многіе изъ пановъ и перевѣсъ во мнѣніяхъ явно сталъ клониться на сторону благоразумнѣйшихъ изъ пановъ, совѣтовавшихъ итти впередъ, а не стоять въ лагерѣ.

— Видите, что по всей Украйнѣ сбираются вооруженные люди,—говорили эти

паны, — такъ зачѣмъ-же намъ оставаться здѣсь, когда отряду молодого Потоцкаго можетъ на каждомъ шагу грозить опасность.

— А кстати вспомните и то,—поддерживали этихъ пановъ другіе голоса,—что въ отрядѣ Потоцкаго и въ самомъ дѣлѣ русскихъ болѣе, чѣмъ поляковъ, такъ что русскимъ легко было и измѣнить!

Поляки рѣшили двинуться впередъ, хотя самъ коронный гетманъ и говорилъ, что онъ не желаетъ срамить себя такимъ походомъ противъ хлоповъ.

Поляки очень желали бы добыть гдѣ нибудь языка, но къ сожалѣнію, такой имъ не попадался; посылали они нѣсколько разъѣздовъ съ этою цѣлью, но эти разъѣзды къ нимъ не возвращались: очевидно, они или были убиваемы, или-же попадались въ плѣнъ.

Но вотъ полякамъ попался одинъ израненый въ битвѣ при Желтыхъ Водахъ шляхтичъ; вѣрнѣе такого языка найти нельзя было и думать и поэтому раненаго польскаго шляхтича повели къ Потоцкому.

— Кто ты и откуда?—спросилъ его коронный гетманъ.

— Я польскій шляхтичъ изъ отряда твоего сына, ясновельможный панъ, и раненъ въ битвѣ съ казаками при Желтыхъ Водахъ.

— Что ты можешь сказать намъ о судьбѣ нашего отряда?

— Я несу съ собою очень дурныя, ужасныя вѣсти: все погибло; казаки и драгуны, не сражаясь, измѣнили намъ; обозъ взятъ; Сапѣга, Шембергъ, Чарнецкій—въ неволѣ; сынъ твой также взятъ чуть живой и теперь вѣрно разстался со свѣтомъ!"

Потоцкій едва не подвергся удару при столь печальномъ извѣстіи, переданнымъ ему такимъ лицомъ, которому не было возможности не вѣрить, ужаснулись также при этомъ извѣстіи и всѣ военачальники польскіе, и все войско. Въ одной лѣтописи такъ описывается состояніе польскаго войска по полученіи этого извѣстія: „Все войско стало такъ блѣдно, какъ блѣдна бываетъ трава, прибитая моро-

зомъ, когда послѣ холодной ночи возсіяетъ солнце“.

Горе Потоцкаго не только какъ военачальника, но и какъ отца не находило себѣ предѣловъ, онъ терзался и плакалъ о безвременной кончинѣ юноши-сына. „Сынъ мой,—восклицалъ въ отчаяніи Потоцкій,—на то-ли я далъ тебѣ начальство, чтобъ ты за булаву вымѣнялъ могильный заступъ“.

Помощникъ Потоцкаго польный гетманъ Калиновскій и при полученіи этихъ извѣстій, какъ и всегда, совѣтовалъ движеніе впередъ, но онъ опять встрѣтилъ препятствіе со стороны Потоцкаго, который, по вѣрнѣйшимъ извѣстіямъ, по полученіи извѣстія о смерти сына напился пьянымъ и кричалъ:

— Душа моя скорбитъ, заснуть не могу и не успокоюсь, пока не накажу презрѣнныхъ хлоповъ, не утѣшу себя местію за ихъ вѣроломство, не искуплю обильнымъ пролитіемъ крови ихъ—смерть моего сына. Не потерплю, чтобы они тѣшились и надѣялись избѣгнуть кары за то, что

осмѣлились подняться на господъ своихъ. Пусть хоть какая сила казацкая идетъ на меня: войско у меня хорошо, а воевать съ казаками не въ первый разъ!

Но коронный гетманъ на словахъ только горѣлъ желаніемъ сразиться съ казаками и отомстить имъ за смерть сына, на самомъ же дѣлѣ онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ и надменно противодѣйствовалъ стремленіямъ Калиновскаго итти впередъ.

Въ виду такого разногласія, происходившаго между двумя гетманами, былъ собранъ военный совѣтъ изъ числа знатнѣйшихъ пановъ.

На этомъ совѣтѣ оказалось, что и Потоцкій и Калиновскій имѣютъ очень мало сторонниковъ, такъ какъ большинство пановъ стояло за то, чтобы удалиться изъ лагеря къ городамъ и тамъ поджидать приближенія непріятеля.

— Войско наше, по всему видно, убѣжитъ, когда явится непріятель (такъ говорили паны желавшіе отступленія къ городамъ); а если и удастся намъ остановить бѣглецовъ, то они не устоятъ про-

тивъ многочисленной непріятельской силы. Все равно прійдется намъ въ виду враговъ, отступить; не лучше ли заранѣе приблизиться къ городамъ, чтобъ по крайней мѣрѣ, можно было найти себѣ пищу, а здѣсь мы пропадемъ съ голоду!

Оба гетмана согласились на это предложеніе, причемъ одинъ изъ нихъ,—Потоцкій, далъ свое согласіе очень охотно, другой-же,—Калиновскій, уступилъ мнѣнію большинства съ большой досадой.

Потоцкій отправилъ одного изъ пановъ, Гдешинскаго съ легкимъ отрядомъ на развѣдки, а войску приказалъ отступать. Три дня продолжалось отступленіе польскаго войска, продолжилось бы оно и болѣе, если бы не вернулся Гдешинскій, который и объявилъ, что Хмѣльницкій и Тугай-Бей находятся въ какихъ-нибудь сорока верстахъ отъ главной польской арміи и не сегодня, такъ завтра настигнутъ ее.

Тогда среди поляковъ рѣшено было остановиться и дать сраженіе настигающему ихъ непріятелю; причемъ Потоцкій

тотчасъ отдалъ приказаніе сжечь мѣстечки: Корсунь, Стебловъ и Черкасы, оправдывая свое приказаніе тѣмъ, что онъ не желалъ, что бы враги воспользовались этими мѣстечками, какъ мѣстомъ пристанища или для какихъ-либо другихъ цѣлей.

Калиновскій противился было этимъ распоряженіямъ и доказывалъ, что поляки сами себя лишаютъ вспоможенія и припасовъ, и между гетманами даже и наканунѣ битвы пошли несогласія и раздоры.

Порядку въ войскѣ поэтому было очень мало. Современные лѣтописцы изъ поляковъ между прочимъ такъ говорятъ про господствовавшую тогда неурядицу: „Негдѣ правды дѣть; у насъ тогда была страшная безалаберщина, не смотря на то, что непріятель стоялъ надъ шеей; собиралась къ Хмѣльницкому со всѣхъ сторонъ казацкая саранча, а русскіе хлопы мимо панскаго лагеря провозили съѣстные припасы въ лагерь Хмѣльницкаго и гласно величали его спасителемъ своего народа и защитникомъ своей религіи“.

Уже и заранѣе можно было съ полною увѣренностію сказать, что рѣшительное дѣло будетъ проиграно поляками: драгуны, посланные въ передовую стражу, перешли на сторону Хмѣльницкаго, слуги и оруженосцы говорили: „Хмѣльницкій насъ побьетъ, если мы будемъ стоять за пановъ“. Шляхтичей волновали разнесшіеся слухи о кончинѣ короля, были нѣкоторыя явленія на небѣ, которыя принимались за дурныя предзнаменованія, среди второстепенныхъ начальниковъ въ польскомъ войскѣ такъ же, какъ и между гетманами происходили ссоры и несогласія.

А Хмѣльницкій съ татарами уже подступили къ польскому лагерю и Хмѣльницкій, по выраженію одной народной думы, уже готовъ былъ издать кличъ: „Эй, друзья-молодцы, братья - казаки запорожцы, принимайтесь,—да хорошенько, начнемте съ ляхами варить пиво; лядскій солодъ, казацкая вода; лядскія дрова, казацкіе труды!“.

ГЛАВА X.

Опять вмѣстѣ.

Поляки крайне преувеличивали число казацкаго войска, подступившаго къ нимъ, они, напримѣръ, разсказывали, что казаковъ было такъ много, что отъ пыли, подымаемой копытами ихъ лошадей, нельзя было видѣть солнца, на самомъ же дѣлѣ, по очень достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, казаковъ было не болѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ, кромѣ татаръ.

Въ ночь передъ знаменитою корсунскою битвою, въ которой поляки потерпѣли рѣшительное пораженіе, у Богдана Хмѣльницкаго былъ назначенъ военный совѣтъ, на который сошлись какъ казац-

кіе старшины, такъ и татарскіе мурзы во главѣ съ Тугай-Беемъ. Первый вопросъ, предложенный на совѣтѣ, былъ вопросъ, о томъ, самимъ-ли казакамъ и татарамъ предпринять завтра нападеніе на польскій лагерь или же стать въ оборонительное положеніе и ждать пока поляки не нападутъ на нихъ.

— Да они, вражьи дѣти, какъ видно, очень перетрусили и можетъ быть вовсе и не думаютъ давать сраженія, а думаютъ лишь только о томъ, какъ бы поскорѣе удрать отъ насъ и спасти свои животы!—сказалъ кто-то изъ пришедшихъ на совѣтъ,—такъ тогда нечего и ждать отъ нихъ, пока они нападутъ на насъ, а придется начинать битву самимъ.

— Нѣтъ,—утверждалъ Хмѣльницкій,—я имѣю очень точныя свѣдѣнія о томъ, что поляки здѣсь непремѣнно желаютъ помѣряться съ нами силами!

— А, если такъ,—воскликнулъ Тугай-Бей, всегда отличавшійся любовью къ набѣгамъ и къ кровопролитію,—то завтра я чуть-свѣтъ нападу на поляковъ съ сво-

ими татарами, а вы во-время поддержите меня!

Начали судить о предстоящей битвѣ, которую татары принимали очень охотно; они замѣтили уже какъ великъ былъ польскій обозъ и по опыту догадывались, что въ немъ должно было заключаться очень много панскаго добра.

На совѣтѣ этомъ не обошлось и безъ споровъ, спорили и горячились много, но Хмѣльницкій не принималъ участія въ этихъ спорахъ, онъ, казалось, уже заранѣе составилъ планъ своихъ дѣйствій, отъ котораго не думалъ отступать, если же и собралъ онъ совѣтъ, то для того только, чтобы поступить во всемъ согласно обычаямъ того времени и не нажить бы себѣ враговъ между своими же старшинами и татарскими мурзами.

Среди самыхъ оживленныхъ разговоровъ между казацкими старшинами и татарскими мурзами, къ Хмѣльницкому подошелъ одинъ изъ казаковъ и нагнувшись къ его уху, сказалъ потихоньку:

— Панъ Богданъ, пришла тамъ какая-

то не то жёнка, не то дивчина, за темнотою-то не разобрать, и хочетъ во что бы то ни стало видѣть тебя самого!

— А на что же я ей?

— Вотъ про это-то она и не сказываетъ, а сказываетъ только о томъ, что ей очень нужно видѣть по важному дѣлу непремѣнно самого тебя; она должно быть уже не изъ польскаго ли лагеря будетъ...

Такое предположеніе казака заставило Богдана поторопиться выдти къ поджидающей его женщинѣ.

Это была наша знакомая Маруся.

— Здоровъ будь панъ Богданъ,—сказала бойко Маруся, не дождавшись вопроса со стороны Хмѣльницкаго.

— Спасибо, ты зачѣмъ ко мнѣ?

— А я тебѣ поклонъ принесла отъ панны Ольги: кланяется она тебѣ и въ гости къ себѣ зоветъ.

— Гдѣ же она? Гдѣ же? — съ волненіемъ спрашивалъ Богданъ, схвативъ и потрясая Марусю за руку.

— Да и гдѣ же ей быть, какъ не у злодѣя Чаплинскаго? Да ты не думай, что

Чаплинскій сидитъ еще до этихъ поръ въ Субботовѣ, онъ давно уже успѣлъ уйти оттуда, боясь, какъ бы ты его не накрылъ тамъ, да изъ огня попалъ въ полымя...

— Сказывай скорѣе, гдѣ Чаплинскій и Ольга, — торопилъ Хмѣльницкій Марусю.

— Рукой отсюда подать его хуторъ. Панна Ольга прослышала о томъ, что ты не подалеку и сказала мнѣ, чтобы я дала тебѣ вѣсточку о ней.

— Ты верхомъ ѣздишь? — спросилъ ее Хмѣльницкій.

— А какая же я была бы казачка, если бы не умѣла ѣздить верхомъ.

— Поди же къ моимъ казакамъ, они дадутъ тебѣ лошадь и ты проводишь насъ до хутора Чаплинскаго.

Маруся вышла въ дверь и увидала, что на дворѣ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ валяются нѣсколько казаковъ: нѣкоторые изъ нихъ крѣпко спали, другіе же курили люльки или разговаривали между собою о предстоящей битвѣ.

— Эй, витязи-молодцы, батько Богданъ

приказалъ дать мнѣ коня, мнѣ съ Богданомъ надо ѣхать по очень важному дѣлу; поторопитесь, скоро и самъ онъ выѣдетъ къ вамъ!—крикнула Маруся.

Одинъ молодой казакъ, очень хладнокровно курившій до сихъ поръ люльку, при звукѣ ея голоса вынулъ изо рта люльку и подбѣжалъ къ ней.

— Марусенька, ты какъ сюда попала; вотъ ужъ гдѣ я не чаялъ и не гадалъ встрѣтиться съ тобою.

— Аѳонасъ! — вскрикнула Маруся и крѣпко обвила своими руками его шею, нисколько не стѣсняясь находившихся около нихъ казаковъ. Ахъ, Аѳонасъ, Аѳонасъ, привелъ же мнѣ щедрый Господь увидать тебя! Давно ли ты здѣсь, у батьки Хмѣльницкаго?

— Да я какъ изъ дому тогда убѣжалъ и думалъ пробраться въ Сѣчь, то тогда же и попалъ къ Хмѣльницкому...

Обо многомъ хотѣлось было еще переговорить другъ съ другомъ, но Маруся вспомнила, что ей некогда и сказала:

— И я должно быть теперь буду у

батьки Богдана, тогда, мой ненаглядный, мы и поговоримъ съ тобою вволю, а теперь я скоро поѣду!

— Слыхалъ я, какъ ты кричала, что ты поѣдешь съ Богданомъ, скажи мнѣ, куда вы поѣдете?

— Поѣдемъ добывать у одного пана Богданову невѣсту, это недалеко отсюда.

— Тогда я поѣду съ вами, — сказалъ Аѳонасъ; — все-таки, какъ видно, безъ схватки тамъ дѣло не обойдется и я боюсь; Маруся, какъ бы съ тобою не случилось чего-нибудь худого.

— Хранилъ же меня Господь столько времени и неужели же я теперь только для того и повстрѣчалась съ тобою, что бы потомъ навѣки разстаться.

Между тѣмъ Хмѣльницкій, войдя опять въ совѣтъ, изъ котораго его вызвали къ Марусѣ, сказалъ:

— Вотъ, панове-товарищи, собрались мы сюда, чтобы поговорить объ общемъ нашемъ дѣлѣ, а мнѣ придется заняться и своимъ дѣломъ, и Хмѣльницкій разсказалъ имъ о томъ, что онъ сейчасъ слышалъ

отъ Маруси и предложилъ охотникамъ отправиться съ нимъ на выручку Ольги.

— Мнѣ только ее надо, да надо еще и этого проклятаго Чаплинскаго, давно уже мнѣ пора сосчитаться съ нимъ, онъ отравилъ мнѣ жизнь; а сундуки его посчитаете вы, въ нихъ не мало найдется.

Охотниковъ ѣхать съ Хмѣльницкимъ было такъ много, что ему пришлось дѣлать выборъ изъ нихъ.

Какъ же, однако, Маруся узнала о близости къ хутору Чаплинскаго Хмѣльницкаго.

Да узнала она это отъ того же Болеслава, который пришелъ домой очень разсерженнымъ и обратившись къ женѣ сказалъ ей:

— Ну, Анна, сегодня намъ не спать; сбирай все, что тебѣ необходимо, этою же ночью панъ приказалъ всѣмъ выбраться отсюда и ѣхать въ Варшаву.

— Опять хлопоты! Опять дорога, да еще какая!

— Боится онъ, что панъ Потоцкій проиграетъ битву и думаетъ спрятаться

отъ Хмѣльницкаго въ Варшавѣ; жалко, что панна Ольга не знаетъ о томъ, что ея Богданъ, почти рядомъ съ нами и не можетъ подать о себѣ вѣсточку.

Маруся, присутствовавшая при этомъ разговорѣ, подхватила слова Болеслава и передала ихъ Ольгѣ.

— Но кого же послать къ Богдану?— не могла найтись обрадованная этимъ извѣстіемъ Ольга.

— Да пошли меня, панна, Богъ милостивъ и я какъ-нибудь доберусь до батьки Богдана.

Ольга поцѣловала ее и отправила въ путь.

Хмѣльницкій торопливо ѣхалъ къ хутору Чаплинскаго, слѣдуя указаніямъ Маруси, ѣхавшей рядомъ съ нимъ.

— Ты меня подведи прямо къ той комнатѣ, гдѣ Ольга, — говорилъ Хмѣльницкій Марусѣ.

— Да мы ее увидимъ еще ранѣе, она теперь не спитъ и въ ея окнахъ горитъ огонь; въ окно ее и увидишь.

Какъ только всадники подъѣхали къ

хутору, то Хмѣльницкій велѣлъ всѣмъ остановиться и ждать сигнала, когда надо напасть на хуторъ, а самъ съ Марусей, Аѳанасомъ и Петрусей подъѣхалъ къ освѣщенному окну Ольги.

Ольга сидѣла облокотившись рукою на столъ, но она была не одна, передъ ней стоялъ Чаплинскій, что-то съ жаромъ говорившій ей.

Вдругъ при какихъ-то словахъ Чаплинскаго Ольга вскочила съ своего мѣста, выпрямилась во весь ростъ и повелительнымъ жестомъ указала Чаплинскому на дверь.

— Такъ, такъ, ай-да Оля! — одобрительно замѣтилъ Хмѣльницкій.

Чаплинскій же, однако, не только не думалъ уходить отъ Ольги, но подвигался къ ней все ближе и ближе.

Тогда Ольга однимъ прыжкомъ очутилась въ углу комнаты и выхвативъ кинжалъ, закричала такъ, что это могъ слышать и Хмѣльницкій съ своими спутниками.

— Прочь отъ меня, гадина, я уже го-

ворила тебѣ, что никогда не соглашусь быть твоею!

— О, змѣя! ты будешь моею сейчасъ же!—такъ же громко вскрикнулъ Чаплинскій, рѣшительно бросаясь на Ольгу.

Въ это время раздался трескъ выбитаго окна и Хмѣльницкій съ Аѳонасомъ въ одинъ мигъ были въ комнатѣ Ольги.

— Не твоя, подлая тварь,— крикнулъ Хмѣльницкій и ударилъ Чаплинскаго саблею по головѣ; окровавленный Чаплинскій упалъ къ ногамъ Ольги, которая кинулась въ объятія Хмѣльницкаго.

— Другъ мой, уведи меня скорѣе изъ этого дома, гдѣ для меня все такъ противно!—говорила Ольга, прижимаясь къ Богдану,

— Сейчасъ, сейчасъ! Гей, найдите-ка для панны лошадь, да дайте сигналъ, что пора жечь и грабить это проклятое гнѣздо.

— Я добуду у конюшаго лошадь,— сказала Маруся, — но я прошу пощадить конюшаго и его добро, онъ скрывалъ меня!

— Пусть онъ съ своимъ добромъ идетъ за нами,—отвѣчалъ Хмѣльницкій.

Черезъ нѣкоторое время Хмѣльницкій съ Ольгой удалялись отъ ненавистнаго ей хутора, отъ котораго въ скоромъ времени суждено было остаться только однимъ головнямъ; казаки, а особенно татары вдоволь похозяйствовали тамъ и вернулись домой съ недурной добычей; объ одномъ только сожалѣли кровожадные татары, они сожалѣли о томъ, что имъ не пришлось во время этого грабежа произвести кровопролитія, такъ какъ никто изъ слугъ Чаплинскаго не вздумалъ защищать своего господина или его добро.

Хмѣльницкій, обернувшись и увидавъ зарево на мѣстѣ хутора, задумался.

— Ты о чемъ задумался Богданъ?— спросила его Ольга.

— И не спрашивай лучше,—отвѣчалъ онъ,—я и позабылъ захватить съ собою эту гадину, Чаплинскаго, я готовъ и теперь вернуться за нимъ.

— Теперь онъ или сгорѣлъ, или твои

казаки везутъ его вслѣдъ за нами и ты еще увидишь его.

— Ахъ, какъ бы я хотѣлъ отомстить ему, какія бы ужасныя мученія придумалъ бы я для этой подлой твари!

— Полно, Богданъ, успокойся, стоитъ ли такая гадина, чтобъ мой Богданъ думалъ о ней?!

ГЛАВА XI.

Корсунская битва.

Въ хлопотахъ по освобожденію Ольги изъ рукъ своего врага Чаплинскаго и въ разговорахъ съ освобожденною Ольгою Хмѣльницкій и не замѣтилъ, какъ прошла ночь, и наступило утро.

Татары первыми бросились на лѣвый флангъ поляковъ и завязали съ ними очень жаркое дѣло, успѣхъ котораго однако былъ очень нерѣшителенъ, такъ какъ поляки нѣсколько разъ отступали отъ натиска татаръ, но затѣмъ, придя въ порядокъ, въ свою очередь стремительно нападали на татаръ и заставляли ихъ отступать. Самъ Тугай-Бей, извѣстный богатырь, нѣсколько разъ выѣзжалъ передъ

своимъ войскомъ и проѣзжалъ мимо польскаго обоза, показывая совершенное презрѣніе къ выстрѣламъ съ польскихъ шанцевъ. Битва съ перемѣннымъ успѣхомъ продолжалась такимъ образомъ до солнечнаго заката.

Хмѣльницкій между тѣмъ, расположивъ свое войско полукругомъ, показывалъ видъ, что онъ хочетъ напасть на поляковъ всѣми своими силами, а самъ въ то же время научилъ одного расторопнаго казака Никиту Галагана, что ему дѣлать и говорить и послалъ его прокрадываться къ польскому лагерю такъ, чтобы поляки замѣтили его; научивъ Галагана, что ему дѣлать, Хмѣльницкій тогда же послалъ казаковъ съ татарами обойти поляковъ и устроить имъ засаду въ урочищѣ Крутая Балка, недалеко отъ селенія Гроховцы.

Казака Никиту Галагана поляки поймали и принявъ его за шпіона принялись съ пытками узнавать у него о числѣ войска, идущаго съ Хмѣльницкимъ,

Тогда Галаганъ, наученный заранѣе Хмѣльницкимъ, далъ такой отвѣтъ:

„Нашимъ счета я не знаю, да и знать трудно, потому что съ каждымъ часомъ ихъ становится болѣе, а татаръ съ Тугай-Беемъ тысячъ пятьдесятъ, да еще ханъ стоитъ неподалеку съ ордою и скоро будетъ здѣсь“.

О впечатлѣніи, которое произвелъ на поляковъ такой отвѣтъ Галагана, одинъ русскій лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: „Когда услышали паны эту вѣсть, то такой страхъ напалъ на нихъ, что и сами они уныли, и руки у нихъ опустились и весь разумъ отъ нихъ отступилъ“.

Поляки опять собрали военный совѣтъ, на которомъ голоса по обыкновенію раздѣлились, но большинство пановъ стояло за то, что бы какъ можно скорѣе уходить отъ столь многочисленнаго непріятеля; это было очень на руку коронному гетману Потоцкому, который по обыкновенію своему не имѣлъ никакой охоты вступать въ битву съ казаками.

Потоцкій на совѣтѣ говорилъ слѣдующее:

„Съ малымъ числомъ нашего войска нельзя думать о продолжительной битвѣ.

Если прійдутъ свѣжія татарскія силы и обложатъ насъ, то гдѣ мы возьмемъ пищу? Да если бъ мы и успѣли побѣдить Хмѣльницкаго, то что изъ этого? Гнѣздо мятежа плодовито въ Украйнѣ. Если бы мы были сторукіе гиганты, то и тогда бы не совладѣли съ Русью, этой гидрою, у которой вмѣсто одной срубленной головы выростутъ десять. Полезнѣе будетъ для Рѣчи Посполитой, если мы сохранимъ войско до того времени, когда можно будетъ успѣть; а если мы погубимъ войско наше, то великая бѣда станется для Рѣчи Посполитой!“

Такъ говорилъ Потоцкій, желая поскорѣе скрыться отъ непріятеля, но не дремалъ и постоянный соперникъ его, Калиновскій, тотъ опять провозглашалъ мнѣніе о томъ, что бы вступить съ непріятелемъ въ открытую битву. Это мнѣніе провозглашалъ Калиновскій отчасти потому, что былъ убѣжденъ въ его справедливости, а отчасти и ради того, чтобы противорѣчить мнѣнію Потоцкаго, такъ какъ отношенія между гетманами обострились до

такой степени, что они, забывъ о пользѣ государственной, старались, какъ можно болѣе, насолить другъ другу.

— Правда,—говорилъ Калиновскій въ отвѣтъ на рѣчь Потоцкаго,—мы можемъ быть лишены съѣстного, но это потому, что приказано сжечь мѣстечко Корсунъ безъ нужды; теперь самое лучшее на что можемъ рѣшиться—выйти въ открытое поле, броситься всѣми силами на непріятеля и однимъ ударомъ сломить его. Но важнѣе всего не медлить на совѣтахъ, пока не отняли у лошадей пастбищъ, а иначе безъ конницы заберутъ насъ какъ птицъ.

Долго еще продолжались пренія между предводителями, пока наконецъ не восторжествовало мнѣніе Потоцкаго, какъ главнаго начальника, который и отдалъ приказъ, чтобы войско немедленно выступало въ походъ.

Тутъ паны выказали удивительное, совершенно непростительное легкомысліе и назначили проводникомъ войска плѣннаго казака Никиту Галагана, который конечно

и не замедлилъ повести ихъ къ тому самому мѣсту, гдѣ для нихъ была приготовлена засада.

Казаки нѣкоторое время только шли по пятамъ поляковъ и не нападали на нихъ, но потомъ стали дѣлать набѣги на ихъ обозъ и давать залпы.

Нападенія казаковъ и татаръ на отступавшихъ поляковъ становились все чаще и чаще и, нанося уронъ полякамъ, производили среди нихъ сильное разстройство. Когда-же дошли до того мѣста, гдѣ казаками была устроена засада, то поляки совершенно растерялись и повсюду были избиваемы казаками и татарами, тутъ не могло быть уже и рѣчи о правильной битвѣ, это была какая-то бойня, на которой массами гибли поляки подъ ударами казаковъ и ихъ союзниковъ. Гетманы не только продолжали ссориться между собою и взваливать одинъ на другого вину въ постигшемъ ихъ несчастіи, но ссора ихъ перешла чуть-ли не въ драку. Ссорились между собою и отдавали совершенно противоположныя приказанія и второстепенные командиры.

Тогда рѣшительный исходъ дѣлу далъ одинъ изъ полковниковъ, князь Корецкій собралъ свой полѣсскій полкъ, который долженъ былъ быть въ обозѣ, и крикнулъ:

— Нечего теперь ходить за телѣгами и думать о спасеніи обоза! Подумайте лучше о собственномъ спасеніи; сядемьте-ка скорѣе на коней и пробьемъ себѣ дорогу сквозь непріятеля. Гей, кто за мною?! Теперь я буду вашимъ гетманомъ!

Двѣ тысячи жолнеровъ, несмотря на увѣщанія пановъ не слушаться Корецкаго, кинулись за нимъ пробивать себѣ дорогу сквозь непріятеля и потерявъ въ отчаянной сѣчѣ болѣе девятисотъ человѣкъ прорвался и прибѣжалъ съ остальными жолнерами въ Кіевъ.

Такая выходка Корецкаго и послѣдовавшихъ за нимъ жолнеровъ заставила поляковъ окончательно потерять всякое сознаніе; казаки и татары ворвались въ самую середину ихъ и безпощадно рубили направо и налѣво. Поляки разсѣялись по лѣсу и по болоту, но повсюду ихъ преслѣдовали и рубили казаки.

Какъ и слѣдовало ожидать, поведеніе обоихъ гетмановъ до самого конца этой битвы было совершенно противоположно: Калиновскій дрался, какъ левъ и только тогда сдался казакамъ, когда получилъ двѣ раны, не дававшія ему возможности драться болѣе; Потоцкій же рѣшилъ отдаться на волю судьбы и бездѣятельно ѣхалъ въ своей каретѣ, пока его не захватили въ плѣнъ и не привезли въ казацкій лагерь вмѣстѣ съ другими панами, захваченными въ плѣнъ такъ же, какъ и онъ, въ каретахъ.

Около плѣнныхъ постоянно находилась толпа любопытныхъ казаковъ, которые по своему острили надъ плѣнными непріятелями.

— Что, паны, — со смѣхомъ говорили казаки, — пошли вы запорожцевъ ловить, а поцапцсь сами!

— Холодно имъ сердечнымъ! Отчего бы пану Хмѣльницкому не приказать, чтобы имъ выдали кожухи?!

Подошелъ къ Потоцкому и Хмѣльницкій и сказалъ ему:

— Видишь, какъ годно было Богу устроить: тѣ, которые пошли брать меня въ неволю, сами въ нее попались!

Но Потоцкій, не смотря на то, что онъ находился въ рукахъ Хмѣльницкаго, далъ ему надменный отвѣтъ, въ которомъ побѣду приписывалъ татарамъ.

— Хлопъ,—сказалъ Потоцкій, — чѣмъ ты заплатишь славному татарскому рыцарству? Оно побѣдило меня, а не ты съ своею разбойничью сволочью!

— Тобою, панъ, и заплачу я татарамъ, а также и другими же такими рыцарями, какъ ты? — хладнокровно отвѣчалъ ему Хмѣльницкій.

— Эхъ, Потоцкій, Потоцкій,—говорили казаки, останавливаясь около плѣннаго гетмана и покачивая головами:—по всему видно, что у тебя бабій разумъ! Не годишься ты быть гетманомъ и за это-то и надо тебя отдать въ руки Хмѣльницкаго. Теперь вотъ и поѣдешь въ Крымъ жевать сырую конину.

Въ неумѣніи вести дѣло обвиняли Потоцкаго и поляки; такъ одинъ современ-

ный ему историкъ говоритъ о немъ слѣдующее:

„Гетманъ Потоцкій думалъ о стаканахъ и стклянницахъ болѣе, чѣмъ о благѣ и цѣлости Рѣчи Посполитой и хотя былъ въ преклонныхъ лѣтахъ, однако заботился о смазливыхъ жонкахъ, не совѣтовался съ своимъ товарищемъ Калиновскимъ, съ полковниками и ротмистрами и, преданный постоянно пьянству и распутству, погубилъ войско, нанесъ безславіе и посрамленіе Польшѣ, потерялъ сыновъ отечества, старыхъ воиновъ и множество слугъ, нѣмцевъ и другихъ иноземцевъ, не слушалъ представленій короля, воеводы Краковскаго Любомирскаго, воеводы Брацлавскаго и другихъ пановъ, которые къ нему писали и совѣтовали не раздражать казаковъ и хлоповъ“.

Въ лагерѣ казаковъ весело отпраздновали побѣду: казаки стрѣляли, въ знакъ своего торжества, изъ ружей ипушекъ. Хмѣльницкій пировалъ вмѣстѣ съ казацкими старшинами и татарскими мурзами, на пиръ этотъ были приглашены знатнѣйшіе изъ

плѣнныхъ польскихъ пановъ, казакамъ на радостяхъ было выкачено двадцать пять бочекъ горилки.

Не забылъ Хмѣльницкій на радостяхъ и Запорожскую Сѣчь и отправилъ туда слѣдующіе подарки: за одинъ бунчукъ, взятый имъ изъ Сѣчи, онъ отправилъ туда два, за одну булаву—двѣ; запорожскому товариществу въ гостинецъ на пиво, послано было тысяча талеровъ и триста талеровъ на украшеніе сѣчевой церкви.

Всѣмъ казакамъ и татарамъ досталась очень богатая добыча, такъ какъ всѣ паны, какъ мы имѣли уже случай говорить выше, выѣзжая въ походъ, не желали себя лишать тѣхъ удобствъ, которыми они были окружены у себя дома и захватывали съ собою не только массу драгоцѣннаго оружія и такихъ-же конскихъ збруй, но везли еще серебряные столовые приборы, много богатыхъ одеждъ и такихъ вообще предметовъ, которые были годны къ употребленію на пирушкахъ, а никакъ не къ пользованію ими въ битвахъ со врагами.

Хмѣльницкій отправилъ къ себѣ домой

тринадцать возовъ, нагруженныхъ польскими драгоцѣнностями, а войско запоиожское, вышедшее въ походъ въ обыкновенной своей невзрачной одеждѣ, такъ нарядилось, что, по выраженію лѣтописца, „глядя на него съ высоты можно было почесть его за ниву, усѣянную краснымъ макомъ“.

Плѣнные гетманы: Потоцкій и Калиновскій были отданы Хмѣльницкимъ Тугай-Бею; кромѣ ихъ по раздѣлу за Тугай-Беемъ было оставлено еще 8060 человѣкъ плѣнныхъ поляковъ.

Когда Потоцкій и Калиновскій спрашивали его, какой выкупъ онъ согласился бы взять съ нихъ, то Тугай-Бей отвѣчалъ имъ такъ:

— Я дешево бы не отпустилъ такихъ пановъ и потребовалъ бы съ васъ по двадцати тысячъ червонцевъ съ каждаго, да сверхъ того отпуска всѣхъ плѣнныхъ татаръ, находящихся у поляковъ, да еще, чтобы всѣ ваши владѣнія въ Украйнѣ были бы утверждены за паномъ Хмѣльницкимъ.

Но Хмѣльницкій очень старался о томъ, чтобы оба гетмана были отправлены въ Крымъ, и дѣйствительно добился исполненія своего желанія. Гетмановъ отправили къ крымскому хану. Одна старинная народная пѣсня насмѣшливо говоритъ объ отправкѣ гетмановъ въ Крымъ:

„Поѣхали рыдваны въ Крымъ; то были два гетмана съ ихъ совѣтниками, а скарбовые возы остались казакамъ для починки панскихъ лохмотьевъ“.

Съ насмѣшкою также упоминалъ и Хмѣльницкій объ обоихъ гетманахъ въ своемъ письмѣ къ крымскому хану; онъ писалъ между прочимъ слѣдующее:

„Прошу ваше ханское величество почтить этихъ плѣнниковъ своею милостію; они люди вѣжливые и сумѣютъ въ свое время отблагодарить“.

Во всей Украйнѣ народъ, узнавъ о такой блестящей побѣдѣ казаковъ надъ поляками, поднимался и возставалъ противъ послѣднихъ, съ большою охотою присоединяясь къ казакамъ.

Смятеніе въ Украйнѣ сдѣлалось тѣмъ

сильнѣе, что вскорѣ пришло совершенно достовѣрное извѣстіе о томъ, что король Владиславъ дѣйствительно умеръ отъ каменной болѣзни, народъ-же утверждалъ, что шляхтичи отравили короля за его любовь и постоянныя добрыя отношенія къ запорожскому войску.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

		Стр.
Глава	I. У Крымскаго хана. . .	267
„	II. Хмѣльницкій гетманомъ.	279
„	III. Въ польскомъ лагерѣ. .	289
„	IV. Желтоводская битва . .	300
„	V. Мрачное предчувствіе. .	314
„	VI. Подруга по несчастью .	331
„	VII. Забота о спасеніи . . .	340
„	VIII. Подъ крыломъ арміи . .	355
„	IX. Извѣстіе о пораженіи .	366
„	X. Онять вмѣстѣ.	378
„	XI. Корсунская битва . . .	391

ГЕРОЙ МАЛОРОССІИ

Зиновій-Богданъ

ХМѢЛЬНИЦКІЙ

ИЛИ

ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ КЪ РОССІИ.

„Да будетъ едино стадо и единъ пастырь".

„Валимъ подъ царя восточнаго".

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Въ 4-хъ частяхъ.

Ев. Горпѣлова.

ЧАСТЬ IV.

ГЛАВА I.

На родинѣ.

Безпокойно провела Маруся все время, въ теченіе котораго продолжалась корсунская битва; она никогда еще не была такъ близко отъ мѣста сраженія и все производило на нее очень сильное впечатлѣніе. Сначала она пугалась пушечныхъ выстрѣловъ и не могла безъ ужаса глядѣть на тѣхъ раненыхъ, которыхъ проносили мимо нея.

— Боже,— молилась она про себя,— сохрани моего Аѳонаса отъ всего недобраго; вѣдь и онъ теперь участвуетъ въ этой страшной битвѣ, и онъ подвергается опасности наравнѣ съ другими и даже болѣе, чѣмъ другіе, такъ какъ онъ по

своему характеру стремится быть впереди другихъ.

— Эй, красавица, дай-ка мнѣ какой-нибудь тряпицы завязать царапину на лѣвой рукѣ!—сказалъ, подходя къ Марусѣ, какой-то молодой казакъ.

Маруся отыскала чистую тряпицу и подала ее казаку.

— Ишь вѣдь, какъ меня полоснулъ одинъ ляхъ,—говорилъ казакъ,—помоги-ка мнѣ, красавица, перевязать-то!

Маруся боялась вида крови, но тутъ она вспомнила о томъ, что въ случаѣ надобности умѣла же и она владѣть ножомъ, покончивъ имъ со своимъ врагомъ, Грицкой Корноухимъ, когда онъ тиранилъ ея мать; безстрашно взяла она руку казака и, осмотрѣвъ глубокую рану, какъ бы про себя сказала:

— Промыть ее сначала надо!

Она принесла воды, промыла рану и перевязала ее.

— Вотъ спасибо-то, красавица, хорошо еще, что меня полякъ-то не въ ногу полоснулъ, а то такъ и лежалъ бы и не

увидалъ бы тебя, и не помогла бы ты мнѣ; много теперь нашего брата валяется такъ-то.

— Много? — переспросила казака Маруся.

— Да, есть-таки! проклятые ляхи хоть и видятъ, что ихъ дѣло совсѣмъ проиграно, а не хотятъ даваться живыми въ руки. Много, красавица, валяется нашихъ и тамъ, гдѣ дерутся и тутъ поблизости, по дорогѣ.

„Они валяются и страдаютъ, имъ нужна чья-нибудь помощь; можетъ быть и Аѳонасъ валяется вмѣстѣ съ ними и тоже страдаетъ,—подумала Маруся и тотчасъ же у нея блеснула мысль итти помогать раненымъ.

Она побѣжала къ Ольгѣ, которую также застала сидящей въ большой задумчивости.

— Тебѣ что, Маруся? — спросила ее Ольга.

— Ахъ, какія страсти вокругъ насъ,— воскликнула Маруся.

— Сама знаю,—отвѣчала Ольга.

— Я надумала помогать раненымъ,— говорила Маруся—и пришла къ тебѣ затѣмъ, чтобы попросить у тебя какихъ-нибудь тряпицъ для перевязки ранъ.

— Какія-же у меня тряпицы; ты иди и проси ихъ у Анны, жены Болеслава, они пріѣхали сюда за нами со всѣмъ своимъ скарбомъ!

— Ахъ, что же я не вспомнила объ этомъ,—воскликнула Маруся и побѣжала къ Аннѣ, женѣ конюшаго.

— Маруся, ты, когда пойдешь перевязывать раненыхъ и меня захвати съ собою; скучно мнѣ тутъ сидѣть одной и безъ дѣла! — крикнула ей вслѣдъ Ольга.

— Слышу, панночка! — отвѣчала Маруся.

Болеславу и Аннѣ дѣйствительно удалось спасти все свое добро отъ расхищенія и они не знали, какъ и благодарить Марусю за то, что она вспомнила о нихъ въ нужную минуту.

Анна не только съ удовольствіемъ дала Марусѣ просимыя ею тряпицы, но и сама изъявила согласіе помогать раненымъ.

Такимъ образомъ черезъ нѣкоторое время на дорогѣ, идущей по направленію къ мѣсту битвы, работали надъ ранеными три женщины, которыхъ по теперешнему времени легко можно было бы принять за сестеръ милосердія. Наступившія сумерки и сильное утомленіе заставили ихъ окончить работу и подумать о подкрѣпленіи своихъ силъ.

— Ты гдѣ пропадала, моя дорогая? — встрѣтилъ Аѳонасъ Марусю.—Я давно уже воротился и все тосковалъ по тебѣ, хотѣлъ было итти тебя розыскивать, да не зналъ куда итти.

Маруся такъ обрадовалась, увидѣвъ Аѳонаса невредимымъ, что нѣкоторое время не могла ничего отвѣчать ему и только молча любовалась имъ, но потомъ, оправившись нѣсколько отъ перваго впечатлѣнія, она разсказала ему о томъ, что она дѣлала вмѣстѣ съ Анной и Ольгой.

Влюбленные затѣмъ начали говорить о своихъ дѣлахъ и строили различныя предположенія о своей будущности.

— Теперь должно быть скоро поляки

запросятъ у батьки Хмѣльницкаго мира; что же имъ дѣлать, когда главная ихъ армія теперь окончательно разбита, а къ намъ отовсюду и постоянно продолжаютъ прибывать подкрѣпленія; народъ такъ и валитъ къ Богдану со всѣхъ сторонъ, — говорилъ Аѳонасъ.

— Ахъ, какъ бы поскорѣе кончились всѣ эти ужасы и настало бы мирное время, воротились бы мы тогда въ Васильевку и не откладывали бы нашей свадьбы,—вслухъ мечтала Маруся.

— Да вѣдь не знаемъ еще мы съ тобою, Маруся, что теперь стало съ нашей Васильевкой...

— Я часто думаю о Васильевкѣ и вспоминаю о своей матери, — вздохнувъ, сказала Маруся.

— У меня отецъ тоже изъ ума нейдетъ; вѣдь знаю я, что онъ непремѣнно долженъ быть въ войскѣ, а никакъ не могу натолкнуться или на него, или на кого-нибудь изъ его старыхъ пріятелей.

Хмѣльницкій на радостяхъ и не замѣтилъ того, какъ сильно перемѣнилась его

Ольга; потомъ уже только, по прошествіи нѣкотораго времени замѣтилъ онъ чрезвычайную перемѣну, происшедшую въ его возлюбленной, но сначала онъ, конечно, не безъ основанія приписалъ эту перемѣну тому, что Ольга находилась въ разлукѣ съ нимъ, во власти такого ненавистнаго человѣка, какимъ былъ для нея Чаплинскій.

„Поживетъ немного со мною и поправится и опять станетъ такою Ольгою, какою я привыкъ ее видѣть“,—такъ думалъ Хмѣльницкій, но скоро принужденъ былъ разочароваться въ этихъ думахъ, такъ какъ Ольга не только не поправлялась, но еще продолжала худѣть и блѣднѣть какъ въ станѣ, такъ и въ лицѣ.

— Что такое дѣлается съ тобою?— спрашивалъ ее Богданъ.

— И сама не знаю, — отвѣчала ему Ольга, — съ чего такого я такъ сохну; тѣломъ я здорова совсѣмъ, радости моей, что опять мы съ тобою вмѣстѣ, нѣтъ конца, а сердце мое щемитъ какое-то предчувствіе.

— Тебѣ надо поменѣе волноваться, для тебя нужна жизнь попокойнѣе, я тебя отправлю въ Кіевъ, тамъ тебѣ будетъ гораздо лучше, чѣмъ тутъ и ты можетъ быть скоро поправишься; а въ Кіевѣ я и самъ скоро буду. Смотри же, поправляйся къ моему пріѣзду!

И Богданъ ласково обнималъ Ольгу, которая любовно, съ горячей признательностью смотрѣла на него, не сводя съ него глазъ и какъ бы не вѣря своему счастію.

Черезъ нѣкоторое время Богданъ отправилъ Ольгу въ Кіевъ, давъ ей надежныхъ провожатыхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Аѳонасъ; вмѣстѣ съ Ольгой ѣхали Маруся и Болеславъ съ своею женою Анной.

— Знаешь ли что, Маруся,—говорилъ на одной изъ остановокъ Марусѣ Аѳонасъ, — скоро мы подъѣдемъ къ такому мѣстечку, отъ котораго рукой подать до Васильевки, отпросимся-ка тогда у панны Ольги и съѣздимъ посмотрѣть, что сталось съ нашей Васильевкой.

— Вотъ хорошо-то будетъ,—восклик-

нула Маруся, — можетъ быть, если тамъ все благополучно, я повидаю тамъ и мать!

Скоро они подъѣхали къ тому мѣстечку, о которомъ говорилъ Аѳонасъ; Ольга охотно дала имъ согласіе отпустить ихъ на нѣкоторое время отъ себя и они съ большимъ нетерпѣніемъ устремились къ родной Васильевкѣ.

Но увы! Ничего не пришлось увидать имъ тамъ, кромѣ однихъ только обгорѣлыхъ остатковъ когда-то веселенькой, дышащей жизнію, деревеньки.

Долго стояли они молча среди обгорѣлыхъ остатковъ родной деревни, и слезы невольно появились на ихъ глазахъ.

— Кто сжегъ деревню? — воскликнулъ Аѳонасъ.

— Конечно ее сожгли поляки, а всѣхъ жителей ея перебили и мать моя пропала вмѣстѣ съ ними, — сказала Маруся и начала рыдать громко, безутѣшно.

— Зачѣмъ плакать раньше времени— успокоивалъ ее Аѳанасъ,—не плачу же я пока о своемъ отцѣ, а вѣдь онъ пошелъ въ войско и можетъ быть такъ давно уже

убитъ поляками, что и трупъ его склевали хищныя птицы.

— Но что же могло статься съ моей матерью? — настаивала на своемъ Маруся; — куда ей дѣться? Конечно, она убита поляками, которые сожгли Васильевку.

— Мало-ли что могло случиться съ нею?—говорилъ Аѳонасъ,—бываетъ вѣдь и такъ, что жители сами жгутъ свои деревни, чтобы онѣ не доставались врагу и расходятся по лѣсамъ; а то бываетъ, что многіе спасаются и отъ вражескаго набѣга; быть можетъ, что домъ твой сожгли поляки, а мать твоя успѣла скрыться.

— Дай-то Богъ, если бы это было такъ! — сказала Маруся, нѣсколько успокоенная словами Аѳонаса.

— Во всякомъ случаѣ намъ нечего до поры до времени оплакивать смерть своихъ родителей, которые очень можетъ быть живы и здоровы и считаютъ погибшими насъ,—замѣтилъ Аѳонасъ;—теперь хорошо бы было поѣздить тутъ по окрест-

нымъ деревнямъ и отыскавъ какую-нибудь живую душу, узнать бы отъ нея о судьбѣ Васильевки, да мы не имѣемъ для этого свободнаго времени; намъ скорѣе надо вернуться къ паннѣ Ольгѣ и постараться о томъ, чтобы она благополучно добралась до Кіева; по пріѣздѣ же въ Кіевъ мы увидимъ, что намъ надо будетъ дѣлать.

Они поспѣшили догнать Ольгу и, сопровождая ее, благополучно прибыли въ Кіевъ.

ГЛАВА II.

Осада.

Дѣла поляковъ между тѣмъ находились въ самомъ ужасномъ положеніи: число возставшихъ, окружавшихъ Хмѣльницкаго увеличивалось съ каждымъ днемъ, а поляки страдали отсутствіемъ правильнаго устройства даже въ самой столицѣ своей Варшавѣ, такъ какъ они долго не могли выбрать себѣ короля послѣ смерти Владислава, который умеръ, оставивъ двухъ сыновей: Казиміра и Карла. Изъ-за этихъ двухъ претендентовъ на престолъ между шляхтичами и на сеймѣ шли безконечные споры, и вопросъ о выборѣ короля такимъ образомъ оставался открытымъ.

Хмѣльницкій же въ это время, собравъ раду и посовѣтовавшись съ нею, рѣшилъ итти впередъ. Быстро шло войско Хмѣльницкаго, занимая одинъ за другимъ попутные города, такимъ образомъ были взяты Константиновъ, Зборожъ, Броды и казаки подступили къ Замостью, которое и осадили.

Хмѣльницкому суждено было также рѣшить споръ шляхтичей о томъ, кому изъ двухъ сыновей Владислава быть польскимъ королемъ.

Казаки изъявили желаніе видѣть на польскомъ престолѣ Казиміра, говоря, что если королемъ будетъ Карлъ, то они и не подумаютъ кончать войны.

Сильно не по сердцу было кичливымъ ляхамъ видѣть, что казаки вмѣшиваются въ ихъ внутреннія дѣла, но положеніе Польши было таково, что необходимо было считаться и съ мнѣніемъ ненавистныхъ хлоповъ - казаковъ.

Прежде всего поляки постарались убѣдить Карла, что само спасеніе отечества требуетъ, чтобы онъ отказался отъ пре-

стола и тѣмъ самымъ помогъ бы имъ исполнить желаніе казаковъ.

Карлъ дѣйствительно отказался отъ престола, на который былъ возведенъ Янъ Казиміръ, несмотря на то, что далеко не всѣ желали имѣть его королемъ и очень многіе были о немъ дурного мнѣнія.

Паны сочли нужнымъ немедленно увѣдомить Хмѣльницкаго о томъ, что желаніе казаковъ исполнено и на престолъ польскій выбранъ тотъ, кого желали имѣть королемъ они.

Хмѣльницкому очень пріятно было получить такое увѣдомленіе и онъ такъ отвѣчалъ посланнику, прибывшему къ нему:—

— Я только того и ждалъ, чтобъ было къ кому прибѣгнуть въ тяжкихъ своихъ несчастіяхъ; не я—настоящая причина бѣды, а все горе исходитъ отъ дурныхъ старостъ..

Хмѣльницкій счелъ нужнымъ увѣдомить объ избраніи Яна Казиміра и осажденный городъ и увѣдомлялъ такъ:

„Избирательный сеймъ кончился. Казаки, какъ дѣти одного отечества, пода-

вали голоса свои и, ради ихъ, полки согласились избрать Яна Казиміра. Но казаки такъ любятъ короля своего, какъ дѣти отца, и пока онъ не будетъ коронованъ, войско запорожское не выйдетъ изъ Польши, а будетъ стоять для охраненія особы его величества. Предлагаю гарнизону въ Замостьѣ отворить намъ теперь ворота, какъ согражданамъ и пріятелямъ.“

Комендантъ крѣпости, хотя и не отворилъ воротъ казакамъ, но прислалъ Хмѣльницкому въ подарокъ четыре боченка отличнаго вина.

Скоро въ казацкій таборъ явился посланникъ и отъ самого новоизбраннаго короля, который прислалъ Хмѣльницкому письмо такого содержанія:

„Я избранъ польскимъ королемъ по единодушному согласію обоихъ народовъ, такъ какъ ты самъ, Хмѣльницкій, требовалъ этого пламенно въ нѣсколькихъ письмахъ своихъ и частныхъ и посланныхъ къ сенату. Признай же во мнѣ верховнаго намѣстника великаго Бога, не опустошай по непрія-

тельски областей польскихъ, и перестань разорять моихъ подданныхъ. Отступи отъ Замостья; я желаю, что бы это было первымъ доказательствомъ твоего послушанія. Вспомни, что воинъ не есть разбойникъ и грабитель; ты не варваръ, а христіанинъ. Избавь народъ отъ убійствъ, а себя отъ безславія."

Прочитавъ это письмо, Хмѣльницкій объявилъ послу, что онъ повинуется королевскому приказанію, такъ какъ надѣется, что король разсудитъ его съ панами.

Общее веселье воцарилось въ казацкомъ лагерѣ, раздавались выстрѣлы изъ пушекъ и самъ гетманъ пилъ съ посломъ за здоровье короля.

—Вотъ,—говорилъ повеселѣвшій Хмѣльницкій,—если бы еще лѣтомъ выбрали короля, то не было бы того, что сдѣлалось. Хорошо, что выбрали Яна Казиміра, а если бы выбрали другого, тогда я пошелъ бы въ Краковъ и далъ бы корону тому, кому-бъ захотѣлъ.

Въ Замостье былъ посланъ трубачъ,

который предупредилъ запершихся тамъ поляковъ, что бы они готовились къ встрѣчѣ королевскаго посланника.

Королевскій посланникъ, явившись въ городъ, передалъ тамъ письмо Хмѣльницкаго, въ которомъ Хмѣльницкій увѣдомлялъ гарнизонъ и горожанъ о томъ, что онъ, по приказанію короля, завтра же снимаетъ осаду съ города и уходитъ отъ него со всѣмъ своимъ войскомъ и приглашалъ поляковъ веселиться и быть вѣрными своему королю. Дѣйствительно, во время пріема королевскаго посла въ Замостьѣ было замѣтно какъ бы веселье и раздавались крики: „многія лѣта королю Яну Казиміру!“ Но это веселье и этотъ восторгъ были только напускными, и кричавшіе королю многія лѣта въ то же время думали про себя: „отъ новаго короля нечего ждать добраго, потому что само имя его—Казиміръ, по-русски означаетъ сокрушителя міра; хорошо бы было, если бы эти многія лѣта, которыя мы выкрикиваемъ ему теперь, кончились ранѣе, чѣмъ онъ дѣйствительно вступитъ на престолъ“.

Хмѣльницкій на другой день, согласно своему обѣщанію, снялъ осаду съ города, и казаки, сдѣлавъ залпъ изъ ружей, отступили. Тогда паны, освободившись отъ томительной осады, вышли изъ города на то мѣсто, гдѣ стоялъ казацкій обозъ и пѣли тамъ, какъ бы послѣ какой побѣды: „Тебе Бога хвалимъ“, поздравляя другъ друга съ спасеніемъ, которое казалось для всѣхъ рѣшительно невозможнымъ. По словамъ самихъ же поляковъ-современниковъ выходило такъ, что Богъ вѣрно послалъ на Хмѣльницкаго слѣпоту, когда онъ съ такими силами не только не взялъ столицы и не покрылъ пепломъ всей Польши, но даже уклонялся отъ непріязненныхъ дѣйствій. Не менѣе поляковъ изумлены были и татары отступленіемъ Хмѣльницкаго отъ Замостья, въ которомъ они надѣялись поживиться, но Хмѣльницкій на изумленіе, выражаемое ему татарами, отвѣчалъ, что онъ подданный и слуга короля и потому долженъ повиноваться его повелѣнію.

Отступая отъ Замостья, Хмѣльницкій

встрѣтилъ новыхъ королевскихъ посланныхъ, которые везли ему милостивое письмо короля.

„Начиная счастливо наше царствованіе (писалъ король), мы, по примѣру предковъ нашихъ, послали вамъ, какъ старшему въ вѣрноподданномъ запорожскомъ войскѣ, булаву и хоругвь и обѣщаемъ вамъ возвращеніе древнихъ вашихъ рыцарскихъ правъ. Что касается междоусобія, которое къ сожалѣнію продолжалось до сихъ поръ, то мы сами теперь видимъ и соглашаемся съ вами, что причины его тѣ самыя, которыя вы изложили въ письмѣ вашемъ, а запорожское войско не виновато. Вы желаете, что бы запорожское войско состояло подъ властью нашею независимо отъ украинскихъ старостъ: мы того-же хотимъ и уразумѣвъ отъ пословъ вашихъ ваше справедливое желаніе, желаемъ привести его въ дѣйствіе, чрезъ комиссаровъ какъ можно лучше. Относительно уніи мы также хотимъ удовлетворить просьбу вашу надлежащимъ образомъ. А отъ васъ желаемъ, что бы

вы, видя наше милостивое королевское къ вамъ благорасположеніе и готовность успокоить все нашею королевскою властію, возвратились въ вашъ край, распустили татаръ, дабы не было болѣе опустошенія нашему королевству и ожидали къ себѣ комиссаровъ нашихъ.)

Хмѣльницкому было очень пріятно получить такое письмо отъ короля, волю котораго онъ тотчасъ же началъ приводить въ исполненіе; онъ приказалъ казакамъ прекратить свои набѣги, а народу велѣлъ положить оружіе; послалъ онъ также посланіе и ко всѣмъ панамъ, проживающимъ въ Украйнѣ; въ посланіи этомъ онъ увѣщевалъ пановъ жить въ мирѣ съ народомъ, какъ подданнымъ одного и того же короля.

Но несмотря на всѣ эти приказы и посланія, на самомъ дѣлѣ ни поляки, ни русскіе не оставляли непріязненныхъ дѣйствій; кровопролитіе не прекращалось, несмотря на видимое миролюбіе.

Торжественно было вступленіе Хмѣльницкаго въ Кіевъ: онъ въѣхалъ туда,

окруженный всѣми старшинами, при звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ и при радостныхъ восклицаніяхъ многочисленнаго народа; этотъ торжественный въѣздъ былъ совершенъ въ полуразрушенныя ярославовы золотыя ворота; у стѣнъ св. Софіи Хмѣльницкій былъ привѣтствуемъ митрополитомъ и духовенствомъ, воспитанники кіевской академіи и другихъ училищъ кіевскихъ пѣли ему латинскіе и украинскіе стихи. По словамъ одного русскаго лѣтописца, казаки плакали, увидя красоту церквей Божіихъ столицы св. Владимира на землю опроверженную.

ГЛАВА III.

Старики.

Давно уже мы ничего не говорили о старомъ Тарасѣ, который въ началѣ самого возстанія пріѣхалъ въ Сѣчь, отчасти для того, что бы скрыться отъ поляковъ, преслѣдовавшихъ его дома, отчасти для того, что бы отыскать тамъ своего сына Афонаса, но отчасти, конечно, и для того, что бы принять участіе въ общемъ, народномъ дѣлѣ освобожденія Украйны отъ польскаго ига.

— Или я еще не могу послужить?— вскрикивалъ иногда Тарасъ, сидя за пирушкою среди своихъ старыхъ сѣчевыхъ товарищей, неожиданно вскакивая передъ

ними при этомъ вопросѣ и выпрямляясь во весь ростъ.

— Отчего тебѣ не козаковать,—хладнокровно отвѣчалъ ему кто-нибудь изъ товарищей,—на такомъ, какъ ты, можно на цѣлый казацкій полкъ воду возить!

— Ха-ха-ха!..—раздавался смѣхъ среди пріятельской компаніи. Но Тарасъ не смущался этимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, братцы, не такой я конь, что бы на мнѣ возить воду; я—конь боевой, сами знаете, что не даромъ я провелъ свою молодость, постою за себя и теперь, не ударю лицомъ въ грязь и подъ старость.

Всѣ знали прежніе боевые подвиги Тараса и никто не принималъ за хвастовство его слова́.

Да и на дѣлѣ Тарасъ доказалъ, что онъ ни въ храбрости, ни въ отвагѣ, ни даже въ неутомимости нисколько не отличается отъ молодежи. Повсюду, гдѣ бы отрядъ, въ которомъ находился Тарасъ, не затѣвалъ схватки съ поляками, Тарасъ всегда находился впереди и увле-

калъ за собой своею беззавѣтной отвагою товарищей.

Принималъ онъ участіе и въ битвѣ при Желтахъ Водахъ; не мало также поработала его сабля и въ Корсунской битвѣ; но Корсунская битва не прошла для старика даромъ: онъ былъ очень сильно раненъ въ ногу и товарищи его отдали его на излѣченіе, какому-то попавшемуся имъ знахарю, древнему согбенному запорожцу, обитавшему въ лѣсной трущобѣ около Корсуня.

— Что, старикъ, намахался ты своей саблей, теперь тебѣ и отдохнуть пора,— подтрунивали надъ нимъ нѣкоторые товарищи.

— Скоро онъ оправится, и догонитъ васъ, и опять начнетъ козаковать не хуже васъ,—утѣшалъ Тараса знахарь.

— А вы-то теперь что будете дѣлать?— спрашивалъ Тарасъ.

— Какъ что будемъ дѣлать? Будемъ опять драться съ погаными ляхами за родимую Украйну.

— Да гдѣ же вы ихъ найдете теперь

ляховъ-то, ихъ теперь послѣ того, какъ мы полонили Потоцкаго и Кречовскаго, по всей Украйнѣ съ собаками не отыскать!—возражалъ Тарасъ.

— Будемъ ихъ отыскивать, хотя и безъ собакъ; да только не долго придется намъ ихъ отыскивать, того и гляди, что изъ Польши къ намъ вышлютъ новые полки.

— Ну такъ вы и не каркайте надо мною, какъ вороны, къ тому-то времени и я оправлюсь и буду съ вами.

И Тарасъ остался излѣчивать свою рану въ землянкѣ знахаря и нисколько не скучая проводилъ тамъ время; къ нему снова явилась его любимая привычка поспать и поваляться; рана, когда онъ былъ въ спокойномъ состоянiи, нисколько не мучила его, и онъ съ наслажденiемъ отдавался любимой привычкѣ; въ то же время, когда онъ не спалъ, онъ съ интересомъ слушалъ разсказы старика-знахаря о старинѣ стародавней.

Старикъ знахарь чуть ли не съ пеленокъ былъ въ Сѣчѣ и пробылъ тамъ до

самой старости, такъ что онъ дѣйствительно могъ поразсказать многое, интересное не для одного только Тараса.

Мысль о томъ, какъ бы узнать что-нибудь объ Аѳонасѣ и повидаться съ нимъ, не давала Тарасу и ранѣе покоя, теперь же на бездѣльѣ онъ только и занятъ былъ, что этою мыслію.

— Быть не можетъ, чтобы я не отыскалъ гдѣ-нибудь Аѳонаса,—говорилъ Тарасъ, бесѣдуя объ этомъ со знахаремъ;—во что бы то ни стало, а я какъ поправлюсь, то отыщу его; казакъ не иголка,—не пропадетъ.

— Это ты вѣрно говоришь,—возражалъ ему знахарь,—что казакъ не иголка и не пропадетъ, а только и казака такъ же трудно отыскать теперь въ запорожскомъ войскѣ, какъ трудно отыскать иголку въ стогѣ сѣна.

— Неужели же мнѣ такъ и не увидаться съ Аѳонасомъ?—спрашивалъ Тарасъ.

— Зачѣмъ не увидаться?! Если онъ не убитъ поляками, то вы увидитесь; будетъ миръ и Аѳонасъ ужъ навѣрно вернется

на родину и будетъ тамъ поджидать тебя; вотъ тамъ-то вы и увидитесь!

Стоило только знахарю упомянуть о родинѣ, какъ Тараса какою-то невѣдомою силою такъ и потянуло въ свою Васильевку тѣмъ болѣе, что онъ пока не могъ быть полезнымъ въ войскѣ.

„Вотъ гдѣ бы мнѣ отдохнуть и переждать свою болѣзнь,—думалъ Тарасъ;—это ничего, что у меня нѣтъ хаты, прожилъ бы я пока въ хатѣ у той же тетки Катерины, она бы и походила за мною; теперь тамъ мнѣ бояться нечего: поляки небось давнымъ-давно дали тягу изъ Крайнева.“

Дождался Тарасъ, пока нога его поджила настолько, что онъ могъ выходить и хотя очень медленно, но все-таки былъ въ состояніи ходить и отправился въ путь, въ родную Васильевку.

— Да, балмошный ты этакій, — уговаривалъ его знахарь,—подождалъ бы ты до тѣхъ поръ, пока тебѣ можно было бы выѣзжать на конѣ, добылъ бы я тебѣ коня и поѣхалъ бы ты куда тебѣ угодно!

— Нѣтъ, не въ терпёжъ стало мнѣ тутъ: сказалъ, что надо побывать въ Васильевкѣ и пойду туда! —отвѣчалъ упрямый Тарасъ на всѣ уговоры знахаря.

Тарасъ отправился въ путь вооружившись и оружіе еще болѣе замедляло его движенія; кромѣ того онъ часто ложился спать среди дня подъ открытымъ небомъ и спалъ иногда очень по-долгу.

— Вставай что ли вражій сынъ!—разбудилъ однажды чей-то окликъ Тараса, прилегшаго поспать на опушкѣ какого-то лѣса.

Тарасъ проснулся и къ ужасу своему увидалъ себя окруженнымъ поляками.

— Ха-ха-ха! Проснулся, собака! Ишь ты растянулся тутъ, какъ въ хатѣ на печкѣ!—хохотали надъ Тарасомъ разбудившіе его поляки, причемъ одинъ изъ нихъ дернулъ Тараса за его сѣдой усъ.

Не стерпѣлъ Тарасъ, не могъ онъ перенесть такой обиды, ключомъ забилась въ немъ кровь и онъ схватился было за саблю, чтобы отомстить дерзкому обидчику. Но ни сабли, ни другого оружія при немъ не оказалось.

„Эге, ловко же я спалъ тутъ, если не слыхалъ, какъ меня эти ляхи ободрали, какъ липку“,—подумалъ Тарасъ и увидѣлъ, что онъ долженъ безпрекословно покориться своей участи, которая, конечно, не обѣщала быть доброй.

— Подымайся же, собака! — толкалъ его одинъ изъ поляковъ.

Тарасу же трудно было подняться немедленно, такъ какъ больная нога мѣшала ему сдѣлать это.

— Да у него одна нога перевязана!

— Раненъ онъ въ ногу!

— Куда намъ съ нимъ возиться?! Повѣсимъ его на томъ же деревѣ, подъ которымъ онъ спалъ, да и поѣдемъ.

Такъ кричали нѣкоторые изъ поляковъ, но въ это время подъѣхалъ къ нимъ начальникъ отряда и, узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ Тараса посадить въ телѣгу и покрѣпче привязать къ ней.

— Онъ еще очень пригодится намъ, посмотрите-ка, какія хорошія свѣдѣнія сообщитъ онъ намъ, если мы его попытаемъ, какъ слѣдуетъ.

И Тарасъ поѣхалъ въ телѣгѣ, окруженный всадниками.

Недолго пришлось однако польскому отряду ѣхать благополучно, вскорѣ онъ наткнулся на засаду, устроенную ему казаками.

Началась кровавая схватка, въ которой перевѣсъ сразу же сталъ на сторонѣ казаковъ.

Съ радостью глядѣлъ Тарасъ на то, какъ казаки повсюду рубили поляковъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не приподняться въ телѣгѣ настолько, насколько ему позволяла его больная нога и не крикнуть:

— Такъ, братцы, такъ! Жарь ихъ окаянныхъ!

— Будешь ты у меня молчать, собачья кровь!—вскрикнулъ кто-то сзади Тараса, и онъ почувствовалъ ударъ чѣмъ-то очень тяжелымъ по головѣ...

Когда Тарасъ очнулся, то кругомъ его была полная тишина, и онъ находился въ темнотѣ. Попробовалъ было пошевельнуться Тарасъ, но онъ не могъ шевель-

нуться почти-что ни однимъ членомъ: вездѣ онъ встрѣчалъ препятствіе своимъ движеніямъ.

— Гдѣ же бы такое могъ я теперь находиться?!—подумалъ Тарасъ, потомъ, немного подумавъ, онъ догадался, что находится подъ телѣгою, къ которой онъ былъ привязанъ, и которая опрокинувшись накрыла его.

Какъ ни старался Тарасъ освободиться изъ столь диковинной темницы, но онъ не могъ сдѣлать этого; попусту пробившись очень долгое время, онъ принялся было кричать, думая, что крикъ его будетъ услышанъ и къ нему придетъ кто-нибудь на помощь.

Но напрасно онъ кричалъ: попрежнему около него царила мертвая тишина.

„Вотъ тебѣ и разъ, — пронеслось въ головѣ Тараса,—могъ ли я когда-нибудь подумать, что мнѣ придется умереть съ голоду подъ телѣгой“.

Болѣе сутокъ провелъ такимъ образомъ Тарасъ подъ телѣгой; страхъ у него смѣнялся отчаяніемъ, отчаяніе надеждою и

онъ въ первый разъ въ своей жизни познакомился съ безсонницей.

Но помощь Тарасу была близка.

Онъ услыхалъ легкій стукъ и шорохъ надъ собою, потомъ до слуха его явственно донесся человѣческій кашель.

— Эй, кто тамъ?—крикнулъ Тарасъ, и этимъ крикомъ едва было не попортилъ всего дѣла.

Сидѣвшій на телѣгѣ быстро вскочилъ съ нея со словами: съ нами крестная сила!

— Эй, православный, помоги мнѣ выбраться изъ-подъ этой телѣги, я православный казакъ и крестъ на мнѣ есть; какъ вылѣзу, покажу.

— Какъ же ты попалъ-то сюда, голубчикъ?—услыхалъ Тарасъ надъ собою старушечій голосъ.

— Эхъ, старушка, старушка, сама ты подумай, каково мнѣ теперь говорить съ тобою; ты помогай мнѣ поскорѣе вылѣзть-то, тогда я тебѣ все разскажу.

Старуха съ оханьемъ и кряхтѣньемъ начала возиться около телѣги, стараясь поднять ее, и наконецъ сказала:

— Стара я, родимый, не поднять мнѣ телѣги-то!

— Какъ же быть, бабушка, неужели же крещеной душѣ погибать безъ покаянія?—съ унынiемъ сказалъ Тарасъ.

— Что ты, что ты родимый?! Я надумала, что сдѣлать: ты потерпи тутъ немного, а я выйду на дорогу, да буду поджидать, не поѣдетъ-ли кто тутъ, того и буду просить, чтобы онъ помогъ тебѣ!

— А ты, бабушка, меня здѣсь не оставишь?—недовѣрчиво спросилъ Тарасъ.

— Что ты, родимый, на мнѣ вѣдь тоже крестъ есть!—отвѣчала старушка.

— А побожись!

Старушка побожилась.

— Ну иди же, а я буду ждать тутъ тебя,—сказалъ Тарасъ, успокоенный божбою старухи.

Старушка удалилась отъ телѣги по направленію къ дорогѣ.

Судьба на этотъ разъ оказалась милостивою къ Тарасу: ему не долго пришлось ждать возвращенія старухи, она

вскорѣ вернулась въ сопровожденіи какого-то странника.

Вдвоемъ они подняли телѣгу, и старуха такъ и вскрикнула, увидавъ Тараса.

— Да это ты Тарасъ?! Какъ же это угораздило тебя попасть подъ телѣгу?

— Такъ и угораздило, тетка Катерина (старуха эта была мать Маруси), помоги теперь мнѣ кстати распутать путы, какимъ привязали меня къ телѣгѣ проклятые ляхи,—отвѣчалъ Тарасъ.

Катерина и странникъ начали развязывать веревки, которыми былъ привязанъ Тарасъ и Катерина спросила его о томъ, куда онъ пробирался.

— Въ Васильевку;—а ты откуда

— А я изъ Васильевки...

— Ну что теперь тамъ у васъ? какъ?—

— Охъ, Тарасъ, и не спрашивай лучше, какъ у насъ, и не зачѣмъ тебѣ пробираться въ Васильевку, потому что и Васильевки-то теперь нѣтъ...

— Какъ такъ нѣтъ?

На этотъ вопросъ старуха отвѣчала разсказомъ о томъ, какъ на Васильевку

напали поляки, истребили ее до тла, а всѣхъ жителей, которые не успѣли убѣжать перебили.

— Какъ же быть-то?—разсуждалъ Тарасъ,—а я торопился въ Васильевку и думалъ увидать тамъ своего Аѳонаса, онъ ужъ навѣрно завернулъ бы туда, хоть бы для того, чтобы повидать твою Марусю.

— А я вотъ иду, куда глаза глядятъ и думаю, не нападу ли какъ-нибудь на слѣдъ Маруси,—сказала въ свою очередь Катерина и тутъ же разсказала Тарасу все, что она знала о Марусѣ.

— Ну что намъ теперь съ тобой дѣлать, тетка Катерина, а я еще вотъ какъ на грѣхъ калѣка,—сказалъ Тарасъ, показывая на свою больную ногу.

— А вотъ что вамъ я посовѣтую теперь дѣлать,—сталъ говорить имъ странникъ,—идите-ка вы теперь въ Кіевъ. Сказываютъ, что не то миръ, не то перемиріе у насъ съ поляками, и въ Кіевъ народъ такъ и валитъ; сказываютъ, что и самъ батько Богданъ будетъ туда, а съ нимъ

много и войска. Вотъ въ Кіевѣ-то вы скорѣе можетъ быть найдете, того, кого ищите.

— И то правда,—воскликнулъ Тарасъ; —пойдемъ-ка, тетка Катерина, съ тобою въ Кіевъ; тамъ кстати у меня знакомства много и намъ найдется мѣсто, гдѣ остановиться.

Катерина согласилась, и они вдвоемъ пошли къ Кіеву.

ГЛАВА IV.

Опять кровопролитіе.

Король Янъ Казиміръ торжественно короновался въ Варшавѣ, и вскорѣ же послѣ его коронованія, въ концѣ января мѣсяца 1649 года собрался сеймъ, на которомъ, конечно, только и разсужденія было между панами, что о возстаніи казаковъ и порѣшили въ случаѣ нужды собрать противъ нихъ поголовное ополченіе.

Между тѣмъ Яномъ Казиміромъ, согласно обѣщанію, данному имъ Хмѣльницкому, дѣйствительно были посланы комиссары, которые и уговаривались съ Хмѣльницкимъ и съ казацкими старши-

нами о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ могъ бы быть заключенъ вѣчный миръ.

Комиссары эти сообщали въ Варшаву очень неутѣшительныя извѣстія; они писали:

„Отечество въ опасности; непріятельское войско наготовѣ; земля русская поднимается; иноземная помощь приходитъ къ казакамъ; нѣтъ надежды на прочный договоръ. Мы употребляли все, что могла внушить намъ любовь къ отечеству и вѣрность королю, но увидѣли, что Хмѣльницкій думаетъ уже не о казачествѣ, а о независимомъ владѣніи въ русскихъ провинціяхъ, и хочетъ нахлынуть внутрь польскаго государства. Причиной тому какой-то патріархъ іерусалимскій, который далъ ему титулъ князя русскаго и сравниваетъ его съ Константиномъ Великимъ. Надежды нѣтъ, Тугай-Бей уже владѣетъ Савранью и Чечельникомъ. Вездѣ готовятъ оружіе, Хмѣльницкій принимаетъ къ себѣ и вѣрующихъ и невѣрующихъ въ Бога людей всякой націи, всякаго поведенія, заключаетъ съ ними

договоры, даетъ жалованіе и вооруженіе. Остается и намъ закалять оружіе, готовиться къ войнѣ, кому верхомъ, кому пѣшкомъ, либо склонять голову подъ ярмо презрѣнныхъ хлоповъ".

Тѣ условія, которыя предложилъ Хмѣльницкій, возбудили негодованія въ польскомъ сенатѣ и Польша начала готовиться къ рѣшительной войнѣ.

Громадной польской арміи приказано было итти на Волынь; гдѣ и началось съ перемѣннымъ счастіемъ снова борьба между русскими и поляками.

Хмѣльницкій же въ свою очередь распространялъ объявленія по всей Украйнѣ и приглашалъ всѣхъ сбираться около него для защиты отечества.

„Не ошибся Хмѣльницкій—говоритъ историкъ,—когда однажды разгоряченный виномъ говорилъ, что у него будетъ двѣсти-триста тысячъ. Чигиринъ, столица гетмана, закипѣлъ толпами людей всякаго рода и званія. Поселянинъ не разсчитывалъ дорогою времени: заброшенъ лежалъ плугъ его; орала и серпы перекованы

были на оружіе... не заботился онъ, что ему ѣсть и пить, надѣясь жить на счетъ Польши. Пустѣли хутора, села, города; покидали ремесленники свои мастерскія; купцы свои лавки; сапожники, портные, плотники, винокуры, пивовары, могильники (копатели сторожевыхъ кургановъ), банники, всякаго рода промышленники бѣжали въ казаки; трудно было по всей Украйнѣ нанять работника; недоставало даже могильщика вырыть могилу для калѣки или стараго дѣда. Даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ было городское право, бургомистры, ройцы, войты и канцеляристы побросали свои уряды и пошли въ казаки, остригши бороды: по обычаю того времени всякъ, кто не служилъ въ войскѣ, долженъ былъ носить бороду.—Такъ-то (замѣчаетъ современникъ) дьяволъ учинилъ себѣ смѣхъ *въ людей статечныхъ*".

Духъ своеволія усилился съ прошлаго года, когда многіе обогатились грабительствомъ польскихъ имуществъ; презрѣніе и насмѣшки ожидали того, кто не участвовалъ въ возстаніи; поэтому иной не-

хотя долженъ былъ мѣнять вѣсы или чернильницу на саблю и ружье. Только старики, калѣки и женщины оставались дома, но и то, по большей части, больной или бездѣтный старикъ, не желая или стыдясь оставаться безъ участія въ дѣлѣ освобожденія отечества, ставилъ вмѣсто себя наемщика.

Хмѣльницкій раздѣлилъ ихъ на полки; но подъ этимъ разумѣлся не правильный отдѣлъ арміи, а извѣстный край южнорусской земли; полкъ заключалъ въ себѣ города, мѣстечки, села, и назывался по имени главнаго, болѣе другихъ значительнаго города, гдѣ было правленіе полка, полкомъ начальствовалъ полковникъ: ему были подвѣдомствены другіе чиновники. Полки раздѣлялись на сотни: сотня заключала въ себѣ села и хутора и также носила названіе по имени какого-нибудь значительнаго мѣстечка. Сотни дѣлились на курени, въ которыхъ было нѣсколько десятковъ. Верховное мѣсто называлось войсковою канцеляріею; тамъ вмѣстѣ съ гетманомъ были чиновники: обозный (началь-

никъ артиллеріи и лагерной постройки), асаулъ (оберъ-лейтенантъ), писарь (государственный секретарь), хорунжій (главный знаменосецъ); всѣ эти чины назывались *енеральными*, или *войсковыми*; всѣ вмѣстѣ *войсковою старшиною*. Въ полку была войсковая канцелярія (полковое правленіе) и полковые старшины: полковые обозные, асаулы, писаря, судьи, хорунжіе. Въ сотнѣ была сотенная канцелярія и сотенные старшины, съ тѣми-же именами, какъ и въ полку. Такимъ образомъ чиновники сотенные и полковые отправляли въ сотнѣ и полку, тѣ же обязанности, какія возлагаемы были на чиновниковъ войсковыхъ съ подобными именами въ отношеніи цѣлаго казачества. Куренями начальствовали атаманы. Въ то время чиновники избирались и отрѣпались на радахъ, то есть народныхъ собраніяхъ военными голосами, потомъ утверждались гетманами. Такой порядокъ велся издавна въ казацкомъ войскѣ, но въ этотъ годъ онъ распространился на цѣлый народъ. Тогда слово: „казакъ“ перестало имѣть значенія особаго военна-

го сословія, а перенеслось на всю массу возставшаго южно-русскаго народонаселенія.

Такимъ образомъ Хмѣльницкій своими стараніями поголовному ополченію поляковъ противопоставилъ поголовное ополченіе украинцевъ.

Рѣшительной битвѣ казаковъ съ поляками на этотъ разъ суждено было произойти подъ городомъ Зборожемъ, къ которому на помощь полякамъ подошелъ и самъ король Янъ Казиміръ.

Казаки сильно тѣснили подъ Зборожемъ поляковъ и неоднократно одерживали надъ ними блистательныя побѣды, такъ что не особенно много могло поднять присутствіе духа поляковъ и самое появленіе между ними короля. Король ѣздилъ по рядамъ войска съ открытою головою, чтобы всѣ видѣли лицо его и безпрестанно кричалъ:

— Вотъ я! вотъ я! я—король вашъ! не бѣгите отъ меня, дѣти мои! Не оставляйте, благородные шляхтичи, своего государя! Не покидайте, воины, своего ко-

мандира! Что дѣлать? Богу было угодно послать на насъ такую бѣду; но Богъ милосердъ! Завтра съ помощью Его я надѣюсь побѣдить непріятеля. Я не отстану отъ васъ и, если угодно будетъ Богу, положу вмѣстѣ съ вами голову!

Трогательно, со слезами на глазахъ произносилъ король эти слова, и въ отвѣтъ ему раздались крики:

— Не уйдемъ: король не покинетъ насъ.

Шляхтичи ободрились было духомъ.

Но это было ненадолго; въ битвѣ происшедшей между поляками и казаками, поляки были разбиты окончательно; они покинули своего короля, который напрасно кричалъ имъ: „Ради Бога спасайте меня и отечество. Было такое время, когда король едва не попался въ плѣнъ.

Но вотъ раздался голосъ Хмѣльницкаго: „згода!“ И битва была пріостановлена.

Хмѣльницкій, по словамъ одного современника, не хотѣлъ, чтобы христіанскій король былъ въ неволѣ у басурманъ, такъ какъ съ казаками были и союзники ихъ та-

тары. Тогда начались переговоры между поляками и казаками.

Хмѣльницкій съ своей стороны предъявилъ слѣдующія требованія: независимости земли казаковъ въ опредѣленныхъ границахъ, съ признаніемъ единственной власти короля и съ освобожденіемъ отъ войскъ Польши, уничтоженія уніи, свободы греческой церкви, равенства правъ ея съ правами римской церкви и умноженія числа своего войска до 40,000.

Условія эти не могли считаться для поляковъ особенно обременительными и очень легко могло быть, что Хмѣльницкій ограничился этими условіями только потому, что мало надѣялся на своихъ союзниковъ— татаръ; но нѣкоторымъ изъ пановъ и эти условія показались даже дерзкими.

— Какъ (говорили нѣкоторые съ негодованіемъ), Хмѣльницкій смѣетъ намъ предлагать условія? И мы должны съ нимъ заключать договоры, какъ съ равнымъ?

Но болѣе опытные паны со вздохами отвѣчали:

— Эти господа не пробовали, какъ

больно бьетъ казакъ, а потому такъ и говорятъ; мы должны согласиться потому, что мы въ рукахъ непріятелей. Если казаковъ нѣтъ возможности покорить оружіемъ, надобно покорить ихъ прощеніемъ и милостію.

Однако, несмотря на всѣ эти недоразумѣнія, дѣло кое-какъ уладилось: Хмѣльницкій видѣлся лично съ королемъ и былъ написанъ зборожскій договоръ, который, въ самомъ дѣлѣ, не заключалъ въ себѣ ничего новаго, только возвращалъ старинныя права казацкому сословію.

ГЛАВА V.

Едино стадо—и единъ пастырь.

Во все время этихъ походовъ Маруся продолжала жить вмѣстѣ съ панною Ольгою въ Кіевѣ.

Всѣмъ было бы хорошо для Маруси въ Кіевѣ, но одно только обстоятельство сильно безпокоило ее, это именно то, что Аѳонасъ рѣдко бывалъ съ нею, а большую часть времени проводилъ въ походахъ.

„И зачѣмъ только люди воюютъ между собою“,—такъ часто думала дѣвушка, когда ей приходилось оставаться въ уединеніи,—„возстаютъ другъ на друга, обездоливаютъ и убиваютъ другъ друга. Развѣ

бѣлый свѣтъ такъ малъ, что въ немъ тѣсно для людей и недостаетъ имъ мѣста для того, что бы жить каждому самому по себѣ и не трогать другихъ?! Нѣтъ, великъ, ой великъ свѣтъ Божій и свободно могутъ жить въ немъ многіе народы: могли бы жить, не обижая другъ друга, и казаки съ поляками. И какъ бы хорошо было тогда! Не было бы битвъ и походовъ; они съ Аѳонасомъ давно бы повѣнчались и жили бы вмѣстѣ, наслаждаясь своей любовью!“

— О чемъ ты задумываешься?—спрашивала иногда ее Ольга.

— Ахъ, панна, какъ же мнѣ не задумываться, когда я какъ будто для того только и отыскала своего жениха, что бы быть съ нимъ постоянно въ разлукѣ?!

— Знаешь ли что,—сказала однажды Ольга Марусѣ,—я получила извѣстіе, что мой Богданъ заключилъ славный миръ съ королемъ подъ Зборожемъ; этотъ миръ кажется, будетъ надолго; да пора и перестать имъ воевать. Такъ вотъ скоро вернется сюда мой Богданъ, и Аѳонасъ

твой, конечно, съ нимъ будетъ; мы тогда не будемъ отлагать и сыграемъ вашу свадьбу съ Аѳонасомъ.

— А тамъ опять объявятъ какой нибудь походъ, и Аѳонасъ опять уйдетъ отъ меня и будетъ мнѣ тогда еще тяжелѣе, чѣмъ теперь!—задумчиво отвѣчала Маруся.

— Нѣтъ, нѣтъ,—оживленно говорила Ольга, которой очень хотѣлось принять участіе въ рѣшеніи судьбы Маруси,—мы тогда сдѣлаемъ такъ, что вы прямо-же послѣ свадьбы поѣдете на то мѣсто, гдѣ была ваша деревня, выстроите себѣ тамъ новую хату и будете отдыхать послѣ всего того, что вамъ пришлось перенесть.

Дѣвушкѣ очень льстило такое обѣщаніе панны Ольги, но Маруся частенько задумывалась и о томъ, что едва-ли Аѳонасъ согласится покинуть Хмѣльницкаго.

„Будетъ говорить,“—думала дѣвушка,—„что всѣ воюютъ за родину, и что онъ также долженъ воевать.“

Такъ конечно и было бы со стороны Аѳонаса, какъ человѣка всецѣло отдавшаго себя на служеніе родинѣ, если-бы

къ благополучію Маруси не случилось такого обстоятельства, про которое говорятъ, что не бывать бы счастью да несчастье помогло.

Аѳонасъ вернулся въ Кіевъ послѣ зборожскаго договора съ раненой рукой и охотно согласился сыграть свадьбу, а потомъ съѣздить и отдохнуть на свою родину, пока не поправится его рука.

Свадьба была сыграна очень весело, такъ какъ Аѳонасъ попрежнему былъ любимцемъ Хмѣльницкаго, который не пожалѣлъ для такого случая выдать вволю вина, пива и меда.

Въ самый разгаръ свадебнаго торжества, къ Аѳонасу подошелъ одинъ изъ казаковъ и сказалъ ему что-то на ухо.

Аѳонасъ, выслушавъ казака, быстро поднялся съ своего мѣста и поторопился выдти изъ горницы.

Всѣ съ недоумѣніемъ видѣли, какъ быстро покинулъ молодой молодую и вышелъ изъ горницы; нѣкоторые-же, находившіеся подальше отъ молодой, спрашивали другъ у друга, что бы это могло значить.

Маруся также недоумѣвала отъ такой неожиданности.

Но вскорѣ объяснилось.

Аѳонасъ вошелъ въ горницу не одинъ, а ведя съ собою отца своего Тараса и мать молодой Катерину.

— Дочка ты моя ненаглядная,—со слезами радости на глазахъ говорила Катерина, бросаясь въ объятія дочери,—а я было уже отчаялась и видѣть тебя, а вотъ Богъ привелъ; да какъ къ разу мы попали-то съ Тарасомъ: прямехонько-таки на вашу свадьбу.

И свадебный пиръ продолжался еще веселѣе и оживленнѣе послѣ прибытія такихъ неожиданныхъ гостей.

Но не удалось только молодымъ прямо же послѣ свадьбы, какъ разсчитывали они, уѣхать отдыхать на мѣсто бывшей Васильевки; имъ пришлось пробыть еще нѣкоторое время въ Кіевѣ и быть свидѣтелями послѣдующихъ событій, совершившихся для блага Украйны и присоединенія ея подъ высокую руку царя московскаго.

Случилось это такъ.

Никто не вѣрилъ въ прочность зборожскаго договора: ни поляки, ни русскіе.

Одинъ изъ современниковъ поляковъ говорилъ, что тайный шопотъ предупреждалъ всѣхъ, что миръ, который служилъ къ униженію шляхетскаго достоинства, не могъ быть продолжительнымъ. Это значило присыпать пепломъ огонь, который современемъ долженъ былъ вспыхнуть снова.

А русскій лѣтописецъ, упоминая о зборожскомъ договорѣ, который былъ подписанъ однимъ королемъ безъ согласія сейма замѣчаетъ:

„Что значитъ въ Польшѣ король? Ляхи—народъ непостоянный, они не повинуются своимъ королямъ и живутъ между собой въ несогласіи. Сколько въ польской землѣ ляховъ, столько совѣтовъ и мнѣній: каждый хочетъ свое слово поставить выше слова другого; они пишутъ договоры, обѣщаютъ, а потомъ отрекаются отъ своихъ обѣщаній.“

Такъ и случилось, и на Украйнѣ снова

поднялось волненіе въ виду того, что поляки отказывались отъ исполненія статей зборожскаго договора; волненіе это особенно усилилось тогда, когда поляки не приняли на сеймъ Кіевскаго митрополита, который согласно договору имѣлъ полное право присутствовать тамъ. Хмѣльницкій болѣе, чѣмъ кто-либо, сознавалъ истинное положеніе дѣлъ, предвидѣлъ онъ также и то, что его бывшіе союзники татары, могутъ соединиться съ поляками противъ казаковъ.

Украйна же была чрезмѣрно изнурена продолжительной войною, и не могла сражаться съ двумя противниками. Надо было обратиться за помощью къ какой либо изъ двухъ сосѣднихъ державъ Турціи или Россіи.

Хмѣльницкій давно уже велъ переговоры о присоединеніи Украйны къ Россіи и теперь рѣшилъ, что настало время поторопиться этимъ дѣломъ, столь полезнымъ для Украйны. Въ Москвѣ долгое время не давали согласія посламъ Хмѣльницкаго на присоединенія Украйны къ

Россіи, этому мѣшали два обстоятельства: во-первыхъ, то, что Россія еще недостаточно окрѣпла отъ прежнихъ войнъ, что бы рѣшиться принять новую войну, которая могла возгорѣться между Россіею и Польшею изъ-за присоединенія къ Россіи Украйны; во-вторыхъ, съ Польшею русскими былъ заключенъ миръ на вѣчныя времена и русскіе считали себя не вправѣ нарушить этотъ миръ.

Однако послѣднее и важнѣйшее препятствіе въ Москвѣ сочли возможнымъ вскорѣ устранить такимъ разсужденіемъ:

„Когда Янъ-Казиміръ былъ избранъ на королевство, то присягалъ, что бы ему всѣхъ христіанъ, которыхъ вѣроисповѣданіе отлично отъ римско-католическаго, остерегать и защищать и никакимъ образомъ ни самому ни кого за вѣру ни притѣснять, ни другимъ того не позволять, а если онъ своей присяги не сдержитъ, то подчиненные его освобождаются отъ всякой вѣрности и послушанья. Но король Янъ-Казиміръ своей присяги не сдержалъ: возсталъ на православную христіанскую

вѣру греческаго закона, раззорилъ многія Божія церкви, обратилъ другія въ уніатскія. Слѣдовательно, гетманъ Хмѣльницкій и все войско запорожское стали теперь, послѣ нарушенія королевской присяги, вольные люди. А потому, чтобы не допустить ихъ въ подданство къ турецкому султану или крымскому хану, слѣдуетъ гетмана со всѣмъ войскомъ и совсѣми городами и землями принять подъ высокую государеву руку".

Такъ постановила земская дума, собравшаяся въ Москвѣ для обсужденія предложенія Хмѣльницкаго; это рѣшеніе земской думы было утверждено государемъ и въ Украйну были отправлены послы: бояринъ Бутурлинъ, окольничій Алферѣевъ и думный дьякъ Лопухинъ съ товарищами для принятія Украйны подъ высокую руку царя московскаго.

Посламъ была приготовлена самая торжественная встрѣча: ихъ встрѣчало все духовенство и всѣ знатнѣйшіе изъ казацкихъ старшинъ; простые казаки также привѣтствовали пословъ выстрѣлами изъ ружей и звукомъ трубъ и котловъ.

Хмѣльницкій по случаю пріѣзда пословъ назначилъ общую раду въ Переяславлѣ и выйдя къ народу, сказалъ:

— Панове полковники, есаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане, всѣмъ намъ видно, что нельзя намъ болѣе жить безъ царя. Выбирайте себѣ царя изъ четырехъ, кого хотите: первый царь турецкій, второй—ханъ крымскій, третій—король польскій, четвертый-царь православной Великой Руси, царь восточный, котораго мы уже шесть лѣтъ умоляемъ быть нашимъ царемъ. Онъ одного съ нами исповѣданія; мы съ православіемъ Великой Руси—едино тѣло церкви, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ великій государь не призрѣлъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ къ намъ свое милостивое царское сердце и прислалъ своихъ ближнихъ людей съ царскою милостію. Возлюбимъ же его, такъ какъ кромѣ его царской руки мы не найдемъ другого пристанища. А кто насъ не хочетъ слушать, тотъ пусть идетъ, куда хочетъ!

Собравшаяся народная громада отвѣчала:

— Валимъ подъ царя московскаго! Лучше намъ будетъ умереть въ православной вѣрѣ, чѣмъ итти въ подданство къ поганымъ басурманамъ.

— Всѣ ли вы такъ хотите?—спрашивалъ народъ, обходя его, переяславскій полковникъ.

— Всѣ, всѣ хотимъ такъ!

Тогда Хмѣльницкій громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Пусть такъ и будетъ! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою рукою!

— Боже, утверди! Боже, утверди!—повторялъ народъ.

Такъ совершилось присоединеніе Украйны; въ народѣ оффиціально-же она была присоединена на основаніи слѣдующихъ грамотъ и документовъ.

ГЛАВА VI.

Изъ архива.

ПРОШЕНІЕ

Гетмана Богдана Хмѣльницкаго къ царю Алексѣю Михаиловичу, съ приложеніемъ договорныхъ пунктовъ.

„Божіею милостію, великій государю, царю и великій княже, Алексѣю Михаиловичу, всея Великія и Малыя Россіи, Самодержче и многихъ государствъ обладателю, твоему царскому величеству.

„Мы, Богданъ Хмѣльницкій, гетманъ войска запорожскаго, и все войско запорожское, и весь міръ христіанскій, россійскій, до лица земли челомъ бьемъ.

„Обрадовался вельми съ пожалованья ве-

ликаго и милости несчетныя твоего царскаго величества, которую намъ изволилъ твое царское величество показать, много челомъ бьемъ тебѣ, государю нашему, царскому величеству и служити прямо и вѣрно во всякихъ дѣлѣхъ и повелѣніяхъ царскихъ твоему царскому величеству будемъ по вѣки: только просимъ вельми, яко и въ грамотѣ просили есьмы, изволь намъ, твое царское величество, въ томъ всемъ пожалованьѣ и милость свою царскую указати, о чемъ посланники наши отъ насъ твоему царскому величеству будутъ челомъ бити:

„1) Вначалѣ изволь, твое царское величество, подтвердить права и вольности наши войсковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ запорожскомъ, что своими правами суживалися и вольности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ, чтобъ ни воевода, ни бояринъ, ни стольникъ въ суды войсковые не вступались, но отъ старшихъ своихъ чтобъ товарищество суждены были: гдѣ три человѣка казаковъ, тогда два третьяго должны судити“.

Подъ сими статьями помѣта думнаго дьяка Алмаза Иванова:

„Сей статьѣ указалъ государь и бояре приговорили: „быть такъ, по ихъ челобитью“.

„2) Войско запорожское въ числѣ 60 тысячъ, чтобы всегда полно было.

„Указалъ государь и бояре приговорили: „быть по ихъ челобитью 60 тысячъ человѣкъ“.

„3) Шляхты, которые въ Россіи обрѣтаются и вѣру, по непорочной заповѣди Христовой, тебѣ, великому государю нашему, твоему царскому величеству, учинили, чтобъ при своихъ шляхетскихъ волостяхъ пребывали и межъ себя старшихъ на уряды суровые обирали, и добра свои и вольности имѣли, какъ при королѣхъ польскихъ бывало, чтобъ и нынѣ, увидя такое пожалованье твоего царскаго величества, клонилися подъ область и подъ крѣпкую и высокую руку твоего царскаго величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ. Суды земскіе и городскіе черезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ до-

бровольно оберутъ, исправлены быти имѣютъ, какъ и прежде сего; тако-жъ шляхты, которые казну свою имѣли по крѣпостямъ на маетностяхъ, тогда, и нынѣ любо, чтобъ имъ поплачено или на маетностяхъ довладѣти дано.

Симъ статьямъ указалъ государь и бояре приговорили: „быть по ихъ челобитью".

„4) Въ городѣхъ урядники изъ нашихъ людей чтобъ были обираны на то достойные, которые должны будутъ подданными твоего царскаго величества исправляти или удержати и приходъ надлежащій въ правду въ казну твоего царскаго величества отдавати.

Указалъ великій государь и бояре приговорили: „быть по ихъ челобитью, а быти-бъ урядникомъ, войтомъ, бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ, и доходы денежные и хлѣбные, и всякіе на государя збирать имъ и отдавать въ государеву казну тѣмъ людямъ, которыхъ государь пришлетъ, надъ тѣми зборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду".

„5) На булаву гетманскую, что надано

со всѣми принадлежностями староство чигиринское, чтобъ и нынѣ для всего ряду прибывало.

Указалъ государь и бояре приговорили: „быть по ихъ челобитью“.

„6) Сохрани Боже, смерти на пана гетмана (понеже всякъ человѣкъ смертенъ, безъ чего немочно быть), чтобъ войско запорожское само, межъ себя гетмана избирало и его царскому величеству извѣщало, чтобъ то по его царскому величеству не въ кручину было, понеже тотъ давній обычай войсковой.

Государь указалъ и бояре приговорили: „быть по ихъ челобитью“.

„7) Имѣній казацкихъ чтобъ никто не отнималъ, которые землю имѣютъ и всѣ пожитки съ тѣхъ земель, чтобы при тѣхъ имѣніяхъ добровольно имѣли; вдовъ, послѣ казаковъ остальныхъ, чтобъ и дѣти такія-жъ вольности имѣли, какъ предки и отцы ихъ.

„Быть по ихъ челобитью“.

„8) Писарю войсковому чтобъ по милости его царскаго величества одна тысяча

злотыхъ для подписковъ, также и мельницу для прокормленія, что великій расходъ имѣетъ.

„Быть по ихъ челобитью, давать изъ тамошнихъ доходовъ“.

„9) На всякаго полковника чтобъ по мельницѣ было для того, что расходъ великій имѣютъ, но когда милости будетъ твоего царскаго величества, и больше того чѣмъ твое царское величество пожаловать изволишь.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью.

„10) Также на судей войсковыхъ по 300 злотыхъ и мельницѣ, а на писаря судейскаго по 100 злотыхъ.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью, а про судей допросить, сколько судей.

„11) Также есауламъ войсковымъ и полковымъ, что на услугахъ войсковыхъ завсегда обрѣтаются и хлѣба пахать не могутъ, по мельницѣ-бы имъ было просить твоего царскаго величества.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью.

„12) На подѣлку снаряда войсковаго и пушкарей и на всѣхъ людей работныхъ

у снаряда, просимъ твоего царскаго величества, изволь имѣти свое царское милостиво призрѣніе, яко о зимѣ, такъ и о станахъ такожде на обознаго по 400 злотыхъ.

Государь пожаловалъ, велѣвъ давать изъ тамошнихъ доходовъ.

„13) Правды, наданныя отъ вѣковъ отъ княжатъ и королей какъ духовнѣмъ людемъ, чтобъ ни въ чемъ не нарушены были.

Государь пожаловалъ, велѣвъ быть потому.

„14) Послы, которые изъ вѣка изъ чужихъ земель приходятъ къ войску запорожскому, чтобъ пану гетману и войску запорожскому, которые къ добру бы были вольно приняты, чтобъ то его царскому величеству въ кручину не было, а чтобъ не имѣло противъ его царскаго величества быти, должны мы его царскому величеству извѣщати.

Государь указалъ и бояре приговорили: „пословъ о добрыхъ дѣлѣхъ примати и отпускать, а о какихъ дѣлѣхъ приходили

и съ чѣмъ отпустятъ, о томъ писать государю; а которые послы присланы отъ кого будутъ съ противнымъ дѣломъ государю, и тѣхъ задерживать и писать объ ихъ государю; а безъ государева указу ихъ не отпускати и съ турскимъ султаномъ и съ польскимъ королемъ безъ государева указа не ссылаться".

„15) Какъ по польскимъ землямъ дань вдругъ отдается, воли бы есьмы и мы, чтобъ цѣною вѣдомою давать отъ тѣхъ людей, которые твоему царскому величеству надлежатъ, а если бы инако быти не могло, тогда ни на единаго воеводу не позволять о томъ договариваться, развѣ бы изъ тутошнихъ людей обобравши воеводу, человѣка достаточнаго, имѣетъ тѣ всѣ доходы въ правду его царскому величеству отдавать.

Сей статьѣ государь указалъ и бояре приговорили: „быть по тому, какъ выше сего написано, збирать войтомъ и бурмистромъ, и райцомъ, и лавникомъ, а отдавать въ государеву казну тѣмъ людемъ, кого государь пришлетъ, и тѣмъ

людемъ надъ зборщики смотрѣть, чтобы дѣлали правду.

„16) А то для того имѣютъ посланники наши договариваться, что наѣхавъ воевода права бы ламати имѣлъ и установы какія чинилъ, чтобъ быти имѣло съ великою досадою, понеже праву иному не могутъ вскорѣ навыкнуть и тяготы такія не могутъ носити; а изъ тутошныхъ людей, когда будутъ старшіе, тогда противъ правъ и установъ тутошныхъ будутъ исправляться.

О правахъ государевъ указъ и бояръ же приговоръ написанъ въ иныхъ статьяхъ.

„17) Прежде всего отъ королей польскихъ никакого гоненія на вѣру и на вольности наши не было, всегда мы всякаго чину свои вольности имѣли, и для того мы вѣрно и служили; а нынѣ за наступленія на вольности наши, побуждены его царскому величеству подъ крѣпкую и веселую руку подстаться. Прилежно просить имѣютъ послы наши, чтобъ правился его царское величество на хартіяхъ писанныя съ печатьми вислыми, единъ на вольности казацкія, а другіе на

шляхетскія, далъ чтобъ на вѣчныя времена непоколебимо было, а когда то одержимъ, мы сами смотръ межъ себя имѣти будемъ, кто казакъ, тотъ будетъ вольность казацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ, тотъ должность обыклую его царскому величеству отдавать, какъ и прежде сего; тако-же и на люди всякіе, которые его царскому величеству подданные, на какихъ правахъ и вольностяхъ имѣютъ быти.

Государь указалъ и бояре приговорили: „быть по ихъ челобитью“.

„18) О митрополитѣ помянути имѣютъ, какъ будутъ разговаривати, и о томъ посломъ нашимъ изустный наказъ далъ есмь.

Государь указалъ и бояре проговорили: „митрополиту на мѣстности его, которыми нынѣ владѣетъ, дать жалованную грамоту“.

„19) Такожды просити прилежно послы наши имѣютъ его царскаго величества, чтобъ его царское величество рать свою вскорѣ прямо къ Смоленску послалъ, не отсрочивая ничего, чтобъ непріятель не

могъ исправиться и съ иными совокупиться для того, что войска нынѣ принуждены, чтобъ никакой ихъ лести не вѣрили, еслибъ они имѣли въ чемъ дѣлать.

Указалъ государь и бояре приговорили: „про походъ ратныхъ людей объявить посланникамъ, съ котораго числа государь самъ и бояре, и ратные люди съ Москвы пойдутъ, а къ Гетману не писать“.

„20) И то надобное дѣло припомните, чтобы наемнаго люду здѣ по рубежу отъ ляховъ, для всякаго безстрашія съ тремя тысячами, или, какъ воля его царскаго величества будетъ, хотя и больше.

„Допросить въ коихъ мѣстахъ по рубежу стоятъ“.

„21) Обычай тотъ бывалъ, что всегда войску запорожскому платили, просить и нынѣ его царскаго величества, чтобы на полковника по двѣсти злотыхъ, на есауловъ войсковыхъ по четыреста злотыхъ, на сотниковъ по сту злотыхъ, на казаковъ по тридцати злотыхъ.

„Отговаривать. Великій государь, его царское величество, для православныя хри-

стіанскія вѣры, хотя ихъ отъ гонителей и хотящихъ раззорити церкви Божія и искоренити вѣру христіанскую, отъ латынь оборонити, собралъ рати многія и идетъ на непріятелей и свою государеву казну для ихъ обороны ратнымъ людемъ роздалъ многую. А какъ было у гетмана, у Богдана Хмѣльницкаго, государевъ ближній бояринъ и намѣстникъ тверской Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ товарищи и говорилъ съ гетманомъ о числѣ войска запорожскаго, и гетманъ говорилъ: „хотя число войска запорожскаго и велико будетъ, а государю въ томъ убытка не будетъ, потому что они жалованья у государя просить не учнутъ“. А говорилъ гетманъ при ихъ, при судьѣ и при полковникѣ, и нынѣ о томъ говорить не доводится.

„22) Орда есть-ли бы имѣла вкинуться, тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступати, такожде и донскимъ казакамъ готовымъ быть, а нынѣ еще въ братствѣ дати сроку, а ихъ не задирать.

Сказать: „на Донъ къ казакамъ государево повелѣнье послано будетъ: буде крымскіе люди задору никакого не учинятъ, на нихъ не ходить, а буде задоръ учинятъ, и въ то время государь укажетъ надъ ними промыслъ чинить“.

„23) Кодакъ городъ, который сдѣланъ на рубежу отъ Крыму, въ которомъ панъ гетманъ всегда по четыреста человѣкъ тамъ имѣетъ и кормы всякія имъ даетъ, чтобъ и нынѣ его царское величество, какъ кормами, такъ и порохомъ къ наряду изволилъ построити, также и на тѣхъ, которые за порогами коша берегутъ: чтобъ его царское величество милость свою изволилъ показать, понеже нельзя его самого безъ людей оставити“.

СТАТЬИ

постановленныя въ Москвѣ съ посланцами гетмана Хмѣльницкаго.

„Бьютъ челомъ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя Россіи и самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю, его царскаго величества подданные, Богданъ Хмѣльницкій, гетманъ войска запорожскаго, и весь міръ христіанскій россійскій, чтобъ его царское величество пожаловалъ ихъ тѣмъ, о чемъ посланники ихъ бити челомъ учнутъ, а они его царскому величеству во всякихъ его государскихъ повелѣніяхъ служити будутъ во вѣки, и что на которую статью царскаго величества изволенье, и то подписано подъ статьями.

„1) Чтобъ въ городѣхъ урядники были изъ нихъ людей обираны къ тому достойные, которые должны будутъ подданными царскаго величества уряжати и доходы всякіе въ правду въ казну царскаго величества отдавати для того, что царскаго бъ величества воевода пріѣхалъ, учалъ права ихъ ломать и уставы какіе чинить, и то-бъ имъ было въ великую досаду, и какъ тутошніе ихъ люди гдѣ будутъ старшіе, то они противъ правъ своихъ учнутъ исправляться.

И сей статьѣ царское величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью; а быти-бъ урядникомъ въ городѣхъ, войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, лавникамъ и доходы всякіе, денежные и хлѣбные сбирать на царское величество, и отдавать въ его государеву казну тѣмъ людямъ, которыхъ царское величество пришлетъ; да тѣмъ-же присланнымъ людямъ, кого для тоя сборныя казны царское величество пришлетъ, и надъ тѣми сборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

„2) Писарю войсковому чтобъ, по ми-

лости царскаго величества, тысячу злотыхъ польскихъ для подписокъ давать, а на судей всйсковыхъ по триста злотыхъ польскихъ, а на писаря судейскаго по сту злотыхъ польскихъ, на писаря да на хорунжаго полковаго по пятьдесятъ злотыхъ, на хорунжаго сотницкаго тридцать злотыхъ, на бунчужскаго гетманскаго пятьдесятъ злотыхъ.

Царское величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью, а давать тѣ деньги изъ тамошнихъ доходовъ.

„3) На писаря и на судей войсковыхъ на два человѣка, и на всякаго полковника, и на есауловъ войсковыхъ и полковыхъ чтобъ по мельницѣ было для прокормленья, что расходъ имѣютъ великой.

Царское величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью.

„4) На подѣлку наряда войсковаго, и на всѣхъ работныхъ людей, которые у наряда бываютъ, чтобъ царское величество пожаловалъ, изволилъ учинить свое царское милостивое призрѣніе какъ въ зиму, такъ и о станахъ; такожде на обоз-

наго арматнаго четыреста злотыхъ, а на хорунжаго арматнаго пятьдесятъ злотыхъ.

Царское величество пожаловалъ, всѣмъ давать изъ тамашнихъ доходовъ.

„5) Послы, которые издавна къ войску запорожскому приходятъ изъ чужихъ краевъ, чтобъ гетману и войску запорожскому, которые къ добру-бъ были, вольно приняти; а только-бъ что имѣло быть противно царскаго величества, то должны они царскому величеству извѣщати.

По сей статьѣ царское величество указалъ пословъ о добрыхъ дѣлахъ принимать и отпускать, а о какихъ дѣлахъ приходили и съ чѣмъ отпущены будутъ, о томъ писать царскому величеству подлинно и скоро, и которые послы отъ кого будутъ царскому величеству съ противнымъ дѣломъ, и тѣхъ пословъ и посланниковъ задерживать въ войскѣ, и писати объ нихъ о указѣ къ царскому величеству вскорѣ-жъ, а безъ указа царскаго величества назадъ ихъ не отпускать; а съ турецкимъ салтаномъ и съ польскимъ королемъ безъ указа царскаго величества не ссылаться.

„6) О митрополитѣ кіевскомъ посланникамъ изустный наказъ данъ; а на рѣчахъ посланники били челомъ, чтобъ царское величество пожаловалъ, велѣлъ дать на его маетности государскую жалованную грамоту.

Царское величество пожаловалъ митрополиту и всѣмъ духовнаго чина людямъ на маетности ихъ, которыми они нынѣ владѣютъ, свою государскую жалованную грамоту дать велѣлъ.

„7) Чтобъ царское величество изволилъ рать свою вскорѣ прямо къ Смоленску послать, не отсрочивая ничего, чтобъ непріятель не могъ исправиться и съ иными совокупиться, для того, что войска нынѣ принуждены, чтобъ никакой ихъ лести не вѣрили, еслибъ они имѣли въ чемъ дѣлать.

Царское величество изволилъ на непріятеля своего, на польскаго короля идти самъ и бояръ и воевода послать со многими ратьми по просухѣ, какъ конскіе кормы учнутъ быть.

„8) Чтобы наемному люду здѣ по рубе-

жу отъ ляховъ, для всякаго безстрашія, съ тремя тысячами, или какъ воля царскаго величества будетъ, хотя и больше.

„Царскаго величества ратные люди всегда на рубежѣ для Украйны обереганія есть и впредь стоять учнутъ.

„9) Обычай тотъ бывалъ, что всегда войску запорожскому платили; бьютъ челомъ и нынѣ царскому величеству, чтобъ на полковниковъ по ста ефимковъ, на есауловъ полковыхъ по двѣсти злотыхъ, на есауловъ войсковыхъ по четыреста злотыхъ, по сотниковъ по ста злотыхъ, на казаковъ по тридцать злотыхъ польскихъ давать.

«И въ прошлыхъ годѣхъ присылалъ къ царскому величеству гетманъ Богданъ Хмѣльницкій и все войско запорожское и били челомъ многижды, что-бъ его царское величество ихъ пожаловалъ для православныя христіанскія вѣры и святыхъ Божьихъ церквей, за нихъ вступился и принялъ ихъ подъ свою государеву высокую руку и на непріятелей ихъ учинилъ имъ помощь. И великому государю нашему,

его царскому величеству, въ то время подъ свою высокую руку приняти было васъ немочно, потому что у его царскаго величества съ короли польскими и великими князи литовскими было вѣчное докончаніе. А что съ ихъ королевскія стороны, царскаго величества отцу, блаженныя памяти государю царю и великому князю, Михаилу Ѳеодоровичу всея Руссіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю, и дѣду его государеву, блаженныя памяти великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всея Руссіи, и великому государю нашему, царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу, всея Руссіи самодержцу, его царскому величеству учинились многія безчестія и укоризны, и о томъ по Королевскимъ грамотамъ и по сеймовому уложенію, и по конституціи, и по польскимъ договорамъ царское величество ожидалъ исправленья, а гетмана Богдана Хмѣльницкаго и все войско запорожское хотѣлъ съ королемъ польскимъ помирить черезъ своихъ государевыхъ

великихъ пословъ, тѣмъ способомъ: буде Янъ Казиміръ, король, учинитъ съ ними миръ по зборожскому договору и на православную христіанскую вѣру гоненія чинить не учнетъ и уніатовъ всѣхъ выведетъ, и царское величество виннымъ людямъ, которые за его государскую честь довелись смертны казни, вини ихъ хотѣлъ отдать, и о томъ посылалъ къ Яну Казиміру, королю, своихъ государевыхъ великихъ и полномочныхъ пословъ, боярина и намѣстника великопермскаго Бориса Александровича Рѣпнина, Оболенскаго съ товарищи, и тѣ царскаго величества великіе и полномочные послы о томъ мирѣ и о поступкахъ королю и панамъ радѣ говорили всякими мѣрами, и Янъ Казиміръ, король, и паны рада, ни на которую мѣру не сошли и великое дѣло поставили ни во что и тѣхъ царскаго величества великихъ и полномочныхъ пословъ отпустили безъ дѣла. И великій государь нашъ, его царское величество, видя такія съ королевскія стороны многія неисправленья, и грубости, и неправды, и хотя

православную христіанскую вѣру и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ гонителей и хотящихъ церкви Божіи раззорити, и вѣру христіанскую искоренити, отъ латыни оборонити, подъ свою государеву высокую руку васъ принялъ; а для вашія обороны, собравъ русскія и татарскія и нѣмецкія рати многія, идетъ самъ, великій государь вашъ, его царское величество, на непріятелей христіанскихъ, и бояръ своихъ и воеводъ шлётъ со многими ратьми и на тотъ ратный строй, по его государеву указу, роздана его государева казна многая, и нынѣ имъ, посланникамъ, о жалованьи на войско запорожское говорить, видя такую царскаго величества милость и къ нимъ оборону, не довелось. А какъ былъ у гетмана, у Богдана Хмѣльницкаго, государевъ ближній бояринъ и намѣстникъ тверской, Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ товарищи, и гетманъ говорилъ съ ними въ разговорѣхъ о числѣ войска запорожскаго, чтобъ учинить шестьдесятъ тысячъ; а хотя-бъ-де того числа было и больше и государю-де въ томъ

убытка не будетъ, но потому, что они жалованья у государя просить не учнутъ; да имъ, Самойлу и Павлу, и инымъ людямъ, которые въ то время при гетманѣ были, про то вѣдомо-жъ, а что въ Малой Россіи въ городѣхъ и мѣстѣхъ какихъ доходовъ, и про то царскому величеству невѣдомо, и великій государь нашъ, его царское величество, посылаетъ доходы описать дворянъ; а какъ тѣ царскаго величества дворяне доходы всякіе опишутъ и смѣтятъ, въ то время о жалованьѣ на войско запорожское по разсмотрѣнію царскаго величества и указъ будетъ. А нынѣ его царское величество, жалуя гетмана и всё войско запорожское, хочетъ послать своего государева жалованья, по давнымъ обычаямъ предковъ своихъ, великихъ государей, царей и великихъ князей россійскихъ, гетману и всему войску запорожскому злотыми.

„10) Крымская орда, если-бъ имѣла вкинуться; тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступати такожде и донскимъ казакамъ готовымъ

быть, а нынѣ, еще въ братствѣ, дать сроку и ихъ не задирать.

„Царскаго величества указъ и повелѣнье на Донъ къ казакамъ послано: „буде крымскіе люди задора никакого не учинятъ, и на нихъ ходить и задора чинить не велѣно; а буде крымцы задоръ учинятъ и въ то время царское величество укажетъ надъ ними промыслъ чинить.

„Кодакъ городъ на рубежѣ отъ Крыма, въ которомъ гетманъ всегда по четыреста человѣкъ держитъ и кормы всякіе имъ даетъ, чтобъ и нынѣ его царское величество пожаловалъ кормами и порохомъ къ наряду изволилъ построити; также и на тѣхъ, которые за порогами коша берегутъ, чтобъ его царское величество милость свою изволилъ показать, понеже нельзя его самого безъ людей оставити.

О той статьѣ его царскаго величества милостивый указъ будетъ впередъ, какъ про то вѣдомо будетъ, по скольку какихъ запасовъ въ тѣ мѣста посылывано, и сколько будетъ доходовъ въ сборѣ на его царское величество.

„А что въ письмѣ же вашемъ написано: какъ великій государь нашъ, его царское величество, гетмана Богдана Хмѣльницкаго и все войско запорожское пожалуетъ, свои государскія грамоты на вольности ваши дать велитъ, тогда вы смотръ межъ собой учинити, кто будетъ казакъ или мужикъ.

„А чтобъ число войска запорожскаго было шестьдесятъ тысячъ, и великій государь нашъ, его царское величество, на то изволилъ, тому числу списковымъ казакамъ быть велѣлъ; и какъ вы, посланники, будете у гетмана, у Богдана Хмѣльницкаго, и вы-бъ ему сказали, чтобъ онъ велѣлъ казаковъ разобрать вскорѣ и списокъ имъ учинилъ, да тотъ списокъ, за своею рукою, прислалъ къ его царскому величеству вскорѣ.

Допросить: „по скольку корму человѣку на тѣхъ 400 человѣкъ даютъ, и за порогами для копа сколько человѣкъ и о чемъ за нихъ бьютъ челомъ.“

Доложить государю бояре говорили: „которые государевы всякихъ чиновъ

люди учнутъ бѣгати въ государевы черкасскіе города имѣете и тѣхъ бы сысковъ отдавати".

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА.

„Божіею милостію, мы, великій государь, царь и великій князь, Алексѣй Михаиловичъ, всея Великія и Малыя Руссіи самодержецъ, пожаловали есьмы нашего царскаго величества подданныхъ: Богдана Хмѣльницкаго, гетмана войска запорожскаго, и писаря Ивана Выговскаго, и судей войсковыхъ, и полковниковъ, и есауловъ, и сотниковъ, и все войско запорожское; что, въ нынѣшнемъ во 162 году, какъ по милости Божіей, учинились подъ нашею государскою высокою рукою онъ, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій и все войско запорожское, и вѣру намъ, великому государю и нашимъ государскимъ дѣтямъ и наслѣдникамъ, на вѣчное подданство учинили и въ мартѣ мѣсяцѣ присылали къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству,

онъ, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій и все войско запорожское посланниковъ своихъ, Самойла Богданова, судью войсковаго, да Павла Тетерю, полковника переяславскаго, а въ листѣ своемъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, гетманъ писалъ и посланники били челомъ, чтобъ намъ, великому государю, его, гетмана Богдана Хмѣльницкаго, и всё войско запорожское пожаловати, велѣти прежнія ихъ права и вольности войсковыя, какъ издавна бывали при великихъ князѣхъ русскихъ и при королѣхъ польскихъ, что суживались и вольности свои имѣли въ добрахъ и судахъ и чтобъ въ тѣ ихъ войсковые суды никто не вступался, но отъ своихъ бы старшинъ судились, подтвердити и прежнихъ-бы ихъ правъ, каковыя даны духовнаго и мірскаго чина людемъ отъ великихъ князей русскихъ и отъ королей польскихъ, не нарушить и на тѣ бы ихъ права дати нашу государскую жалованную грамоту, за нашею государскою печатью; и чтобъ число войска запорож-

скаго списковое учинить шестьдесятъ тысячъ и было-бъ то число всегда полно. А буде судомъ Божіимъ смерть случится гетману, и намъ бы, великому государю, повелѣть войску запорожскому, по прежнему обычаю, самимъ межъ себя гетмана обирати, а кого оберутъ, и про то намъ, великому государю объявляти; имѣній казацкихъ и земель, которыя имѣютъ для пожитка, чтобъ у нихъ отнимать не велѣть, также бы и вдовъ, послѣ казаковъ осталыхъ, дѣти повольности имѣли, какъ дѣды и отцы ихъ, и мы, великій государь, позволили войску запорожскому выбирати гетмана, по прежнимъ ихъ правамъ и привиллегіямъ, каковы имъ даны отъ королей польскихъ и отъ великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ и правъ и вольностей нарушивати ничѣмъ не велѣли и судитися имъ велѣли отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ, а число войска запорожскаго есьмы, по ихъ же челобитью, учинить списковаго шестьдесятъ тысячъ всегда полное. А буде судомъ Божіимъ смерть случится гетману, и мы, великій

государь, позволили войску запорожскому выбирати гетмана, по прежнимъ ихъ обычаямъ, самимъ межъ себя, а когда гетмана оберутъ, и о томъ писати къ намъ, великому государю, да тому-жъ новообранному гетману на подданство и на вѣрность вѣру намъ, великому государю, учинить, при комъ мы, великій государь, укажемъ. Также и имѣній казацкихъ и земель, которыя они имѣютъ для пожитка, отнимати у нихъ и вдовъ, послѣ казаковъ осталыхъ, и дѣтей не велѣли, а быти имъ за ними по прежнему. И по нашему царскаго величества жалованью, нашимъ царскаго величества подданнымъ, Богдану Хмѣльницкому, гетману войска запорожскаго и всему нашего царскаго величества, войску запорожскому быти подъ нашею, царскаго величества высокою рукою, по своимъ прежнимъ правамъ и правленіямъ и по всѣмъ статьямъ, которыя писаны выше сего и намъ, великому государю, и сыну нашему, государю-царевичу князю Алексѣю Алексѣевичу и наслѣдникамъ нашимъ служити и прямите

и всякаго добра хотѣти, и на нашихъ государскихъ непріятелей, гдѣ наше государское повелѣніе будетъ, ходити и съ ними битись и во всемъ быти въ нашей государской волѣ и послушаньѣ на вѣки. А о которыхъ о иныхъ статьяхъ намъ, великому государю нашему царскому величеству, тѣ вышеименованные посланники Самойло и Павелъ, именемъ Богдана Хмѣльницкаго, гетмана войска запорожскаго, и всего нашего царскаго величества войска запорожскаго били челомъ и подали нашимъ, царскаго величества, ближнимъ боярамъ, боярину и намѣстнику казанскому князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, боярину и намѣстнику тверскому Василію Васильевичу Бутурлину, окольничему и намѣстнику каширскому Петру Петровичу Головину, думному дьяку Алмазу Иванову,—статьи и мы, великій государь, тѣхъ статей выслушали милостиво, и что на которую статью наше, царскаго величества, изволенье и то велѣли подписать подъ тѣми-жъ статьями, да тѣ статьи нашего царскаго величества ука-

замъ велѣли дать тѣмъ же посланникамъ Самойлу и Павлу и хотимъ его, гетмана Богдана Хмѣльницкаго, и всё войско запорожское держать въ нашемъ, царскаго величества, милостивомъ жалованьѣ и въ призрѣніи, и имъ-бы на нашу государскую милость быть надежнымъ".

ГЛАВА VII.

Заключеніе.

Попировавъ на свободѣ и затѣмъ достаточно отдохнувъ и молодые и ихъ старики стали думать о томъ, какъ бы имъ пробраться опять на мѣсто бывшей Васильевки и поселиться бы тамъ своимъ домкомъ.

— А что,—говаривалъ иногда старый Тарасъ,—не даромъ же люди сложили поговорку: что въ гостяхъ хорошо, а дома лучше; вѣдь мы въ Кіевѣ все равно какъ бы въ гостяхъ и меня такъ и тянетъ опять въ Васильевку...

— Да нѣтъ ее вѣдь, голубчикъ Тарасъ— прерывала его Катерина.

— Поди ты, старая, нѣтъ! Сама ты знаешь, что свято мѣсто пусто не бываетъ. Ты думаешь, что, однихъ насъ туда тянетъ что-ли? Тянетъ туда и другихъ, и, посмотри, что тамъ ужъ кое-кто вернулся и построился, построились бы и мы однимъ домикомъ и какъ бы славно зажили тамъ; тамъ кстати у меня и деньжонокъ порядочно припасено въ укромномъ мѣстечкѣ.

Поговорили, поговорили такъ-то старики съ молодыми и порѣшили ѣхать на свою родину.

Тарасъ былъ правъ: тамъ дѣйствительно возвышалось нѣсколько вновь построенныхъ хатъ и во многихъ мѣстахъ пока только еще шла постройка.

Начали строиться и обзаводиться хозяйствомъ и наши знакомые, прибывъ на свое старое пепелище.

Устраивала также свое хозяйство и Москва во вновь присоединенной къ ней Украйнѣ.

Въ Москвѣ знали, что рано или поздно но должна же быть война съ поляками

изъ-за Украйны и сознавали, что Русь нѣсколько оправилась, а Польша обезсилила отъ продолжительной войны съ казаками и татарами. Руководствуясь такими соображеніями русскіе и объявили Польшѣ войну.

Король, желая, по крайней мѣрѣ хотя отсрочить грозящую опасность, отправилъ въ Москву посломъ сенатора Млоцкаго. Примасъ, архіепископъ гнѣзненскій, написалъ убѣдительное письмо къ патріарху россійскому Никону и умолялъ именемъ любви Христовой убѣдить государя не проливать христіанской крови. По извѣстію польскихъ лѣтописей патріархъ началъ совѣтовать Алексѣю Михайловичу не мѣшаться въ междоусобную рѣзню поляковъ съ казаками; онъ вспомнилъ несчастія, которыя потерпѣла Россія въ смутныя времена междуцарствія; представлялъ, что Хмѣльницкій можетъ легко примириться съ поляками и вмѣсто благодарности Москвѣ, обратить на нее оружіе по приказанію короля. Но царь слишкомъ ясно видѣлъ пользу своей державы; притомъ каза-

лось предосудительнымъ оставить предавшійся ему народъ въ руки враговъ. Млоцкій возвратился съ извѣстіемъ, что московское войско идетъ къ литовской границѣ.

Войска Рѣчи Посполитой въ Литвѣ не были наготовѣ, по случаю созваннаго сейма; не было никакихъ распоряженій къ оборонѣ. Московскіе люди разсѣялись по всей Литвѣ и сразу завоевали: Бѣлый, Доробужъ, Серпейскъ, Дубровну, Невель, Мстиславъ, Рославль, Оршу, Копысъ, Шкловъ, Гору, Друю. Царь осадилъ Смоленскъ, въ которомъ заперся съ гарнизономъ и шляхтою воевода Филиппъ Обуховичъ.

Казаки взяли Рѣчицу, осадили Гомель, но не могли взять его и присоединились къ царскому войску подъ Смоленскомъ...

Смоленскъ, обороняемый опытнымъ воеводою, долго и упорно защищался, но наконецъ принужденъ былъ сдаться; русскіе пошли далѣе и одинъ за другимъ брали польскіе города: Вильно, Ковно и Гродно. Въ свою очередь Хмѣльницкій, подкрѣпленный царскими войсками, гро-

милъ поляковъ съ юга и побѣдоносно дошелъ до Вислы.

Но этимъ еще не кончились несчастія Польши, на нее напалъ воинственный шведскій король Карлъ X, который взялъ самую Варшаву и Краковъ.

Наконецъ при участіи и заступленіи Австріи Польша была спасена и заключила съ Россіей перемиріе въ 1656 году; по этому перемирію за царемъ оставалась Малая и Бѣлая Россія.

Поляки между тѣмъ еще не отчаявались сойтись какъ нибудь съ Хмѣльницкимъ и неоднократно посылали къ нему своихъ пословъ, которыхъ Хмѣльницкій принималъ, какъ частныхъ лицъ. Послы обѣщали Хмѣльницкому, если только онъ вновь присоединится къ Польшѣ, непремѣнно выполнить все то, что было обѣщано казакамъ въ замостскомъ и зборожскомъ договорахъ, обѣщали они даже и больше; но Хмѣльницкій отвѣчалъ имъ отказомъ и доказывалъ имъ невозможность новаго соединенія Украйны съ Польшей.

Послѣдній разъ посолъ Яна Казиміра, пріѣхавшій къ Хмѣльницкому съ новыми предложеніями, также не успѣлъ ничего добиться, ему только пришлось присутствовать на похоронахъ Хмѣльницкаго.

Хмѣльницкій до самой смерти своей не переставалъ думать и стремиться къ тому, чтобы доставить Украйнѣ какъ можно болѣе свободы и самостоятельности.

Въ этихъ заботахъ и скончался Хмѣльницкій 15-го августа 1657 года.

Хоронили Хмѣльницкаго 23 августа въ Субботовѣ, гробъ поставили въ каменномъ храмѣ, имъ-же, Хмѣльницкимъ, выстроеннымъ.

Громадныя массы народа провожали трупъ умершаго на мѣсто его послѣдняго упокоенія.

Въ одной старинной малороссійской пѣснѣ такъ говорится о погребеніи Хмѣльницкаго и о горѣ, которое охватило въ то время народъ украинскій:

„То не вѣтры осенніе бушевали въ дубравѣ, то плакали и вопили казаки, погребая батьку своего стараго Хмѣльницкаго“.

погребеніи присутствовалъ посолъ Казиміра, съ честью проводившій на до могилы. Но не было покоя и въ могилѣ: когда Чернецкій за- ъ потомъ Субботово, то онъ вы- ть на поруганіе изъ могилы кости ницкаго, всю жизнь свою посвятив- благу Украйны.

ЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Глава I. На родинѣ 409

„ II. Осада 418

„ III. Старики 430

„ IV. Опять кровопролитіе . . . 445

„ V. Едино стадо—и единъ пастырь 455

„ VI. Изъ архива. 466

„ VII. Заключеніе 497